

ПОИСКИ НАЧАЛА РОМАНА «ВОЙНА И МИР»

ПЯТНАДЦАТЬ НАБРОСКОВ (1863—1864)

Статья и публикация Э. Е. Зайденшнур

О возникновении замысла романа «Война и мир» много и подробно рассказал сам Толстой. С его слов известно, что истоком этого замысла явилась его работа над повестью о декабристе. Для того чтобы понять своего героя, писателю нужно было «перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года» (т. 13, с. 54). Эпоха эта вне зависимости от первоначального замысла глубоко заинтересовала Толстого. Стал созревать план «истории из 12-го года».

«В 11 году у старого князя Волхонского гостит молодой Зубцов». С этой тотчас же зачеркнутой фразы началось писание задуманной «истории»*. Но нет сомнения, что ей предшествовала огромная внутренняя работа, какая предшествовала созданию других произведений и до и после «Войны и мира». «Просыпался рано и в пробуждении пробовал придумывать свои лица» (т. 47, с. 88), — отметил Толстой в дневнике во время работы над «Юностью». «Много успел, хотя не на бумаге, — писал он по поводу «Семейного счастья». — Я очень доволен тем, что в голове. Фабула вся неизменно готова» (т. 48, с. 20). Подробнее об этом внутреннем творческом процессе, предшествующем писанию, Толстой говорил в связи с замыслом, возникшим вскоре после окончания «Войны и мира». Он рассказал о «мучительной» работе «глубокой пахоты того поля», на котором он «принужден сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них $\frac{1}{1\,000\,000}$, ужасно трудно»¹. И позднее Толстой нередко рассказывал содержание задуманных произведений еще до того, как принимался за них ². «Я чувствую, что скоро начну работать и с большим увлечением, и забуду себя. Многие очень важные вещи стали для меня совершенно ясны, но сказать их не могу еще и ищу слов — формы»³.

Так же созревала в мыслях «история из 12-го года». Толстой «бесчисленное множество раз начинал и бросал писать» ее, временами «отчаивался» в возможности высказать все то, что ему «хотелось и нужно высказать». Намереваясь поведать читателю о трудностях, сомнениях и тревогах, возникавших во время «предварительной пахоты поля», Толстой в то же время раскрыл характер нового замысла. Задумано было произведение «с величественным, глубоким и всесторонним содержанием», в котором должны участвовать «значительные лица 12-го года». Автор испытывал настоятельную потребность высказать в произведении все, что он «знал и чувствовал из того времени», и осветить стороны жизни, которые он считал важными. Работу затрудняла «необходимость выдумкой связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились у художника; несообразными с задуманным содержанием казались «простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа»; возникала боязнь, что

* Статья об истории писания романа «Война и мир» (1863—1869) напечатана нами в т. 16, с. 19—141.

«писание не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории» (см. ниже, с. 334).

Не каждое произведение Толстого имеет такую подробную и всестороннюю авторскую документацию начального периода работы, как «Война и мир». И в то же время ни об одном произведении, кроме «Войны и мира», не возникла ничем не подкрепленная, но твердо укоренившаяся легенда о первоначальном замысле. Еще тридцать пять лет тому назад было высказано предположение, что Толстой задумал семейную хронику, а замысел исторической части возник после того, как определился сюжет «мира»⁴. С этого времени почти все исследователи подходили к изучению «Войны и мира», принимая на веру эту точку зрения, которая, переходя из работы в работу, приобрела характер уже не предположения, а утверждения. Создалась некая стройная концепция, согласно которой Толстой намеревался «создать поэтическую семейную хронику» двух дворянских родов Болконских и Ростовых, при работе над которой преимущественное внимание художника сосредоточивалось в первые годы работы на «воссоздании картин мирной жизни дворян». Толстой отказался в начале работы «от ввода в роман исторических и государственных деятелей изображаемой эпохи»; «исторические события должны были служить лишь веками, этапами, фоном для развертывания хроники дворянской жизни». Позднее Г. А. Волков, один из редакторов «Войны и мира» в Юбилейном издании, на основе дальнейшего изучения рукописей изменил свою прежнюю точку зрения и в статье в «Литературной газете» впервые заявил в печати, что задуман был не семейный, а историко-бытовой роман; однако ряд неверных суждений о первоначальном периоде работы Толстого привел его к выводу, что «первая полная редакция, законченная в 1867 г., носит на себе черты дворянского сословного романа с ярко выраженной дворянской идеологией», и лишь «на четвертом году работы дворянский роман превратился в народную эпопею». В некоторых работах отмечается даже «реакционная концепция» Толстого, будто бы проявившаяся в первоначальных рукописях, и утверждается, что лишь после того, как в 1865 г. Толстой «углубился в создание „Войны и мира“, в изучение памятников и источников по 1812 году, объективно и глубоко проанализировал их, он пришел к диаметрально противоположному выводу. Писатель как бы вспомнил про ту, на время позабытую <1> идейную направленность в сторону народа, которой пронизана вся его предыдущая деятельность, и уже без всяких колебаний навсегда отказался от временно захвативших его антидемократических взглядов». Некоторые исследователи относят переломный момент в работе над романом к еще более позднему времени, к 1867—1869 гг., будто бы только тогда «вполне определяются писателем оценка и освещение исторических лиц и событий, а главное — роль народа в историческом процессе». Все эти «глубокие изменения» во взглядах Толстого якобы привели его «к идейному переосмыслению всего ранее написанного»: первоначальный замысел претерпел коренные качественные изменения, в результате которых «центр внимания художника» был перенесен с «истории дворянских семейств на историю народа»⁵. Невозможно понять, как могла возникнуть эта легенда, которая вот уже тридцать пять лет переходит из одной работы о «Войне и мире» в другую, продолжая спутывать и искажать действительные факты.

Приведенные выше авторские свидетельства, относящиеся к зарождению замысла и началу работы, а главное, анализ рукописей романа, которые позволяют не только заглянуть в творческую лабораторию писателя, но дают иногда возможность проследить за ходом его мысли, убеждают, что с первого же момента Толстым было задумано историческое художественное произведение. В основе возникновения замысла лежал глубокий интерес к исторической и общественно-политической теме. Истоком зарождения замысла был выдвинутый общественным движением 60-х годов в России один из острых вопросов — о решающей роли народных масс как движущей силы общественного развития. Даже в первоначальных набросках достаточно явно отражено стремление Толстого поставить в художественном произведении эти острые вопросы современности и по-своему ответить на них.

ПОИСКИ НАЧАЛА

Работа над романом началась в первой половине 1863 г. В первый год работы Толстой изучал исторические сочинения, разыскивал и изучал материалы, обещающие общественно-политические интересы людей той эпохи, знакомился с мемуарами и письмами, рассказывающими о быте и нравах тех людей. Все это помогало художнику почувствовать дух времени, ощутить звук и запах эпохи, проникнуться сознанием людей, которых ему предстояло изображать.

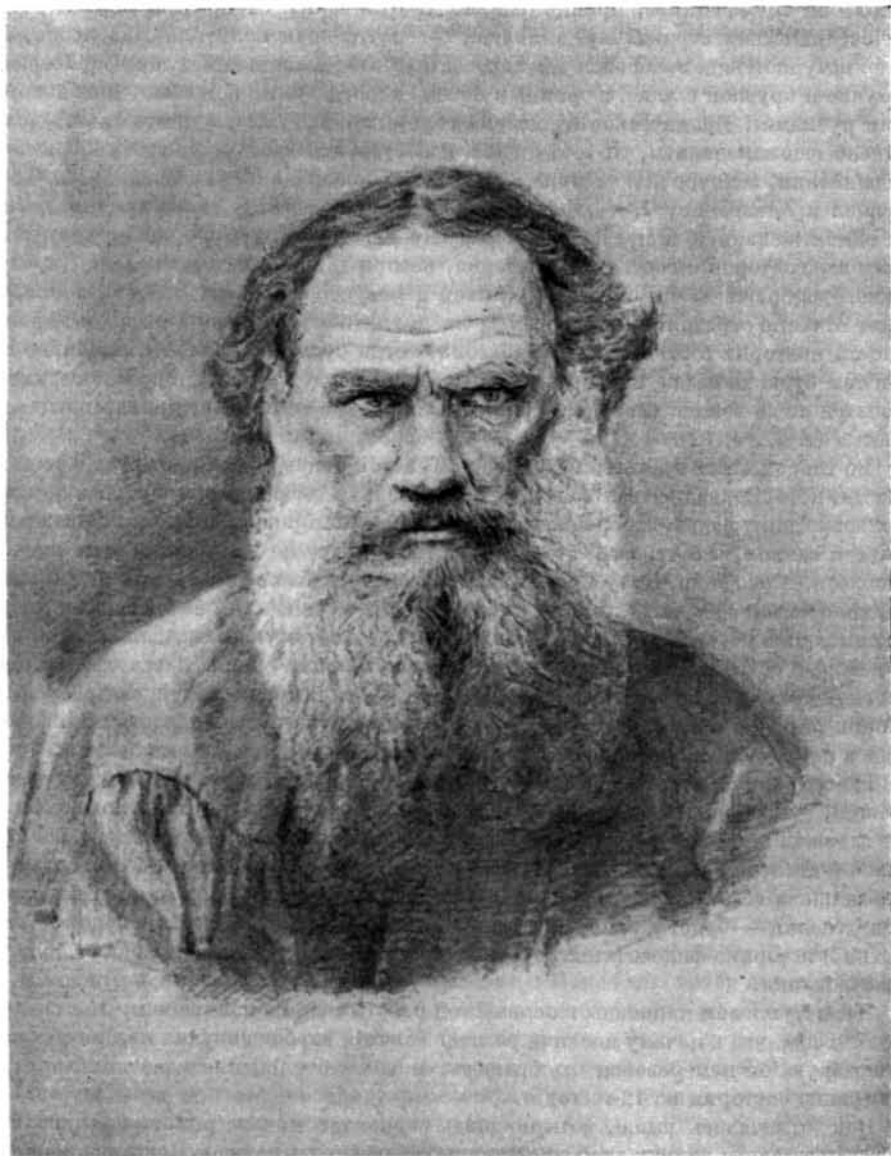
Первая написанная Толстым фраза о молодом Зубцове, гостившем у старого князя Волконского *, взятая изолированно, не раскрывает замысла писателя. Если же ее связать с последовавшими за ней многочисленными набросками начала романа, то станет ясным намерение автора начать действие в имени князя Волконского; молодой Зубцов, очевидно, должен был выполнять роль, переданную впоследствии князю Андрею. Вслед за первой зачеркнутой фразой писались и один за другим отбрасывались неудовлетворявшие писателя наброски начала романа. Их сохранилось пятнадцать. На создание их ушло около года.

Наброски начала, хотя и незначительные по объему, многое рассказывают о замысле автора, о том, на что было устремлено его внимание, чего он добивался. Можно отчасти понять, почему один за другим отбрасывались первые варианты. В набросках отражено, как постепенно раздвигались хронологические границы действия. В первых четырех начале действия — 1811 г., причем в третьем дата уточнена: «В 1811-м году... в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I и Коленкур был заменен Лористоном». Во вступлении же к четвертому наброску дан, кроме того, обзор исторических событий за период «между Тильзитом и пожаром Москвы», т. е. между 1807—1812 гг. В следующих двух набросках действие начинается в 1808 г. Наконец, в 7-м варианте сделан решительный отход вглубь истории: к ноябрю 1805 г., дням подготовки к Аустерлицкому сражению. Год 1805 закрепился. Однако Толстой продолжал отодвигать начало действия. В девятом — двенадцатом вариантах начало действия приурочено к лету 1805 г., к тому времени, «когда только объявлялась Россией первая война еще непризнанному тогда императором Наполеону», причем во вступлении, предшествовавшем одиннадцатому варианту, дан обзор событий, начиная с августа 1804 г., момента разрыва сношений России с Францией. В последних трех вариантах действие отнесено к началу 1805 г., когда «первая европейская коалиция против Буонапарта была уже составлена». Вступление же к тринадцатому варианту охватывало исторический период «между французской большой революцией и пожаром Москвы».

Каждый новый набросок начала становился своеобразным прологом к предыдущему. Когда в центре внимания автора был 1812 год, он отодвинул начало к 1808 г., чтобы открыть широкую историческую перспективу от Тильзитского мира до начала Отечественной войны. Осуществляя новый замысел — начать действие первой войной с Наполеоном 1805 г., он постепенно отходил назад с той же целью дать картину исторических событий и жизни людей, предшествующую центральному сражению войны 1805 г. — Аустерлицкому. Стремление отодвигать действие от кульминации к предыстории характерно для всех пятнадцати вариантов начала «Войны и мира».

Анализ содержания ранних набросков дает представление о том, как Толстой искал завязку, которая позволила бы сразу ввести в действие все пружины его многопланового произведения, каким оно уже тогда представлялось ему. Надо было с первых строк дать представление об общественной и военно-политической обстановке в стране к моменту начала действия и одновременно познакомить читателей с «полувывмышленными» действующими лицами в их бытовой обстановке, т. е. создать ту, по

* В автографах написание этой фамилии не выдержано: то Волконский, то Волконский.

ТОЛСТОЙ

Рисунок И. Н. Крамского, 1885—1887 гг. по фотографии 1884 г.

Музей Толстого, Москва

из двух частей: в первой дано освещение эпохи, во второй поставлен вопрос о роли государственных деятелей в историческом процессе. Третье вступление, содержащее обзор «первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции», принципиально не отличается от предыдущих. В нескольких сатирических строках представлена завоевательная политика Наполеона, почти в карикатурном виде изображен сам завоеватель, этот «маленький человечек, в сереньком сюртучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками». Ироническое отношение Толстого к могуществу этого завоевателя дополнено еще замечанием, что этот «человечек» старался «раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения». Обрисовав Наполеона и его деятельность, Толстой перешел к Александру I, «молодому, любезному, красивому монарху», который «горел одним желанием славы для себя и своего народа». Толстой сравнил деятельность обоих императоров с состоянием ребенка, который, держась с позволения кучера за вожжи, воображает, что он правит «лихой и могучей тройкой». Это сравнение, в котором отчасти отразились его взгляды на роль личности в историческом процессе, Толстой повторит в отношении Наполеона, когда будет заканчивать роман, но Наполеон там будет показан в более жалкой роли: он будет сравнен с ребенком, который держится не за вожжи «могучей» тройки, а только «за тесемочки, привязанные внутри кареты» (т. 12, с. 92).

Во второй части третьего вступления Толстой открыто полемизирует с теми историками, которые, записывая в свою летопись только те события, что отразились в официальных документах, воображают, будто пишут «историю человеков». В заключение Толстой заявил, что героями его произведения будут не государственные люди, как Наполеон, Александр, Кутузов и Талейран, не те приближенные к ним люди, которые стремились только «найти лишние рубли, кресты и чины», а обыкновенные люди, не принимавшие участия в политической борьбе, а потому незамеченные историками, но которые оставляют в истории значительно большие следы. Здесь сформулирован основной тезис Толстого: содержание истории — это история людей, «человеков», а не история царей и генералов. Задача автора показать, что именно эти обыкновенные люди в период опасности сделали для спасения родины больше всех.

Не сохранилось и это вступление. Сначала отпала только первая часть его, и следующий, четырнадцатый вариант начинался вступлением, в котором акцент был сделан главным образом на отношении автора к роли государственных деятелей. Затем отпала и последняя часть. Эпоха будет раскрыта в самом действии, без предварительного анализа ее автором. Оценка роли исторических лиц — одна из центральных тем произведения — будет также решаться самим действием, посредством художественных картин и историко-философских рассуждений автора, которые войдут в образную ткань повествования.

Все вступления написаны в первый год работы над произведением. Они свидетельствуют о том, что к началу писания романа Толстой глубоко изучил историческую эпоху, которую он намеревался изображать, и с четких идейных позиций приступил к созданию «истории из 12-го года».

Как отмечалось выше, четырнадцать вариантов начала романа содержали в себе беседы и споры вокруг злободневных политических вопросов. Действие начиналось то в Лысых Горах, имении старого князя Волконского, то в Петербурге на бале екатерининского вельможи, то в Москве в доме графа Простого (Плюхого, Толстого) за именинным обедом, то опять в Петербурге на званом обеде в доме молодого князя Андрея Волконского, то, наконец, в салоне Annette D., фрейлины императрицы Марии Федоровны. Где бы ни собирались «героини и герои» (т. 13, с. 55) будущего романа, они непременно начинали обсуждать создавшуюся в Европе политическую обстановку.

Замысел начать действие в имении князя Волконского отражен в первом же приступе к писанию романа, в цитированной выше фразе о молодом Зубцове, гостившем в 1811 г. у князя Волконского. Эта первая, тотчас же зачеркнутая фраза заменилась кратким перечнем действующих лиц и наметками их взаимоотношений (см. т. 13, с. 13). После этого Толстой вернулся к князю Волконскому. Новый набросок озаглавлен «Три поры». Далее: «Часть 1-я. 1812 год». Заглавие говорит о том, что в данный период

работы сохранялось еще намерение автора не ограничиться «историей из 12-го года». 1812 год — это первая «пора». Следующие две: 1825 год, восстание декабристов, и 1856 год, возвращение их из ссылки. Пока создается первая часть. Текст начался с характеристики старого князя, жившего в 1811 г. в Лысых Горах с дочерью и ее компаньонкой француженкой. На этом второй набросок прерван. Толстой неоднократно возвращался к этой рукописи, перерабатывая ее в соответствии с новыми задачами. В качестве второго наброска начала она заканчивалась словами: «...умственной деятельностью»; упоминаний о сыне князя Волконского еще не было (см. ниже стр. 325—326)⁶. В таком виде набросок был отложен.

Появилась совершенно новая мысль, осуществленная в следующем, третьем наброске: началом действия должен был быть придворный бал. Написана только сцена перед «известным всему городу домом вельможи» на Английской набережной в Петербурге; ждут приезда на бал императора. Действие не развернулось. Возник замысел исторического вступления, в котором обзор событий доведен вплоть до назревающего конфликта между Россией и Францией в 1811 г.; приведен текст писем, которыми обменялись в это время императоры. Действие в этом 4-м варианте открывается балом у екатерининского вельможи; бал происходил в то самое время, когда писался ответ на письмо Наполеона. «На бале должен был быть дипломатический корпус, сам Лористон и государь», который был озабочен. «Причину же озабоченности его знали только те некоторые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону». Среди присутствующих на бале названы князь Куракин, «только что вернувшийся от государя» и знавший о его тревогах, сыновья князя Куракина, которых после того, «как начались недружелюбные переговоры между петербургским и тюльерийским дворами», князь вызвал «обратно в Россию из Парижа». Особенное внимание обратили на себя на бале: «ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель-адъютанты» (это тот самый Зубцов, который в первом наброске должен был начать действие произведения); «урожденная Княжнина, фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнева, одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего, потом известный повеса меньшей князь Куракин» и «мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга». Все эти лица должны были, естественно, занять значительное место в произведении и напоминают некоторых из героев «Войны и мира». Граф Зубцов и князь Кушнев — друзья. Они обрадованы неожиданной встречей, и князь Кушнев немедленно начинает разговор о Наполеоне. «Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? Его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это все еще un mauvais drole*, от которого долго не будет людям покоя». На фоне преклонения перед всем французским отрицательное высказывание о Наполеоне сразу выделяет этого героя самостоятельностью суждений. Чтобы сильнее подчеркнуть это, Толстой заставил ротмистра Зубцова, «шутя, как будто испугавшись» слов своего друга, указать ему на проходившего недалеко французского посланника Лористона. Упомянут еще среди гостей «старичок» Волхонский, с которым князь Кушнев вступил «в ожесточенный спор о Наполеоне».

С достаточной долей вероятности можно допустить, что теперь Толстой решил роль, предназначавшуюся молодому графу Борису Зубцову, передать сыну князя Волконского. Толстой вернулся к отложенному наброску «Три поры». Теперь был вставлен текст о сыне, который с самого начала стал именоваться князь Андрей, но в отношении характера нового персонажа известно лишь, что «отец его знать не хотел», так как он «женился бог знает на ком». Затем рукопись была продолжена: описан уклад жизни Волконских в Лысых Горах, рассказано кратко о княжне Марье и ее компаньонке m-lle Sillienne. Действие доведено до того момента, когда в Лысых Горах ожидают приезда князя Андрея, которому отец разрешил «перед кампанией» приехать проститься. Беременная жена князя Андрея находилась в Лысых Горах. Заметки на полях рукописи отчасти отражают дальнейший замысел автора. Среди них

* злой шутник (франц.).

запись о Наполеоне: «Переходил через границу завоевателем, все покорялось, теперь едет покоряться кондуктору». Отмечен такой еще факт: «Дибич противн. (?) взял в левую руку шпагу». Толстой воспользуется этим при изображении Берга на войне. Нескольким заметкам относится к пребыванию французов в Москве. Заметки на полях дают основание утверждать, что тема войны входила в план на самом раннем этапе работы. Набросок пока вновь отложен.

В новом, по счету пятом, варианте действие начинается в 1808 г. и перенесено из Петербурга в Москву, в дом графа Простого. Появляется заглавие, вероятно, первой части или группы глав: «Именины у графа Простого в Москве 1808 года». Набросок начинается словами «спорившего юноши Léon»: «Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал. Я совсем этого не говорил. Я говорю, что он великий человек». Этот юноша, «единственный сын князя Безухого, наследник 40 тысяч душ и огромных капиталов бабки», — центральный персонаж нового наброска. «Он спорил со всеми. Все были против него». Не обращая внимания на возражения присутствующих, юноша продолжает настаивать на том, что Наполеон «самый великий полководец мира» и что он «придет в Петербург так же, как в Вену и Берлин».

Действие происходит в доме будущего графа Ростова. Действующие лица и обстановка за именинным обедом напоминают известные сцены заверченного романа. Но не семья графа Простого пока в центре внимания автора; пятый набросок начала организован только вокруг острых политических вопросов, причем юноша Léon, так же как в предыдущем наброске князь Кушнев, высказывает взгляд на Наполеона, противоречащий мнению окружающих. Закончив сцену спора за обедом, Толстой начинает писать роман заново. Действие начинается точно так же в доме графа, но не Простого, а Плохого, тоже в день именин, но не за обедом, а утром того же дня. Первоначально новый вариант был озаглавлен почти так же, как и пятый, — «Именины в Москве 1808 года», и, видимо, тогда же сменилось заглавие. «День в Москве» — так озаглавлен затем 6-й вариант начала. На полях первой страницы конспективные заметки к содержанию; среди них такие: «За обедом умный и тонкий разговор о политике», «И(ван) К(уракин), Берг за правительство (...) Большие и малые о Бонапарте». Намечен затем «разговор графини о детях». — Запись: «Дружба навеки 4-х» относится к молодежи в доме графа. Сделаны заметки к характеристике Бориса, будущего Друбецкого, и Берга. Заметки на полях рукописей, отражающие творческие размышления автора, являются значительным подспорьем для исследователя при анализе направления работы над произведением.

Текст 6-го варианта разделен на девять небольших глав. В первых четырех изображена хорошо знакомая по окончательному тексту сцена в доме графа Плохого. Семья графа, обстановка в доме, гости, приезжавшие поздравлять, дети, вбегающие в гостиную, и Наташа с куклой, взаимоотношения между детьми — впервые появились только теперь, и все довольно близко по содержанию к окончательному тексту. В пятой и шестой главах действие переносится в дом умирающего графа Безухого, и здесь читатель знакомится с княгиней Анной Алексеевной Щетиной, которая приехала вместе с сыном Борисом и «чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность». Толстой безжалостно разоблачает сущность ее «обязанности»: «Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы вместе с пальцем получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась». В дом Безухого перенесены также другие персонажи, определившиеся в предыдущих набросках: «светский дипломат» князь Василий Позоровский, занимавший «одну из высших должностей» и «приехавший за тем же, за чем княгиня Щетина»; молодой граф Аркадий Безухий, который опять и своим поведением и образом мышления выделяется из окружающих его людей; Борис Щетинин, которому было «неловко и неприятно за свою мать», но в характере которого тем не менее проявятся во время беседы с молодым Безухим черты, роднящие его с матерью. Впервые создан образ старого графа Безухого и показан страшный контраст «роскоши огромного высокого кабинета, полного драгоценностями искусства» с тем «жалким, зараженным дурным воздухом углом», в котором находилось «жалкое существо» — больной хозяин кабинета. Даже в разговор

умирающего Безухого с княгиней Щетининой, далекой от интересов государства, Толстой ввел политическую тему. Граф «стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского, осуждая все».

Последние три главы (5—7) — именинный обед у графа Простого. Описаны съехавшиеся гости: кузен графини, «желчный известный умник» Шиншин, гвардейский офицер Берг, Борис Щетинин, князь Василий. Между гостями шел разговор о политических новостях, о неизбежности войны. В это время вошел молодой Безухов. К 6-му началу Толстой в качестве главы 8-й присоединил 5-й набросок, открывающийся спором за обедом. Теперь все спорившие лица знакомы читателю. Объединив таким образом две рукописи, Толстой дописал новую, девятую главу. «Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о достоинствах Бонапарта продолжался весь обед между Бергом и Шеншиным». Князь Василий отстал от спора, «не находя его для себя приличным» теперь, после Тильзитского мира. Поведение князя Василия четко определило время действия, указанное и в заглавии. Шеншин продолжал спорить, резко осуждая возникавшее в России после Тильзита преклонение перед Наполеоном. Князь Василий был «выведен почти из себя». На этом прервался политический спор. Толстой перешел к другим участникам, к детям, появилась известная сцена поведения детей, особенно Наташи, за обедом и конспективно намечено дальнейшее изложение вплоть до разъезда гостей от графов Плехих.

Этой рукописью, созданной не позднее февраля 1864 г., закончился этап работы, связанный с задуманной «историей из 12-го года». Написано шесть эскизов начала, но работа не налаживалась. В основе созданных набросков — беседы и споры по волнующим всех собравшихся вопросам общественной и политической жизни. В этих беседах должна отразиться эпоха, а также выявиться различное восприятие людьми того времени совершающихся исторических событий. Вероятно, так же, как отдаленное от столицы имение старого князя Волконского, к тому же находившегося в немилости, так и придворный бал оказались неподходящим местом для собрания лиц разного положения в обществе и разных политических направлений, и не создалось нужных автору условий для начала действия. Гости, съехавшиеся на именины к московскому графу, по своему общественному положению далекому от великосветских кругов, также оказались, по-видимому, не достаточно благоприятной средой для отражения различных общественных взглядов, которые должны были подготовить переход к большим историческим вопросам задуманного произведения. Не помогло решению задачи и историческое вступление, предпосланное 4-му варианту.

В это время возникло намерение отодвинуть начало действия к первой войне с Наполеоном, к ее центральному событию — Аустерлицкому сражению. Пришел Толстой к этой мысли «по чувству, похожему на застенчивость». «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама», — признавался позднее Толстой. Перед ним встала задача показать, что «сущность характера русского народа и войска», явившаяся причиной торжества в войне 1812 г., должна была «выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений» (т. 13, с. 54).

Толстой начал роман в седьмой раз. Завязкой был выбран теперь исторический факт: Аустерлицкое сражение, закончившееся поражением. Из «полувымышленных» героев участвуют молодой граф Федор Простой, Борис Горчаков, Берг и князь Андрей Волконский. Эти имена и ряд других деталей сближают новый вариант с предыдущими: «Три поры» и «День в Москве». Из них Толстой отчасти заимствовал материал для характеристик и биографий персонажей. Впервые в этом наброске в качестве действующих лиц выведены исторические деятели: Кутузов и Багратион, Александр I, Наполеон, австрийский император Франц и около двадцати других участников первой войны. Впервые объединены они с «полуисторическими, полубытовыми» полувымышленными великими характерными лицами великой эпохи» (т. 13, с. 54), как назвал Толстой героев своего произведения. «12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова и Багратиона сделавшие отступление к Брюну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров», — так сразу с действия началось произведение. В отдельных

стенах и эпизодах с участием исторических и вымышленных персонажей, в их диалогах, а также в авторских отступлениях изображена предшествовавшая Аустерлицкому сражению обстановка и настроение в штабе и в войске. В беседе с гвардейским офицером Борисом Горчаковым армейский офицер граф Простой рассказывает о храбрости русских солдат и офицеров и об отрицательном отношении в армии к «штабным». Князь Андрей Волконский в разговоре с Борисом рассказывает о положении в штабе. Как в предыдущих набросках молодой Безухов, так и в этом князь Волконский высказывает свое суждение о Наполеоне как о «лучшем полководце мира».

С нескрываемым возмущением описан военный совет, после которого участники разъехались «кто веселый, достигнув цели и надеясь на победу, кто грустный, не достигнув цели и боясь победы, кто веселый, ожидая поражения, кто убежденный в измене». Из контекста явствует, что убежден в измене австрийцев был Кутузов.

Отсутствие единства в военном руководстве Толстой неоднократно противопоставляет абсолютное единство в войске, где все слиты, где есть «только артиллерия, пехота, конница (<...> Каждый член этих громад помнит все и вполне забывает себя». И дальше Толстой уделяет много внимания показу настроения солдат, чтобы отразить важную роль народа, который собственно и добывает победу. Когда предстоящее сражение «расшевелило в приближенных много страстей — честолюбия, зависти, ненависти и страха», войско готовилось к сражению и, «страдая, поднималось духом». Выстрелы, которые слышались с аванпостов неприятеля, «отозвались в душе каждого человека русской армии. Все ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено столько трудов, лишений, для которой по пятнадцати лет вымучивались солдаты, оставлена была семья и дом и из мужика сделан воин, для которой 80 тысяч человек жили в поле без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом, неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, пренебрегая для себя и для всех всеми условиями привычной человеческой жизни». Раскрыв таким образом черты характера русского народа в условиях войны, Толстой настойчиво показывает, как «с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела» становилась «сосредоточеннее, звучнее, стекляннее» душа армии и неизменно «как шум моря» все слышнее и слышнее становилась каждому сердцу «строгая и величественная одна, все одна нота».

В 7-м варианте со всей решительностью выдвинут один из важнейших, по убеждению автора, факторов в войне — дух войска и умение обращаться с ним, «искусство поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». Еще до описания самого сражения Толстой подвел свои рассуждения к выводу, что одна из серьезных причин поражения русской армии при Аустерлице заключалась в отсутствии самого главного, что подымает и поддерживает дух войска, — тесной связи между начальниками и подчиненными, доверия к начальникам. Армией командовал австрийский штаб, а «австрийцев и их начальников презирали».

Описание Аустерлицкого боя началось вступительной фразой о том, что «в десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских». Это подтверждало правоту Кутузова, а также справедливость толков в войске об измене. Переходя к французской армии, Толстой особо останавливается на Наполеоне, подчеркивая, что «измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат».

При описании сражения Толстой обращает внимание на стратегически невыгодное положение русской армии, отмечает состояние Кутузова, который был в этот день «совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после, при Бородине и Красном», показывает отрицательную роль Александра I и Франца, торопивших наступление. Гневно обрушивается Толстой на австрийских колонновожатых, которых он считал в большой степени виновниками Аустерлицкого поражения.

Картина боя, несмотря на конспективность, дана с огромной силой напряжения. Сначала показаны два императора со свитой, в которой «большинство ничего не понимало» в том, что делалось на поле сражения. «Только государи и ближайшие к ним, видимо, понимали и интересовались чем-то и были различных мнений с Кутузовым». Следующий эпизод — охватившая всех паника, «куда ни посмотрите, везде испуг и страх». И, наконец, бегство с поля битвы, причем «государи впереди» бегущей толпы.

В иной роли выступают Кутузов и его любимый адъютант Волконский. Их нет в толпе бегущих; они остаются на поле сражения, князь Волконский со знаменем впереди солдат. Конспективно намечено окончание сражения: «начальство скачет мимо», сражение ведут до конца Дохтуров и Ермолов. «Волконской исходит кровь», «Борис идет к командиру полка», «Берг интригует». А в штабе «всех обвиняют <...> кроме себя», отметил Толстой, давая понять, кто же с его точки зрения был действительно виновен.

На этом заканчивается 7-й вариант начала, созданный не позднее марта — апреля 1864 г., и который как по содержанию и композиции, так и по идейной направленности можно считать эскизом заверщенного текста третьей части первого тома. В нем впервые выведен народ в качестве героя произведения и определена его решающая роль в исходе сражения.

Поиски художника не закончились. Набросок доведен в своем плане до конца. Главный из вымышленных героев, князь Волконский, показав пример высокого героизма, погибает. Других действующих лиц, которые могли бы в дальнейшем организовать художественное повествование, в этом варианте нет.

Сделав попытку начать произведение с военной сцены, Толстой был захвачен волновавшими его военно-историческими рассуждениями, которые заняли в тексте несомерно большое место. Быть может, отчасти и это обстоятельство заставило прервать работу. Можно также предположить, что Толстой не стал продолжать свое повествование потому, что ему понадобился пролог к центральному действию.

Очевидно, теперь Толстой стал пытаться объединить ранее написанные наброски с только что законченным. Он стал исправлять и дополнять отрывок «Три поры», приспособляя его к новому замыслу. В тексте 1811 г. изменен на 1805, введены новые эпизоды, характеризующие старого князя, его отношения с дочерью и слугами. Сначала конспективно намечено было продолжение: в Лысые Горы приезжают гости «молодые князья Т. с гувернером из-за границы». Приехавшие князья напоминают будущих Ипполита и Анатолия Курагиных. Далее намечен конспект беседы старого князя с гостями о войне: «Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его <...> Аббат презирал революцию, но уважал *la capitale du monde**. Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска». Заканчивается набросок конспективным изложением происшествий в доме Волконских. Конспект окончания зачеркнут и продолжено действие: приезд в Лысые Горы Анатолия Курагина, которого отец намерен женить на княжне Марье, намечена интрига между Анатолем и компаньонкой княжны и, наконец, описан приезд в Лысые Горы князя Андрея с беременной женой. «За обедом говорили о войне», — переходит Толстой к установившейся в предшествующих вариантах начала теме беседы собравшихся людей. «Они перебирали корпуса, начальников. Князь Николай Андреич говорил, что набор тяжел, что полководцев нет. Князь Василий заступался за Кутузова. Князь Андрей заступался тоже. Отец его презрительно усмехнулся и стал рассказывать силы, средства и искусство Наполеона, которые он, сидя в деревне, лучше знал, чем он, полковник». Также конспективно описаны прощание князя Андрея с отцом, женой и сестрой и отъезд его в армию.

Дополнив так свою старую рукопись, Толстой связал ее с только что созданным 7-м вариантом начала.

«Не один князь Андрей прощался перед войной, — так начал Толстой текст вставки, связавшей две рукописи. — Война чувствовалась тогда во всем, полки шли, подводы наряджались, ехали генерал-адъютанты, великие князья, и сам государь проехал. Ему чинили дороги <...> Государь прокатил, как по шоссе. В народе ходили толки о (Наполеоне), говорили, что он уже побил австрийцев. (Как всегда молва предсказывала)», — добавляет Толстой и пишет далее: «Письма просительные <за> сыновей надоедали всем генералам. Вся Россия хотела быть адъютантом. Слышно было, что Кутузов с войском уже перешел границу. Гвардия, говорили, выступит. Все подписывались на газеты. Все ждали успеха. Правительство было молодо, и все надеялись. Но

* столицу мира (франц.).

хотя дошли слухи о побитии австр<ийцев>, слуху этому порадовались. Тем лестнее будет русским побить Наполеона, победителя австрийцев». Толстой живописует: «Вот гвардия великоленная, богатая прошла с обедами и угощениями, вот государь уж там, курьеры и эстафеты летят чаще, полки ближе и ближе приближаются к границе, и все ждут, все ждут, кто новых наборов, кто победы и славы» (т. 13, с. 95).

В нескольких строках Толстой дал сжатый обзор событий к моменту вступления России в войну. И тут он не бесстрастный летописец. Он не пропустил случая отметить что в придворных кругах все выглядит парадно, торжественно, а в то же время в народе ходят толки о том, что Наполеон уже побил австрийцев. Многозначительное добавление о правоте народной молвы подсказывает, на чьей стороне автор. Соединив таким образом две рукописи (исправленные 2-й и 7-й варианты), Толстой на полях последней рукописи также сделал соединительную вставку, являющуюся как бы непосредственным продолжением только что процитированного нового окончания варианта «Три поры». Вставка начинается почти так же: «Не один князь Андрей тогда простился с семьей, оставил беременную бесчувственную жену и весело и бодро скакал куда-то, где ему казалось, что его ждет слава, а где его ждала, может быть, смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев...» (т. 13, с. 98).

Затем автор переходит к описанию отъезда на войну Николая Простого. О семейных Николая Простого говорится, как о знакомых читателю лицам. Это может свидетельствовать о том, что на данном этапе работы к этим двум объединенным рукописям была присоединена еще одна, содержащая 6-й вариант начала, открывающийся описанием семьи графа Простого. Таким образом, благодаря соединению трех в разное время созданных рукописей наметилась уже стройная композиция, приближающаяся к композиции окончательного романа. Две семьи — графы Простые и князья Волконские; в обоих домах напряженные разговоры и споры о надвигающейся войне и о Наполеоне; сыновья Простых и Волконских уезжают на войну. Пролог к Аустерлицу закончен. Затем действие переходит к войне, где «вымышленными» действующими лицами являются знакомые читателю персонажи, только что вырванные из естественных условий мирной жизни.

Рукопись об Аустерлицком сражении превратилась таким образом из начала произведения в продолжение. Толстой приступил к ее обработке в соответствии с созданным для нее началом. Оказались теперь ненужными характеристики действующих лиц, которыми эта рукопись начиналась, их Толстой вычеркнул, затем сделал некоторые стилистические исправления, но, не закончив работы, вновь отложил рукопись, чтобы вскоре еще раз вернуться к ней.

Созданный в процессе объединения этих рукописей текст можно считать 8-м вариантом начала романа.

В письме Толстого к княгине Луизе Волконской говорится, что «блестящий молодой человек», который по первоначальному замыслу должен был быть убит в Аустерлицком сражении, «заинтересовал» его, для него представилась роль в дальнейшем ходе романа, и поэтому Толстой его «помиловал, только сильно ранив его, вместо смерти» (т. 61, с. 80). Очевидно, тогда появились следующие четыре варианта (9—12), в которых действие начинается со званого обеда в доме молодого князя Волконского в Петербурге.

Действие перенесено к лету 1805 г., к тому времени, когда объявлялась первая война Наполеону, когда «в Петербурге во всех гостиных только и было речи про Буонапарте, его поступки и намерения». За обедом у князя Андрея происходят споры о преобразованиях, конституции, о войне и о Наполеоне. Парадный обед у «известного в петербургском высшем обществе» князя Волконского, адъютанта генерал-губернатора, только что переведенного в адъютанты к Кутузову, давал возможность собрать более широкий круг людей; «к нему ездило все то, что считалось замечательнейшим в тогдашнем петербургском обществе», — предупредил автор. «Общество собиралось весьма разнообразное: военные, дипломаты, вновь возникавшее тогда сословие свитских чиновников, бюрократов, иностранцы, ученые и даже артисты». В таком разнообразном обществе легче было отразить различные общественно-политические направления, особенно обострившиеся к моменту надвигающейся войны.

Пользуясь наметившимися в предшествующих набросках чертами, Толстой стал заново создавать, все более детализируя их, образы хозяев, в первую очередь князя Андрея, главного гостя — Пьера, а затем других лиц. Сначала круг гостей, кроме Пьера, был такой: живший в Петербурге «известный изгнанник abbe Piatoli», старушка, тетка княгини, светский молодой человек «приверженец Сперанского». Толстой намеревался подробнее рассказать о присутствовавших, причем не об их внешнем облике, не столько даже о положении в обществе, сколько об их убеждениях. «Чиновник действительно считался замечательным молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенький старичок-иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастье через кн. Адама Чарторижского представлять молодому императору». Замысел такого предварительного раскрытия автором взглядов персонажей сменился иным: связать каждого из гостей с Пьером. В последнем из анализируемых набросков среди гостей названы какая-то барышня, старичок-иностранец аббат, молодой чиновник, принадлежавший к клике Сперанского. Разговор за обедом «зашел о том, о чем все тогда говорили, о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции». Во время подробно переданного Толстым разговора «чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения», Пьер — «свою либеральную философию», аббат — «свои новые идеи народного права и политического устройства». Под конец, когда беседа перешла на войну и на «любимое» князя Андрея военное дело, разговором «завладеет» князь Андрей. Он говорил о военном гении Наполеона и о силе его армии, но, «несмотря на свой восторг к гению Наполеона», он называл его, «как и все в Петербурге, Буонапарте». Разговор о союзе России с Францией и Пруссией, о бульонской экспедиции перешел на последние политические события: коронавание Буонапарте в Милане. Заканчивается беседа заявлением князя Андрея о том, что нет ни одного человека, которого бы он так «ненавидел» и которым бы так «восхищался», как Наполеоном.

Многое уже было найдено автором. В 12-м варианте произведение получило заглавие: «С 1805 по 1814 год». Далее вписано: «Роман графа Л. Н. Толстого». Роман должен был состоять из нескольких частей. Первая озаглавлена: «1805-й год». Особенностью этого варианта является то, что с первых же слов текст его связывает замысел нового произведения с начатой в 1860 г. повестью о декабристе. Новый вариант начинается характеристикой Пьера Безухова, будущего декабриста, о чем автор сообщил в первых же строках. После чего в четвертый и последний раз Толстой стал создавать сцену обеда в доме молодых Волконских, используя предшествующую рукопись.

Вновь изменяется начало произведения. Создается 13-й вариант. Автор колеблется, начинать ли с вступления, или непосредственно с действия. «В то время, когда после неслыханного...» — написал Толстой, видимо, намереваясь коснуться убийства герцога Энгийенского. Не докончив фразы, начинает снова: «Во Франции...», но на первом же слове обрывает и начинает с сообщения о том, кого он намеревается выбрать героями своего произведения: «Читая историю, для нас стирается жизнь того времени. настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, кто <рые>...». Вслед за этой полемической фразой сделаны еще три небольших наброска с описанием «небольшого общества», собравшегося «в 1805 году в одном из покоев еще старого дворца» и характеристикой времени «между французской большой революцией и пожаром Москвы», когда «идея этой революции, по-видимому задавленная и отсвешившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту себя чувствовать».

Все эти заметки зачеркнуты, создается изложенное выше последнее большое вступление (см. ниже, стр. 374 и сл.), а на полях рукописи появляется несколько конспективных заметок к содержанию произведения; среди них: «Переписка о войне, война во всем». В соответствии с этой записью повествование начинается вступительной фразой: «В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу. В старом Зимнем дворце все фрейлины судили о войне». Далее идет рассказ о фрейлине Аннет Б., которая «отпросилась» из царских покоев для того, чтобы вечером «сразу при-

нять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне». Известно, что «все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира». Среди съехавшихся гостей названы князь Василий с дочерью, княгиня Горчакова (это будущая Друбецкая), граф Мортемар. Намечены темы беседы: убийство герцога Энгийенского, захват Генуи, предстоящая война. Дважды повторено, что фрейлина говорила, «разумеется, не на своем языке, а на французском» и «все общество говорило по-французски».

13-й вариант, видимо, Толстой считал наиболее удавшимся и дал его в переписку (ни один из предыдущих не переписывался). Начался обычный для Толстого процесс исправлений и переработок. Правя копию, Толстой сделал еще одну запись на полях, раскрывающую темы беседы в салоне: «Взгляд высшего общества на Бонапарта, на причину и необходимость войны». В этом направлении стал развиваться разговор фрейлины с первым приехавшим на вечер гостем князем Василием. Разговор, «конечно, происходил на французском и даже на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен». Текст рукописи был доведен до того момента, когда беседа от темы политической, интересовавшей фрейлину, перешла на «вопросы внутренних интриг», более всего интересовавших князя Василия. Так в процессе правки создался 14-й вариант. В нем салон фрейлины получил достаточно полное освещение. Хозяйка «считала себя государственным лицом, на котором лежали политические обязанности». Характеризуя общество, которое должно было собраться у фрейлины, Толстой хотел было всех причислить «посредственно и непосредственно к самым влиятельным...», но, не докончив фразы, зачеркнул ее. Если бы все принадлежали к придворному кругу, опять не создалась бы нужная ситуация для отражения различных направлений. Толстой изменил: «Некоторые из гостей, долженствовавших приехать на этот вечер, принадлежали к самым влиятельным придворным и государственным людям и все к одному и тому же лагерю, знаменем которого было убеждение в признании России восстановить законность и святость самодержавия в Европе». Остальные же гости, которых Толстой введет в придворный салон, хотя и принадлежали к высшему обществу, но были представителями другого «лагеря», представителями прогрессивного дворянства того времени.

Исправленная рукопись вновь скопирована. В процессе правки Толстой окончательно отбросил вступление. Словами «Eh bien, mon prince...» открылся 15-й вариант, и это начало закрепилось. Приглашены были на вечер, «по мнению фрейлины, самые замечательные люди Петербурга, цвет общества», которым фрейлина «желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Бонапарта в Италии, вчера только полученными при дворе императрицы Марьи Федоровны». На полях опять сделаны заметки, относящиеся к содержанию первых глав: «NR. Вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной — о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме имп(ератрицы) матери и Александра. С другой — рассказ о Энгийенском. С третьей — о дворе и интригах. Все размерено. Это темы разговоров, которые будут развиты в первых пяти главах первой части».

Поиски начала закончились. Толстой нашел то, что так долго и напряженно искал. Требования, которые Толстой предъявлял к началу произведения, он высказал в связи с работой над романом о декабристах: для начала должна быть найдена такая обстановка, чтобы из нее «как из фонтана» разбрызгивалось действие «в разные места, где будут играть роль разные лица»⁷. Таким «фонтаном» оказался вечер в придворном салоне, в котором, по позднейшему определению Толстого, как нигде «высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра, на котором стояло настроение придворного легитимистского петербургского общества» (т. 10, с. 86).

2

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВ

В процессе поисков начала установилась в главных линиях композиция произведения. «В Петербурге», «В Москве», «В деревне», «Война» — так Толстой позднее сам назвал основные разделы каждой части романа. В дальнейшей работе Толстой сохра-

нил стройный переход от одного раздела к другому, что обеспечило одновременность действия при широком охвате событий.

Стремясь создать наиболее подходящую среду, которая позволила бы сразу начать с действия, Толстой постепенно находил тех вымышленных «героинь и героев», «молодых и старых людей и мужчин и женщин того времени», которых предстояло провести через исторические события. Они помогут писателю выразить свое отношение к «славной для России эпохе» и ответить на поставленные в произведении вопросы. Сохранились две примечательные ранние рукописи, раскрывающие попытку Толстого в самом начале работы наметить характеры этих людей и «придумать романтическую завязку и развязку». Намечены девятнадцать действующих лиц и множество различных сочетаний, разнообразных связей между ними. Все в дальнейшем будет не раз переделываться, но при всех изменениях восемнадцать из этих персонажей останутся в романе, и некоторые из задуманных положений, а также взаимоотношения некоторых героев сохранятся в завершенном тексте.

Наиболее твердо определились в основных чертах старый князь Волконский с дочерью и семья графа Толстого (Ростова). Есть лица, которые отдельными чертами и биографическими фактами сближаются с будущими Пьером, князем Андреем, Борисом Друбецким, Элен, князем Василием и его сыновьями. Не только личная судьба героев отражена в конспективных характеристиках, но для каждого определена роль в самом главном историческом событии изображаемой эпохи — в Отечественной войне 1812 г. и особенно в Бородинском сражении. Роль персонажа в войне обусловлена его личными достоинствами или пороками. «Страстно любит Россию», «ненавидит лично Наполеона», «отдает все и имеет цель революцию и работает, как вол за солдат», — это относится к тому который в наброске назван Петром (отдельные черты сближают его с Пьером): «В походе 12-го года получает важное назначение», во время отступления войск в первый период войны «все забывает под влиянием чувства долга, командует полком»; «под Бородиным без фраз уже он хочет умереть», его ранят. В этих заметках нетрудно узнать ситуации, в которых будет изображаться князь Андрей. Совершенно ясен Толстому Берг. Он «на бале в Вильне блестящий офицер», «под Бородиным хватает шпагу в левую руку и награжден генералом и начальником», «убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями». Благородная роль уготована старому князю Волконскому: он «не верит 12-му году» (т. е. он недооценил вначале создавшееся тяжелое положение). «Французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять и вдруг делает больше всех». Марья Волконская за ранеными ухаживает и «делает корпию». Старый граф Толстой «торопится увезти всю библиотеку из Москвы. (О Наполеоне не знает, хвалить или ругать) и на подводах возит раненых». Сын его Николай «просится на войну, делает все, что другие». Иван Куракин, напоминающий будущего Ипполита Курагина, «в 12-м году ничего не видит кроме спасения своего достоинства и карьеры». Анатолий «живет в Москве, бежит». «Аркадиева жена» (она преобразится в дальнейшем в Элен) — «у французов в Москве, в связи с генералом».

Разумеется, не все сохранилось так, как было намечено, но первоначальные заметки интересны тем, что в них отразилось то направление, в котором должны были создаваться характеры персонажей.

В появившихся затем набросках начала произведения постепенно вырисовывались намеченные лица. Образы будущих Волконских (старого князя с дочерью) и уклад их жизни в Лысых Горах очерчены в наброске «Три поры», над которым Толстой работал дважды. Семья графа Простого (Плохого, Толстого, Ростова), изображенная в варианте, озаглавленном «День в Москве», ясна автору; она только один раз появилась в ранних вариантах начала. Долее чем на других членах семьи Толстой останавливался на маленькой Наташе. Сын графа Николай появился еще раз в военной обстановке, и тогда наметилась его роль в Аустерлице. Рядом с Николаем выводится и в доме Ростовых, и в военной обстановке Борис (Щетинин, Горчаков); как в окончательном тексте, так и в ранних набросках оба персонажа противопоставлены друг другу, что с развитием действия постоянно усиливается. Без больших исканий наметился образ матери Бориса — княгини Щетининой, которая впервые появляется в доме графа Простого, затем возле умирающего графа Безухова. Рассказана ее биография, сообщено,

что она умела «вести дела с сильными мира» и для своего сына была готова на все. Ради него она приехала к умирающему графу; молодому Безухову «совестно» за нее. С первых же набросков определилась семья Курагиных. Сначала появляются сыновья с такой характеристикой: «оба были дураки. Старший вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклонностями». Эти черты останутся ведущими для сыновей князя Василия. На развитие и усиление этих черт и вытекающих из них поступков будет устремлено внимание Толстого. Не сразу появилась среди «вымышленных» героев дочь князя Василия. На придворном бале выведена фрейлина Княжнина, жена князя Кушнева. Она «признанная первая красавица того времени», вызывающая восхищение всех. Лишь позднее возник замысел связать жену Пьера с другими персонажами, и наилучшей средой для нее оказалась семья Курагиных. В одном из последующих набросков, в котором начало действия отодвинуто к 1808 г., упомянута дочь князя Василия «девочка-красавица, подросток», воспитывавшаяся «под руководством настоящей эмигрантки гувернантки». Промелькнул однажды еще один персонаж — барон Шульц — «наперсник» Петра Куракина, «высокий, красивый брюнет», одетый «точь в точь так же, как и Куракин». По отдельным штрихам можно допустить, что для Шульца намечалась роль, в какой-то степени напоминающая роль Долохова.

Чаще других действующих лиц Толстой выводит в своих ранних набросках трех: князя Василия, князя Андрея и Пьера; они переходят из варианта в вариант. Путь, который прошли эти образы в первоначальный период работы Толстого, убеждает в том, что хотя не сразу были найдены их портреты и, разумеется, не могли отразиться в достаточной мере характеры, — однако автор не колебался в определении для каждого из этих героев его роли в произведении.

Впервые князь Василий появляется на бале. Он представлен как один из приближенных к императору и призванный «к составлению ответа императору Наполеону». Он изображен «в толпе женщин», где он «сыпал любезностями» и посмеивался «беззубым, но приятным ртом». Детально нарисована внешность князя, который «был весь, как на пружинах». Рассказано об его «семейных заботах», связанных с сыновьями. Характеристики обоих сыновей дополняют только что созданный образ отца. В следующих набросках князь Василий изображается в доме графа Простого. Ему придана отталкивающая внешность: старичок «в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьяньей нижней челюстью». Сообщаются некоторые сведения из его биографии, способствующие раскрытию внутреннего облика: он был «в милости» у деспота Павла I, очутившись же потом «в немилости сенатором в Москве», он «жил не так, как другие забытые сенаторы», а сумел найти такую линию поведения, чтобы сблизиться с лицами, окружавшими Александра I, и благодаря этому снова «был вызван в Петербург к весьма важной должности». Он «особенно сухо» обращался со всеми москвичами, «имевшими претензию на значение», и «ласково обращался с графом Плохим» именно потому, что «граф был добрый дурак, и на нем-то удобно было показать и другим, что новое назначение несколько нас не возгордило и не изменило». Хотя князь Василий был ласков с детьми графа Плохого, однако он был «твердо уверен», что его сыновья, воспитанные за границей, «не будут знакомы с этими выкормками и олухами». Тем не менее он «особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа». Оценки князя Василия другими персонажами дополняют авторский рассказ о нем. Его не любит старый граф Безухов, понимающий цель его приезда; граф Плохой считает его «ловким» человеком; очень резко говорит о нем Шеншин, называя его «пролазой», приехавшим к Безухову только для того, чтобы «вытянуть что-нибудь», а «ежели не вытянет ничего», то «женщина поймает для дочери». В споре о Наполеоне князь Василий представлен как человек «чуткий всегда на политические *mot d'ordre*», поэтому он отстал от спора, который счел для себя неприличным, тем более, что в это именно время «в Петербурге все возгорелось энтузиазмом к Франции и Наполеону», и князь Василий, получив теперь «назначение в Петербург», называл Бонапарта уже императором Наполеоном и «профессировал к нему высокое уважение».

В каком бы виде ни появлялся в ранних набросках князь Василий, он так подан автором, что всегда ясна отрицательная роль, предназначенная ему в романе.

Счет
Его Свѣтлости
Графу Льву Николаевичу
Толстому.

1863 года	рубли	копейки
Августа 15	1. сох. Московскіе вѣдомости 1803. —	3.
	1. — Записки Греча Тимкина. —	3.
	1. — Записки Шамисова. —	1. 50
	1. — Записки Архиповича 4 т. —	4.
	1. — Сочиненія Шереметьева 3 т. —	3.
	Получено Нерунов	14. 50.
	За мѣсяц остается —	4. 50.
	Вновь взято:	
	1. Словарь Император. академ. 3 т. —	5.
	1. Сочиненія Гоголя 3 т. —	3.
	1. — — — — — 1. —	1.
	1. Временныя извѣстія 1863. —	2.
	1. Асторія Монархата Мира 7 т. —	3.
	1. Асторія 1862. Монархата 3 т. —	4.
	1. — 1863. Градир. —	2. 50.
	1. — 1864. — Градир. —	2. 50.
	1. — 1865. — Градир. —	2. 50.
1863.		
Ноября 24	1. Дневники перман. —	2.
1864.		
Марта 19	1. Временныя Извѣстія 1863. —	2. 50.
	1. — — — — — 1864. —	2. 50.
	1. Писемность Доблудова 1 т. —	2. 50.
	1. Записки Гоголя. —	1. 25.
1864.		
Мая 9	1. Получено чрез почтовую 40. 75.	
	За мѣсяц остается. —	20. 75.
	на апрѣль	

СЧЕТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА ЗА КНИГИ, ПРИОБРЕТЕННЫЕ ТОЛСТЫМ
В ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ НАД «ВОЙНОЙ И МИРОМ», 1863—1864 гг.

Лист 1-й

Архив Толстого, Москва

Совсем в ином освещении выводятся с первых строк будущие князь Андрей и Пьер. По приведенному выше свидетельству Толстого, ему нужен был молодой блестящий человек, который должен погибнуть в Аустерлицком сражении. Первоначальные наброски позволяют предположить, что в те первые месяцы работы, когда писалась еще «история из 12-го года», автору также нужен был блестящий молодой человек, совершающий подвиг в Бородине. Эта роль, по-видимому, предназначалась молодому Зубцову. Он же — Борис в списке персонажей; он же — Борис Зубцов на придворном бале. Ряд черт, определившихся для графа Зубцова, потом перейдут к князю Андрею Болконскому, на которого в 7-м варианте начала и будет возложена роль «блестящего молодого человека». В 4-м варианте на бале в 1811 г. впервые появляется в действии ротмистр граф Зубцов, «приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель-адъютанты». Он назван среди лиц, «особенно обративших внимание всех». В двух планах рисовался портрет Зубцова. С одной стороны, изысканная утонченная внешность красивого флигель-адъютанта «в с иголки новеньких аксельбантах», около которого, «заискивая, увивались многие». С другой, — в его внешности автор стремится отразить высокие внутренние достоинства, выделяющие его из собравшегося общества. Он «невольно обращал внимание не столько красотой, не столько характером особенного свойственного ему достоинства молодого *grand seigneur*'а, сколько скромностью, чистотой и девственностью очертаний, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга». Зубцов неожиданно встречается с своим другом князем Кушневым, который тотчас же начинает вести разговор о Наполеоне. Затем разговор коснулся женитьбы Кушневых. Характер встречи напоминает первую встречу князя Андрея с Пьером. Отмечено еще в этом наброске, что Зубцов «серьезно веселился» и готовился к предстоящим танцам; и эта черта также не противоречит образу князя Андрея, — вспомним его на бале, где он также назван лучшим танцором (т. 10, с. 204). К этому персонажу Толстой вернулся уже тогда, когда действие начала произведения отодвинулось к 1805 году, когда задуманного героя Толстой «решил сделать» сыном старого Волконского, «так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо» (т. 61, с. 80). Так появился князь Андрей. Самый факт введения князя Андрея в семью Волконских уже определяет порученную данному герою благородную роль, точно так же, как замысел сделать фрейлину Княжнину дочерью князя Василия, естественно, обусловлен отношением автора к семье Курагиных.

В следующем варианте князь Андрей впервые перед читателем появляется не на бале, а в военной обстановке, в квартире своего двоюродного брата гвардейца Бориса Горчакова под Ольмюцом. Князь Андрей изображен таким, каким его воспринял офицер Простой: «раздушенный и элегантный до малейших подробностей своего военного платья». В беседе с гусаром Простым князь Андрей отозвался о Бонапарте как о «лучшем полководце мира», чем возмутил молодого гусара, которого он к тому же насмешливо назвал «героем Браунауского бегства», и Простой вознамерился вызвать этого «адъютантика» на дуэль. Волконский спокойно ответил: «На дуэли я с вами драться не стану, потому что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, все надо, чтобы было нас побольше». Ответ Волконского, так же как и вся сцена, очень близок по тематике к окончательному тексту. В конце разговора Волконский «вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо честной, тонкой и милой улыбкой», что Простой молча смотрел на него, а после ухода признался, что он ему «очень, очень нравится».

Затем князь Андрей показан в его служебной обстановке, в приемной генерала, дежурным адъютантом которого он в этот день был. «Честолюбивого юношу Бориса», приехавшего к Волконскому в Ольмюц, «поразила уверенность и важность своего *coûte*», но когда Волконский подошел к Борису, «лицо его из официального приняло то дружеское и детски кроткое выражение, которое обвораживало всякого». Так же преобразается лицо князя Андрея и в предшествующем наброске его портрета, и эта характерная черта дойдет до завершенного текста.

В создаваемой сцене раскрываются идейные позиции Волконского и глубина его чистого патриотического чувства, отчасти уже отразившегося в разговоре с гусаром

Простым. В момент беседы с Борисом Волконский «видимо, был усталый», — сообщает автор, так как «он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на аванпосты». Однако он был «так же бел, нежен и, как всегда, маленькие усики его и волоса были так же прибраны волосок к волоску» (напоминает портрет графа Зубцова на бале). Но здесь появляется важная подробность, раскрывающая внутреннее состояние Волконского: в день, который не видал его Борис, он «как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском, хотя движения были так же вялы и женственны». Внешняя аристократическая изысканность и глубокое внутреннее чувство — эти особенности неразрывны для образа Волконского. Причины тревог князя Андрея выясняются из его рассказа Борису о настроении накануне Аустерлицкого сражения в штабе, где «все заняты и растеряны, как никогда». Волконский высказывает сочувствие Кутузову, который не может прогнать всех тех «шпионов и лазутчиков», которых присылают из главной квартиры. Раскрывается далее отношение Волконского к верховному командованию: «Вся сила там около государей. Адам, Долгорукий — вот это все. Это сильнее Кутузова. Там делается и зачинается все, а мы чернорабочие». Насмешливо «передразнивая немцев», сообщает Волконский свое впечатление о происходившем недавно военном совете. Толстой неоднократно подчеркивает возбуждение Волконского. Во время разговора он находился «в особенно оживленном говорливом состоянии духа, он говорил так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис». Последовавшее за этой сценой авторское описание того же военного совета, о котором рассказывал Волконский, главное, тон описания свидетельствует о том, что автор солидарен с своим героем.

В разгар Аустерлицкого сражения Волконский появляется в качестве адъютанта Кутузова. В конспективном изложении боя отражено отношение Кутузова к своему адъютанту: он «любил Волконского», именно его он посылает выяснить положение. При дифференциации «разных» людей, находившихся в главной квартире, особо выделен Волконский: «1) кто старался все делать медленно и обдумать все, до чулок; 2) кто торопился, искал шевеленья (<?>); 3) кто был глупее и тупее обыкновенного; 4) кто готовился на подвиг всеми силами души; 5) кто ничего не видал, не слышал, все было в тумане; 6) кто был, как всегда, болтал по-французски и ничего не понимал; 7) кто уже перестрадал и был спокоен, как Волконский». Одного этого отрывка было бы достаточно, чтобы понять отношение автора к своему герою. В начале сражения Волконский наблюдает за двумя императорами и их свитой, видит испуг и страх на их лицах. «Волконский к Кутузову. Кутузов говорит: Посмотрите, они бегут. Волконский все понял <...> Волконский испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат». Гусар Толстой видел, как Волконский исчез на лошади и упал с знаменем. «Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение». «Волконский исходит кровью», — так намечено в конспекте.

Осуществлен замысел автора: блестящий молодой аристократ князь Волконский в минуту серьезной опасности оказывается не в бегущей во главе с русским и австрийским императорами толпе, а остается с Кутузовым, собирает солдат, бросается вперед и погибает. В 7-м варианте начала произведения решена роль князя Андрея на войне. Известно, что замысел в отношении князя Андрея изменился, ему нашлась роль в дальнейшем ходе действия, и Толстой его «помиловал». Работая над 8-м вариантом, т. е. переделывая набросок «Три поры», Толстой внес в облик князя Андрея много новых черт характера, проявившихся в отношениях с отцом, с служащими в мнении отца: сухость, холодность и гордость князя Андрея. Совсем иные черты выступают в его отношениях с сестрой. Она была «единственное существо», с которым «гордый, холодный на вид» князь Андрей «не стыдился показывать все то, что было у него в сердце». Найдена для князя Андрея роль, создана среда, в которой он живет, нарисован портрет, раскрыты основные черты характера, хотя схематично, но определились отношения с отцом и сестрой, женой, и дружба с Пьером, промелькнуло даже его отрицательное отношение к семье Курагиных. Но Толстой продолжает искать. Возникает замысел начать действие в доме столь ясно определившегося персонажа. Пишутся четыре наброска с описанием дома молодого князя в Петербурге. Подробно Толстой останавливается на чистоте чувства князя Андрея, который «как холостым,

так еще более женатым человеком» вел жизнь «безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи». Затем Толстой опять заново, с выписыванием мельчайших деталей рисует портрет выхоленного блестящего молодого аристократа, его тщательные заботы о себе, его изысканную французскую речь и всякий раз выделяет две важных портретных детали: «обаятельная улыбка, преобразяющая его лицо, и глаза, в которых «свет казался потухшим», но в которых загорался огонь в тот момент, когда князь Андрей был чем-либо заинтересован.

Большое место в рассказе о князе Андрее занимает его дружба с Пьером. «Эти две натуры, — сообщает автор, — были столь противоположны, что дополняли одна другую», и «никогда, никто, даже жена» не выводили так молодого князя из его состояния «усталости и апатии, никто не мог вызвать на его лице той милой, доброй обаятельной улыбки», как Пьер.

Важным новым фактом для характеристики князя Андрея в последних набросках явился высказываемый им интерес к его «любимому» военному делу, которое он «знал очень хорошо», и к Наполеону, которого он, «как-то странно соединяя эти два понятия, ненавидел как врага законной монархии и обожал как величайшего полководца мира». В разговоре о неизбежности войны при создавшейся политической обстановке князь Андрей говорит о том, что «кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит», есть еще «бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек». Подробно, «видимо, по основательному изучению», князь описал «все преимущества всего состава французской армии», говорил об «огромном полете», который «составляет силу Наполеона». В заключении разговора князь высказал свой «откровенный взгляд» на Наполеона: «Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им». При этих словах, которые князь Андрей произнес по-французски, «взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом».

В историческом вступлении к 14-му варианту начала Толстой писал, что ко времени начала действия в его произведении «великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей». Но было тогда «еще много людей», которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться». Князь Андрей и Пьер — представители тех «многих людей»; для них Наполеон по-прежнему был еще окружен ореолом республиканизма.

В ранних набросках четко наметилось столкновение князя Андрея и Пьера со своей средой, враждебной передовым идеям этих героев романа.

В вариантах начала наиболее выразительно выполняет эту роль Пьер. Образ Пьера прошел длинный путь становления. Он показан впервые на бале в 1811 г., затем в доме графа Простого, в доме умирающего отца, на званом обеде у своего друга князя Волконского и, наконец, в салоне Annette D. Где бы он ни появился, он немедленно начинает политические споры, всякий раз высказывая суждения, не совпадающие с утвердившимися в данном кругу людей. Такова тенденция автора, проведенная через все наброски начала романа, и так осталось в завершенном тексте.

В конспекте с характеристиками намечаемых персонажей нет ни одного, который бы в достаточной мере приближался к выросшему в процессе авторских поисков Пьеру. Лишь некоторые черты, отнесенные в конспекте к Петру и особенно к Аркадию, переходят затем к Пьеру. Такие, например: «Дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не признает (*и разб.*) законов. Крайний либерал в мысли и жизни. Не знает любви к женщине. Любит забыться, выпить, поздно сидеть и болтать. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом».

Впервые будущий Пьер появляется на бале под именем князя Кушнева. Он представлен как один из самых богатых людей России, числившийся при дворе, но нигде не служивший. Не только убеждениями, но внешностью и манерами он отличается от того общества, в котором показан. Он «высокий, толстый, близорукий, большоголовый»,

«без усов и бак, в очках и коротко обстриженный». На фоне нарядных изысканных гостей придворного бала даже комичным кажется Кушнев, который «шел, переваливаясь и [поправляя очки] с повислыми руками, неловко и небрежно, валясь вперед всем телом, точно он усталый шел в далекий и скучный путь». Говорил он «немного косноязычно, как будто рот у него был полон кашей». Когда он сталкивался с кем-нибудь, он улыбался «притворной напущенной улыбкой, притворность которой он и не пытался скрывать», но когда он встретил друга Зубцова, «лицо его вдруг просияло неожиданно совсем другой, доброй детской улыбкой», а его «зеленые глаза были еще добрее и лучше улыбки». Глаза и улыбка, преображающие лицо, останутся основными чертами портретов и князя Андрея и Пьера.

Частная подробность выражает отношение автора к герою. Больше того, она помогает воспринимать дальнейшее поведение князя Кушнева в желательном автору освещении. Первое, что произносит Кушнев,— это осуждение Наполеона, что пло вразрез с воцарившимся в России после Тильзитского мира преклонением перед Наполеоном и всем французским. Об этом преклонении рассказано во вступлении, предшествовавшем анализируемому наброску. После разговора с Зубцовым князь Кушнев вступил в «ожесточенный спор о Наполеоне» с «старичком Волхонским».

Наметился еще важный для Кушнева биографический факт: характер его женитьбы. На вопрос Зубцова о женитьбе, Кушнев отвечает: «Спроси, зачем я женился. Бог знает. Родным так хотелось, и ей, и всем это доставило такое удовольствие — стоит так мало труда, а доставляет так много удовольствия». В соответствии с замыслом автора, жена его изображена с первого же момента ее появления совершенно отличной от него. Она не была еще, по этому варианту, дочерью князя Василия. Сначала Толстой намеревался сделать ее бедной дворянкой, но тогда неоправдано было бы то «торжество», каким было ее появление на бале. Женой Кушнева теперь стала «известная своей красотой» фрейлина Княжнина. Подробно вырисован портрет «признанной первой красавицы того времени». Бросается в глаза стремление автора резко противопоставить неуклюжему Кушневу его красавицу-жену. Для определения каждой черты ее лица повторяется эпитет: «яркий». Она была «в желтом цвете», который могла себе позволить только она. В ней «невольно поражали яркий блеск черных глаз из-под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркий отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкий оттенок презрительности ярких зуб и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов». Ею все восхищались, государь говорил с ней. Но, как бы в противопоставление к преображающемуся от улыбки лицу Кушнева, автор сообщает, что выражение ее лица «было неизменно одно и то же, прекрасное, улыбающееся и слегка презрительное». Это точный портрет будущей Элен. И когда Толстой будет позднее рисовать ее портрет при ее появлении в салоне Annette D., он воспользуется этим возникшим в его воображении образом «первой красавицы».

В следующем наброске Кушнев заменен любителем спорить юношей Léon, «единственным сыном князя Безухого».

«Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек»,— этими словами начинался новый набросок, в котором действие происходит на именинах у графа Простого в 1808 году. Произносит эти слова «запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокий толстый юноша» Безухов в споре о Наполеоне с князем Василием». Опять он высказывает мнение о Наполеоне, противоположное тому, которое в данный момент принято было в гостиницах считать правильным. О внешности Безухого сказано мало: он высокий, толстый, у него добродушнейшее лицо. Известно, что у него дурные манеры: он говорит «слишком громко», положивши «оба локтя на стол, а один даже в соус». Такое необычное в этом кругу поведение вызывает смех сидевших за столом детей. Детский смех заставил юношу прекратить спор, и он вместе с детьми «засмеялся самым добродушным здоровым смехом». Старый граф Простой отзываясь о нем хорошо: «умный», «славный». Вот все, что пока известно о спорившем юноше.

Когда Толстой стал создавать пролог к этой сцене за обедом, молодой Безухов, — теперь он назван Аркадием, — впервые был показан в доме его умирающего отца, куда приезжают княгиня Анна Алексеевна Щетинина с сыном Борисом и князь Василий Позоровский. Совсем в иной обстановке по сравнению с предыдущими набросками появляется Аркадий Безухий, но и здесь он резко выделен из окружающей его среды. За ним сохранена все та же неуклюжая внешность: он толстый, у него толстые губы; говорит он так, «как будто рот у него был полон каши». Наряду с такой несветской внешностью Толстой показывает душевное благородство своего героя. «Хотя он с добродушием молодости и веселости, заменявшим такт в его медвежьей натуре», поцеловал руку княгини и обнял Бориса, ему, «видимо, было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить». Молодому Безухову было особенно трудно сносить неловкое положение, потому что он «слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок».

Аркадию неприятна и тягостна «вся эта комедия» у постели умирающего отца. «Ну, умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скажут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И все за то, что он богат». Но как только он увидел, что Бориса обидели его слова, «в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного» Аркадия выразились «жалость, нежность и любовь», и этот «толстый человек», покрасневший больше Бориса, «со слезами на глазах» стал успокаивать его.

Аркадий «с добродушным оживлением, доходящим до красноречия», высказывает Борису свои взгляды на дружбу, которую он понимает не как «любовь с чувственностью», а как «чистое, честное сближение без другой цели, как счастье того и другого». Много говорит о своих убеждениях. «Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта». Отец Аркадия выражает сожаление, что у сына нет «ни малейшей любви к славе», и считает, что «ему бы надо родиться мещанином, а не князем Безуховым». А Борис рассказывает потом молодежи у Простых «про чудака Безухова».

Так подготовил Толстой появление за именинным столом спорящего со всеми юноши; и спор его «за» Наполеона, тогда как остальные «против», теперь понятен; Толстой разъяснил, что спор происходил в то время, когда в Москве еще неизвестно было о «возгоревшемся» в Петербурге энтузиазме к Наполеону после Тильзита.

Колебаний ни в отношении внешности, ни душевных качеств, ни убеждений Пьера у автора не было. То он более подробно рассказывает о нем от себя, то показывает впечатление, которое Пьер производит на окружающих, то проявляет черты его характера в действии, — но при всех обстоятельствах это все тот же будущий Пьер.

Чрезвычайно важны для образа Пьера 10-й и особенно 12-й варианты начала. В них Толстой засвидетельствовал, во-первых, что Пьер — это тот самый декабрист, создание повести о котором заставило писателя углубиться в изучение эпохи 1812 года, и во-вторых, что в молодости, т. е. в начале царствования Александра I, Пьер был «беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей», но в то же время постоянно был увлечен «либо каким-нибудь пристрастием, либо какой-нибудь отвлеченной мыслью». Эти именно черты Толстой особо выделял во всех предшествующих набросках характера Пьера. В новом — биография Пьера дополняется сообщением, что отец его был «чудак и масон», таким образом, отмечены некоторые наследственные черты у Пьера. Впервые становится известным, что, приехав из-за границы, Пьер остановился у «знаменитого вельможи и родственника отца, князя Василья Борисыча Курагина, известного всем под именем князь Василья». С его сыном Анатолем «за вином, картами и женщинами» Пьер проводил «бессумрачные ночи, сам не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин».

Действие в новых набросках происходит в доме молодого князя Волконского. При изображении собравшихся у Волконского гостей Толстой особенно долго задержался на внешнем портрете Пьера. Он ищет определения: «толст», «пухл», «курчав», «с крупными и вялыми чертами лица». Надо показать его неуклюжую и в то же время особенную привлекательную внешность. Опять поиски деталей: улыбки и глаз. Пьер «имел замечательно оживленные глаза», — начал было Толстой, но, не закончив сво-

его рисунка, стал заново создавать портрет, без детализации. Он отметил лишь, что «в сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны». Главная особенность нового портрета Пьера — его «особенно оживленные и умные глаза» и улыбка. Вследствие «серьезности выражения его умных глаз лицо казалось скорее угрюмо, чем ласково, особенно, когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтобы вдруг лицо его приняло неожиданно такое наивно, даже глупо, доброе выражение». Улыбка Пьера «вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное умное, несколько угрюмое лицо и приносила другое, детски наивно доброе и все отдающееся вам лицо и выражение». Настойчиво, почти повторяясь, Толстой говорит о привлекательности, о полной обаяния внешности Пьера. Ни одного из своих только что рождающихся героев Толстой не изображал с такой любовью, как Пьера, одинаково заботясь и об его характерной внешности и об его внутреннем облике. В возникший за обедом разговор о преобразованиях, замыслиаемых в России, о конституции, вступает, конечно, Пьер, который «любил спорить». «Несмотря на свою распущенность и слабость в жизни, — пишет далее автор, — в деле мысли и спора он обладал логической последовательностью». Пьер «и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше — коллегии или министерство», даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен; он говорил, что конституция и вообще права и большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им, как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что «конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти» и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы. И убеждения Пьера, и его внешность, и его духовный облик во многом уже ясны Толстому.

Так в первоначальных набросках постепенно рождались образы героинь и героев, какими они должны появиться в начале произведения. Найдя, наконец, благоприятную среду для того, чтобы начать действие сразу, художник смело вводил в салон придворной фрейлины, а затем в дом князя Безухого, Ростова и Болконского, знакомых и уже близких ему, живущих в его представлении людей. Живя их жизнью, следя за их судьбой, Толстой провел их через исторические события, происходившие в период между 1805 и 1820 годами.

3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В ранних набросках начала романа достаточно отчетливо выявились основные принципы и метод Толстого в использовании исторических материалов. Принципы эти вытекают из понимания Толстым предмета истории и задачи исторического произведения.

Задолго до начала работы над «Войной и миром», даже до возникновения замысла исторического романа, Толстой не раз высказывал свои суждения по вопросам истории. Под впечатлением книг А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1812 и 1813 гг.⁸ Толстой записал: «Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь. — Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных, обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное — совершенство» (т. 46, с. 141—142). Размышляя о «сочинении истории», Толстой принял решение: «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений». Свое главное требование к «сочинению истории» Толстой выразил в задуманном для него эпиграфе: «Ничего не утаю», который он понимал очень широко: «Мало того, что прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая» (т. 46, с. 212). Вскоре Толстой так определил задачу изучения истории: «знать про то, как живет, жило, слагалось и развивалось человечество в различных государствах. Интерес к познанию тех законов, которыми вечно движется человечество»⁹.

Таким образом еще до «Войны и мира» у Толстого выработалось убеждение, что предмет истории — это жизнь человечества и познание законов, которыми оно движется; а задача исторического сочинения — правдивость, беспристрастие и «человеческое» объяснение каждого исторического факта.

К работе над «историей из 12-го года» Толстой приступил «с радостью, робостью и сомнениями»¹⁰. Его тревожила мысль, что «необходимость описывать значительных лиц 12-го года» заставит его «руководиться историческими документами, а не истиной». Сложившиеся взгляды на предмет истории и задачу исторического произведения, а также принцип руководствоваться только «истинной» определили характер работы над историческим романом и сделали неизбежной возникшую с первого же момента полемику художника с историками. Откинув все тревоги и приступив к работе, Толстой решительно заявил, что официальные документы не отражают подлинной истории, историки же видят только те события и тех людей, которые оставили следы «в дипломатическом акте», «в написанном законе», «в важном звании», «в памятнике», и только эти события вписывают в свою «летопись», воображая, что пишут «историю человеков». Толстой же был намерен писать историю не государственных деятелей, а людей, «не имевших тех недостатков, которые нужны для того, чтобы оставить следы на страницах летописей», следовательно, и не мог руководствоваться для своей «истории» только официальными документами.

Интересно сопоставить заявление Толстого с предисловием Тьера к двенадцатому тому его «Истории консульства и империи». Сообщая об окончании труда, над которым он работал 15 лет, и рассказав о методах работы, Тьер писал: «Я полагаю, что мне удалось открыть и выразить истину, не условную, какую часто создают сами себе современные поколения и передают следующим поколениям как истину подлинную, но истину самих событий, которая отыскивается только в государственных документах и особенно в переписке могущественных особ»¹¹. В подходе к официальным документам одно из существенных различий метода Толстого и историков того времени. Изучая эти документы, они редко подвергали сомнению их достоверность, искренность; Толстой не менее тщательно собирал и изучал документы и исторические работы, построенные на официальных данных. Но по собственному свидетельству Толстого, он имел «дерзость обсуживать все явления и ничего не принимать на слово» (т. 8, с. 444). Не принимал он на веру и официальные документы, а стремился путем скрепления материалов определить историческую правду.

Собирание и изучение исторических материалов началось буквально с первых дней работы. Книги, которые служили основными источниками в течение всех семи лет создания «Войны и мира», были приобретены Толстым в книжном магазине в Москве 15 августа 1863 г.: шесть томов сочинений А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1805, 1812, 1813 и 1814 гг., «Записки о 1812 году» Сергея Глинки (СПб., 1836), «Краткие записки адмирала А. Шишкова...» (СПб., 1832), четыре тома «Походных записок артиллерии подполковника И. Р^адожицкого» (М., 1835), семь томов «Истории консульства и империи» Тьера, три тома «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыша-Каменского (СПб., 1847)¹². Почти все эти книги сохранились в Яснополянской библиотеке. Кроме того, в переписке Толстого, относящейся к первому году работы над романом, упомянуты еще «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете»; в «Чтениях» за 1863 и 1864 гг. было опубликовано много материалов об Отечественной войне. Читал Толстой тогда и «Походные записки русского офицера», изданные И. И. Лажечниковым (М., 1836), и книгу П. И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М., 1813)¹³. Из дневника М. П. Погодина известно, что 15 декабря 1863 г. Толстой приходил к нему «за материалами о 1812 году»¹⁴.

Родственники Толстого разыскивали по его поручению другого рода источники, в равной мере необходимые для задуманного романа. В письме от 14—15 сентября 1863 г. Е. А. Берс, посылая ему список книг, «в которых говорится что-нибудь о 12-м годе», писала: «Их на русском языке замечательно мало, а очерков из общественной жизни почти вовсе нет; все так много заботились о политических событиях и их было так много, что никто и не думал описывать домашнюю и общественную жизнь того

времени. Тебе надо получить особенное откровение свыше, чтобы угадать по самым неясным намекам и рассказам. Постарайся послушать очевидцев <...> Я слушала некоторые рассказы, но все говорят о том, как мужики били француза, как хотели Кремль взорвать. В какой день кто и куда выехал и как жили во Владимире, да в Туле, да в Калуге эти выехавшие, никто о том решительно ничего не скажет». Из ответов Е. А. Берс ясно, что Толстой поручил ей искать рассказы и документы о «домашней и общественной» жизни людей во время войны 1812 г., «как и куда выезжали люди из занятой французами Москвы и как жили в других городах». В список книг, который приложила к своему письму Е. А. Берс, вошли в числе других: «Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году»; «Записки 1743—1812 гг.» Державина; «Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году» П. Кичеева; «Рославлев» М. Н. Загоскина, «Записки современника с 1805 по 1819 гг.» С. П. Жихарева; «Два брата, или Москва в 1812 году» и «Две сестры, или Смоленск в 1812 году» Р. М. Зотова; «Освобождение Москвы в 1812 году» С. Т. Аксакова; «Анекдоты, черты из жизни и славы графа Милорадовича». Эти именно книги, «где более говорится об общественной жизни», она отметила в своем списке звездочкой¹⁵. Многими из них Толстой действительно воспользовался.

Тогда же разысканием материалов был занят А. Е. Берс. Он искал их и в печатных изданиях, и в устных свидетельствах современников войны. Он прислал Толстому письма М. А. Волковой, фрейлины императрицы Марии Федоровны, к В. И. Ланской и обращал внимание Толстого на имевшиеся в них «весьма интересные» сведения «об духе того времени». Известно, что и этими документами Толстой широко пользовался¹⁶.

Перечисленный круг источников, который был известен Толстому к началу работы над «Войной и миром», достаточно велик по количеству книг и разнообразен по характеру их. Первое место занимают, естественно, те книги, которые могли ознакомить с основными историческими событиями и фактами, с официальными документами: приказами и распоряжениями командования, диспозициями боев и пр. Но этого было недостаточно. Создавалось художественное произведение, посвященное героической эпохе. Автор выступал одновременно и историком и художником. Предстояло не только отразить в художественной форме исторические события, наполеоновские войны, но для правдивого воспроизведения жизни России первой четверти XIX в. Толстому необходимо было осветить глубокие духовные процессы, происходившие в сознании живших тогда людей. «Сознание человечества составляет главный элемент истории», — утверждал Толстой (т. 8, с. 16). Материалами, помогавшими воображению писателя проникнуть в жизнь и сознание изображаемых людей, служили письма и мемуары военных и общественных деятелей, а также частных людей того времени. Драгоценные данные предоставляли и историку и художнику журналы и газеты, издававшиеся в изучаемый период. Интересны были ему и художественные произведения о 1812 годе; роман Загоскина «Рославлев» читался «с наслаждением, которого никто кроме автора понять не может» (т. 83, с. 59 и 60). Таким образом, источники делятся на две группы: одни доставляли сведения об исторических событиях и лицах, другие оживляли «звук и запах» эпохи и заставляли писателя «понимать одной стороной ума, а другой — думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии» (т. 61, с. 116).

Разумеется, на материале первоначальных рукописей, а тем более только набросков начала нельзя представить во всей широте принципы и методы использования Толстым источников. Однако ранние наброски позволяют сделать некоторые существенные выводы, которые подтверждаются анализом дальнейшей работы Толстого над историческими материалами.

Вступления с обзором исторических событий первых годов царствования Александра в России и Наполеона во Франции убеждают в том, что Толстой с первых дней работы над романом не только изучил эпоху, в которой должно развиваться действие в его произведении, но глубоко осознал ее, уяснил себе смысл и сущность каждого события, выработал свое отношение к событиям и государственным деятелям. Исторические источники предоставили множество фактических данных, освещение же эпохи

историками Толстой признал неверным. Нередко то, что историками выставлялось как великое, Толстой в своем романе изображал в форме, близкой к памфлету. «Это было в то время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели, и итальянцы, испанцы, бельгийцы, голландцы, вестфальцы, поляки и особенно немцы никак не могли понять к какому, наконец, они принадлежат государству, чей мундир им надо носить, кому преимущественно подражать, лстить и кланяться». В обзоре причин первой войны России с Наполеоном Михайловский-Данилевский, чуть ли не единственный из официальных историков того времени, охарактеризовал Наполеона не только как одного из «первых полководцев всех времен», но и как человека, «обуреваемого замыслами преобладания» и «ненасытного властолюбием»¹⁷. Во всех других источниках, которые были в руках Толстого в первый год его работы, Наполеон показан только как великий полководец, гений войны и политики. Толстой изобразил этого признанного всеми гения в виде «маленького человечка, в сереньком сюртуке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами», который «воображал себе, что он делает историю, тогда как он был только самый покорный и забытый раб ее», который «старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения и, несмотря на умную и твердую натуру, при первом прикосновении земного величия, человеческой дести и поклонения потерял свою умную голову и погиб, надолго еще оставаясь для толпы чем-то странным и великим». Спустя почти сорок лет, Толстой, по свидетельству М. С. Сухотина, стараясь припомнить, что дало ему первый толчок в его «антипатии к государственности (...)» убедился, что это были его занятия во время писания „Войны и мира“, когда ему пришлось изучить эту отвратительную личность как военачальника, императора и частного человека»¹⁸.

Если в работах Михайловского-Данилевского Толстой еще находил некоторую поддержку своим суждениям о Наполеоне, то уж нигде в официальных русских источниках он не мог встретить тенденции низвести с пьедестала Александра I. Однако в не менее саркастической форме изобразил Толстой первые годы царствования Александра, который «решил устроить судьбы Европы, остановить *les envahissements de cet homme**, заключил союз с Австрией и решил, что, победив Буонапарте (в победе нельзя было сомневаться), французам будет предоставлена свобода избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, и купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев. Все было тонко предвидено».

Такие позиции Толстого, столь резко отличавшиеся от существовавших взглядов, отраженных в исторических сочинениях, обусловили характер использования источников в течение всей работы над романом.

По-своему раскрывая сущность исторических событий, Толстой сохранял фактическую точность. Нет нужды доказывать, что все исторические лица — а их участвует в набросках начала около тридцати — выведены под своими именами; точно соблюдены, естественно, все географические названия мест исторических событий. В неприкосновенности сохранялся текст официальных документов и цитат из сочинений историков. Но Толстой находил такие приемы введения их в свой текст, что они способствовали выражению основных взглядов автора. Вступление к 4-му варианту начала завершалось подлинным текстом писем, которыми обменялись Наполеон и Александр I перед войной 1812 г. Им предшествует авторское изложение тех событий, которые считались причинами войны и которые отражены в приведенных письмах: «В то время, о котором я пишу, — рассказывал Толстой, — ему <Наполеону> должно быть пришла мысль сделать северный океан французским озером, он начал приводить в исполнение эту великую мысль, проведя карандашом на карте Германии черту, по которой весь берег Северного и Немедкого моря был французский, и все сказали „Очень хорошо“. Однако император Александр вступился за владения родственника, принца Ольденбургского, попавшие в черту на карте. Начались протесты, споры, переписка». После такого вступления подлинные письма получили соответствующее звучание.

Один из набросков начала открывался нотой российского поверенного в делах П. д'Убриля французскому министру иностранных дел от 28 августа 1804 г. Полный

* захватничество этого человека (франц.).

текст ноты опубликован в «Вестнике Европы» 1804 г. Из этого журнала Толстой заимствовал немало различных сведений, в том числе и ноту. Возможно, что эта именно публикация навела на мысль начать произведение с данного официального документа. Вслед за точно скопированным текстом ноты Толстой стремится доказать, что эта «смелая и решительная» нота, в которой «выставлялись все причины неудовольствия нашего двора против французского и требовалось удовлетворение», не сыграла никакой роли в общем ходе исторических событий, и Наполеон, «не обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин д'Убриль», и не обращая внимания «на признание и непризнание законности его прав», продолжал захватническую политику. Привлечение подлинного текста документа с целью противопоставления его содержания действительному положению дел многократно повторяется в работе над «Войной и миром»; в завершенном романе сохранен тот же принцип подачи официальных документов.

Полемика Толстого с историками более всего относилась к пониманию «значения события». Особенно остро это сказалось в описании боев. Впоследствии Толстой сформулировал причины разногласий в описании сражений историком и художником: «Художник из своей ли опытности или по письмам, запискам и рассказам выводит свое представление о совершившемся событии», и весьма часто оно оказывается противоположным выводу историка. Такое «различие добытых результатов» обусловлено и характером источников. Официальные документы, которые для историка являются главным источником, художнику ничего не дают. «Мало того, художник отворачивается от них, находя в них необходимую ложь» (т. 16, с. 10).

В полном соответствии с приведенным позднейшим заявлением Толстого находятся его рассуждения, входящие в 7-й вариант начала, который имеет важное принципиальное значение при решении вопроса об идейных позициях Толстого в ранний период работы над романом. Первому эскизу картины Аустерлицкого сражения предпослано рассуждение автора о том, что «вопросы военных успехов решаются не величием военных гениев» и «не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». К выводу о решающей роли духа войска в сражении Толстой пришел «по рассуждению и по опыту» и заявил, что он был и останется верен ему. Целым рядом образных сравнений Толстой подвел свои рассуждения к тому, что на настроение войска влияет множество факторов: и климат, и толки в армии, и провиант, но решающую роль играют отношения начальников к подчиненным. «Чем больше связи между тем и другим, чем ближе, непосредственнее эта связь», тем больше «силы и высоты приобретает дух войска».

Из исторических сочинений Толстой узнавал факты, касающиеся сражения, и, руководствуясь собственным убеждением, создавал картину сражения, стремясь по-своему раскрыть его сущность. Анализ духа войска является главным компонентом толстовского описания сражений. Этого он у историков не находил и с горечью говорил о том, что «в военном деле анализированы давно все роды орудий смертности, все условия продовольствия, выгод местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что называют духом войска, предоставляется болтунам, поэтам и не занимает серьезных людей».

В развитии своего тезиса Толстой попытался сравнить три рода описания Аустерлицкого сражения: «Сражение с точки зрения военной истории, с точки зрения эпической поэзии и с нашей точки зрения»¹⁹. Строго следуя за историческими источниками, более всего используя книгу Михайловского-Данилевского, соблюдая военную терминологию, Толстой дал первый род описания сражения. Надобно заметить, что и здесь Толстому не удалось сохранить «бесстрастие» историков. Их описание в изложении Толстого перемежается его резкими полемическими заявлениями и насквозь пронизано его гневом. В связи с попытками русских историков представить как одну из существенных причин поражения под Аустерлицем то, что колонны войск, «задержанные непредвиденными обстоятельствами», опаздывали, Толстой восклицает: «Давно бы пора предвидеть и расстреливать эти непредвиденные обстоятельства, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из-за лени, необдуманности, легкомыслия двух-

трех жизни десяти тысяч и позора миллионам». Толстой выставляет другую причину поражения. «Те, которые были причиной этого, австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицци и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена». Толстой закончил излагаемое им описание битвы «с военной точки зрения» спокойной по форме фразой: «Так неудовлетворительно рассуждает и объясняет военная история». Второй род изложения боя «с точки зрения эпической поэзии» представлен Толстым в подобном же раздраженно-ироническом тоне и с такими же полемическими репликами.

Наконец, свое изображение Аустерлица Толстой предваряет вводной фразой, настраивающей читателя на определенный лад: «... и вот другое описание сражения, из которого все-таки вопрос, щемящий тогда, теперь, и вопрос, который всегда щемит сердце, пока будут русские, вопрос, почему так постыдно разбито русское войско, вопрос этот не получает ответа». Вопрос Толстым поставлен. Художественной картиной битвы под Аустерлицом он будет стремиться ответить на него.

Источниками для раннего варианта описания Аустерлицкого сражения и предшествовавшей ему обстановки послужили названные выше книги Михайловского-Данилевского, Тьера, а также «Записки Алексея Петровича Ермолова» (М., 1865). Каждый приведенный Толстым факт находит подтверждение в источнике. Одиннадцатая глава книги Михайловского-Данилевского, озаглавленная «Лагерь под Ольмюцом», дала все сведения для начала наброска. Историк сообщает, что Кутузов «соединился у Вишау с первую колонною корпуса графа Буксгевдена», 10 ноября Кутузов «вступил в Ольмюц. Через два дня пришла в Ольмюц гвардия», которая «вступила в Ольмюц в полной парадной форме, прямо на смотр монархов, и смотр был самый блистательный». На этих данных построен первый эпизод 7-го варианта. Действие начинается в день смотра, т. е. «через два дня» после прихода в Ольмюц Кутузова. Толстой точно указывает дату: 12 ноября и сообщает, что «кутузовская армия готовилась в Ольмюце к смотру» и «ожидала гвардию». Этот едва заметный акцент на то, что армия «ожидала» гвардию, не случаен; в дальнейшем рассказе будут неоднократно противопоставляться гвардия и армия. Гвардия «вступала в Ольмюцкий лагерь прямо на смотр», — точно по источнику сообщает Толстой. Михайловский-Данилевский подробно описывает переход гвардии, «радостно встречаемой на всем пути» из Петербурга до Ольмюца. В пути «укомплектовали гвардию людьми из других полков, уменьшили обоз, дали войску пять дней отдыха <...> От границы австрийских владений, по повелению императора Франца, были приготовлены на половине каждого перехода обеды для офицеров, солдатскую амуницию везли на подводах». Толстой использовал эти данные: «Гвардия, как известно, шла как на гулянье. Ранцы везли на лошадях, офицерам были готовы обеды везде. Полки шли в ногу, и офицеры шли пешком. Так шел Борис с своим товарищем ротным командиром Бергом». Каждый штрих приобретает существенное значение в общем тоне рассказа Толстого. Тон этот усилен участием именно Бориса и Берга, которые рисуются неизменно в отрицательном свете. Картина походной жизни гвардейцев продолжена изображением «чистой квартирки» Бориса и Берга, где они «чистенькие», один в шелковом халате, другой в венгерской курточке, пили чай и играли в шахматы. Особенно сильно выступит смысл подсказанной историческими фактами картины, когда Толстой перенесет действие в «лагерь 1-й армии», который имел «совсем другой вид, как гвардейский. Солдаты были оборваны, многие босиком, офицеры в разнокалиберных одеяниях».

Точно по официальным сведениям указан день выступления армии из Ольмюца — 15 ноября. Излагая обстоятельства, заставившие выступить из Ольмюца, Михайловский-Данилевский сообщает, что это было сделано вопреки мнению Кутузова, который считал, что выступление в данный момент приведет неизбежно и немедленно к сражению, «казавшемуся Кутузову рановременным». Эти сообщенные историком факты дали Толстому материал для саркастического рассуждения о военном совете, на котором «дело исполнено было: идти догонять и бить Бонапартия, но решено дело вовсе не было».

Историк сообщает, что «армия выступила от Ольмюца в пяти колоннах, шедших на одной высоте: 1-я Вимпфена, 2-я графа Ланжерона, 3-я Пржибышевского (...), 4-я князя Лихтенштейна и 5-я князя Гогенлоэ». Это бесстрастное в источнике перечисление имен генералов, возглавлявших колонны, превратилось у Толстого в принципиально важный факт. Толстой делает упор на иностранные имена командиров. «Русские пять колонн вели: 1) немец Вимпфен, 2) француз Ланжерон, 3) поляк Пржибышевский, 4) немец Лихтенштейн, 5) немец Гогенлоэ». В этом была заложена одна из причин, сыгравших решающую роль в исходе войны. С самого начала не было никакой связи между русскими воинами, дорожившими честью армии, и иностранными командирами, для которых потеря сражения и бесчестие армии не были страшны.

Первым после выхода из Ольмюца было небольшое сражение при Вишау. На основе данных Михайловского-Данилевского Толстой конспективно наметил картину битвы и воспользовался свидетельством Ермолова о том, что дело при Вишау «представлено было в гораздо важнейшем виде» и в главной квартире «восхищены были победой». По поводу этой «победы» иронизирует князь Андрей: «Шесть тысяч человек напали на тысячу и выгнали, когда они хотели отступать». (На это намерение французов отступать есть указание у Михайловского-Данилевского.) «Зато как мы все поздравляли Долгорукова, пили за его здоровье за царским столом. Теперь кончено, мы чуть не захватили Бонапарта. Одного боимся, как бы не ушел». В таком же тоне, как и князь Андрей, говорит о победе эскадронный командир, обращаясь к Толстому (так именуется здесь Николай Ростов), получившему за Вишау следующий чин поручика: «Да, батюшка, уж коли за это дерьмо по следующему чину...» и добавляет при этом, что получать награды «не службой, а счастьем» привычное дело.

Историк повествует, что по окончании «пальбы» Александр I «шагом и безмолвно» объезжал поле сражения, «всматривался посредством лорнета в лежавшие тела и приказывал подавать помощь тем, у кого замечал искру жизни. Опечаленный зрелищем пораженных смертью и ранами, император весь день не вкушал пищи и к вечеру почувствовал себя нездоровым». В окончательном тексте на этой основе будет создана выразительная художественная сцена, пока же появился только конспективный набросок, в котором лишь несколькими штрихами изображен у Толстого Александр I после Вишауского сражения. С фактической стороны содержание конспекта близко к источнику, только сочувствие историка заменилось иронией художника, осветившей сущность явления. «Государь стоял верхом на англизированной лошади и смотрел в лорнет. Лицо его было особенно добро. Он подъезжал к каждому раненому и пожимал плечами». Англизированная лошадь, лорнет, доброе лицо и пожатие плечами, и все это среди убитых и раненых, лежавших на поле только что закончившегося сражения! Внешние факты не искажены, но тон автора сместил стержень рассказа историка и вызывает обратное впечатление, подкрепленное разговором императора с солдатом, у которого оторвана нога: «Где у тебя нога? — спросил государь. — Ниже колена, ваше высокоблагородие, — отвечал солдат. Свита улыбалась, но с грустью под тон государя».

Так же точно в плане раскрытия сущности события на основе фактических данных историков дано описание Аустерлицкого сражения. Предварительно Толстой еще раз перечислил иностранных командиров: «Русскими войсками распоряжались император Франц, полковник Вейротер, Гогенлоэ, Лихтенштейн, Вимпфен и Буксгевден, изменник своей стране Ланжерон и т. д.» Такое введение настраивает. Имени Кутузова среди командиров Толстой не называет, а показывает его в самом действии, в сцене перед началом сражения, в момент приезда двух императоров и их свиты. Эпизод построен на материалах Михайловского-Данилевского. Почти дословно совпадает прямая речь участников у историка и у художника. Только у писателя центральной фигурой являются не императоры, а Кутузов; выражение лица, с каким он выслушивает распоряжения императора, дает нужное Толстому направление для сцены, напоминая вновь о тревогах Кутузова перед сражением, которое он считал преждевременным. Историк рассказывает так: «В десятом часу прибыли на поле сражения император Александр и Франц (...). Подъехав к Кутузову и видя, что ружья стояли на козлах,

император Александр спросил его: — Михайло Ларионович, почему не идете вперед? — Я поджидаю, — отвечал Кутузов, — чтобы все войска колонны пособрались. Император сказал: — Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки. — Государь, — отвечал Кутузов, — потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете. — Приказание было отдано. Войско начало становиться в ружье.

Толстой берет эпизод целиком, направляя все внимание на показ душевного состояния Кутузова. Из предшествовавшего повествования ясно, что Кутузов против воли принимал сражение, что он вынужден был подчиниться Александру, который соглашался с решениями иностранных генералов, вопреки мнению Кутузова. Теперь Толстой использовал эту сцену для того, чтобы в действии показать создавшееся для Кутузова положение.

«Наконец, заслышались выстрелы. Поднялись уши у людей и лошадей, показались панашаи государей. Веселы, чисты, молоды, солнце — ярко, лошади чудесны. Кутузов скучен».

Противопоставление настроения: все веселы — Кутузов скучен — дает тон всей сцене с первых же строк. Продолжение конспекта относится к той же теме:

«Началось (улыбка). — Да.

— Жалко, что мы не будем.

— Что же вы не начинаете, Михаил Илларионович?

И лицо вечно насмешливое оскорбило государя.

— Мы не на Царицыном лугу.

— Оттого-то и не начинаю.

Сзади зашевелились, недовольство, упрек. „Такого счастливого царя, можно ли смеяться“. Нехорошо!!!

— Коли прикажете...

— Ну да, с богом».

Сохраняя в точности по источнику форму этой сцены, Толстой наполнил ее иным содержанием.

Картина самого сражения дана с огромной силой напряжения, хотя так же концептивно. Даже этот эскиз будущей художественной картины Аустерлицкого боя содержит исторически верные эпизоды, опирающиеся на материалы источников, и создает известное по завершённому тексту впечатление хаоса. Толстой изобразил Аустерлицкое сражение хаотическим не потому только, что это соответствовало авторской точке зрения; как доказывают некоторые исследователи, он находил тому подтверждение в документах. «Был час пополудни. Уже не имея общей связи, битва представляла зрелище отдельных частных действий», — отмечает Михайловский-Данилевский, объясняя, что так «всегда случается, когда середина армии бывает прорвана и отделена от флангов». Толстого не интересует толкование, ему нужен факт, который находит объяснение в общем ходе событий. Еще больше сведений для своей картины Аустерлица Толстой нашел в рассказе участника сражения А. П. Ермолова, который утверждает, что Аустерлицкое сражение «сопровождали обстоятельства столько странные», что он не сумел дать «ни малейшей связи происшествиям» и не мог описать в своих мемуарах это сражение «с большою подробностью».

Рассказ Ермолова об Аустерлице, можно думать, немало способствовал представлению Толстого об этой битве. Ермолов прямо заявляет об измене австрийских генералов, иронизирует над «премудро начертанной австрийской диспозицией», «так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности». Все это отражено у Толстого. Мемуарист рассказывает, что «самые начала действий уже не согласовались с диспозицией, все колонны войск непременно одна другую перерезывали, и даже не по одному разу, и которая-нибудь напрасно теряла время в ожиданиях». Об этом опоздании колонн Толстой много рассказал и наметил в конспекте: «Три начальника действовали отдельно без связи, и все опоздали. Однако сорок тысяч человек стреляли тут друг в друга, и тысячи уже были убиты». Ермолов подробно говорит о царившем во все время сражения хаосе, который дошел до того, что «армии, казалось, полков не бывало, а видны были разные толпы». Заканчивая свой рассказ,

Ермолов пишет: «Если премудрая диспозиция нас разделила, то бегство соединило многих».

Такое впечатление создает и эскиз Толстого: сначала показана свита во главе с двумя императорами. «В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый? где левый фланг? <...> Только государи и ближайшие к ним, видимо, понимали и интересовались чем-то и были различных мнений с Кутузовым». Двумя только фразами Толстой показывает поведение императоров и свиты: «На горе была толпа панашей бегущих, государи впереди. Австрийцы бежали».

Для усиления общего впечатления хаоса на поле боя использован засвидетельствованный историками точный факт: туман, который, как неоднократно упоминает Михайловский-Данилевский, «не позволял» русским видеть войска, собранные Наполеоном. Туман стал у Толстого лейтмотивом художественной картины боя. И в раннем эскизе ее уже отмечена эта немаловажная для художника правдивая деталь. «Туман поднялся клубами...»; «...серое туманное утро...»; только «присмотревшись», можно было разглядеть французов.

На материале одного эскиза Аустерлицкого сражения можно убедиться, что Толстой не искажал исторических фактов для доказательства своих воззрений, но на основе глубокого проникновения в сущность явления определял место и значение каждого факта в общем ходе события. Позднее была сформулирована Толстым задача: отвернувшись «от изучения рапортов и генеральных планов», вникнуть «в движение сотен тысяч людей, принимавших прямое непосредственное участие в событии». Она привела Толстого к убеждению, что причиной Аустерлицкого поражения было отсутствие связи между иностранным командованием и русским войском, отсутствие доверия к начальникам и упадок духа войска вследствие беспотопности в период сражения. Эти основные факторы отражены в раннем наброске описания Аустерлица.

Из тех же предпосылок вытекает оценка Толстым исторических деятелей, решительно отличающаяся от оценок официальных историков. Как при изображении исторических событий, так и при создании образов исторических лиц Толстой пользовался документами. Толстой выбирал из работ историков, из мемуаров, из биографий, из портретных изображений точные черты внешнего облика и, главное, характера во всех его многообразных проявлениях и, строго сохраняя действительные черты, создавал образы этих лиц под определенным углом зрения. В этом отразилось отношение автора к выведенным в романе лицам. Основная позиция, с которой художник анализировал характер, роль и значение каждого исторического деятеля, состояла в установлении связи его с народом. В таком подходе заключалась причина разногласий Толстого с историками в оценке почти всех ведущих деятелей эпохи наполеоновских войн.

Ранние наброски также дают некоторые данные для освещения этого вопроса. Отношение Толстого к Наполеону твердо и безоговорочно выражено в цитированных вступлениях. В действии Наполеон показан в Аустерлицком сражении. Толстой наметил: «Наполеон на аванпостах. Восторг, который был на смотре». Видимо, сцене блестящего Ольмюцкого смотра и воссозданной по рассказу Тьера сцене приезда Наполеона на аванпосты в момент чтения приказа (подлинный текст приказа заимствован также у Тьера)²⁰ предназначена одна роль — контраст с картиной самого боя. Стремление Толстого уничтожить ореол величия Наполеона отразилось в конспективном наброске в ряде мелких штрихов: приказ читают «при свете головешек», читает его молодой адъютант «почти как на театре», «в свет огня въехал французский император, тот самый в шляпе и сертуке, которого видел Долгорукий». Он остановил солдата. «Солдат поднял зажженный пук соломы, чтоб осветить его»; «Пуки соломы и крики, которые поражали наших, провожали его». Источники подсказывали эти факты, сослужившие художнику большую службу²¹.

О Кутузове во вступлениях имеется только одна фраза: «Разве не было тысяч офицеров, убитых во времена войн Александра, без сравнения более храбрых, честных и добрых, чем сластолюбивый, хитрый и неверный Кутузов?». Что же это? Оценка Толстым Кутузова? Разумеется, нет. Эпитетами: хитрый, развратный, дряхлый, слабый, неспособный, придворный старик, развращенный, лживый, царедворец — весьма

щедро награждали Кутузова и русские и иностранные историки. Создавая свой образ Кутузова, Толстой и на раннем и на самом последнем этапе работы не раз пользовался теми же эпитетами, но всегда в полемическом смысле, и изображением самих действий Кутузова доказывал бессмысленность подобных оценок. Например, глава о Кутузове на Бородинском поле начиналась (и так дошло до корректур): «Дряхлый, слепой, развратный, неспособный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день 26 августа сидел, понунив седую голову...» и т. д. Этими же эпитетами заканчивается волнующая сцена, отразившая момент получения Кутузовым известия о выходе Наполеона из Москвы (основой для нее послужило описание Михайловского-Данилевского). Получив это так долго ожидаемое известие, Кутузов «сквозь слезы» произносит: «Господи! Создатель мой. Внял ты молитве нашей <...> Спасена Россия. Благодарю тебя, господи!». И за этими словами следовала реплика Толстого: «Так думал и говорил хитрый, развратный царедворец Кутузов». Бесспорно, точно такое же значение имела приведенная фраза в вступлении, что явствует из всего контекста. Нельзя не обратить внимания, что ни в этом, ни в трех других вступлениях с обзорами исторических событий и оценками деятельности исторических лиц Толстой не касается личности и действий Кутузова. Свое отношение к роли государственных деятелей Толстой на раннем этапе работы раскрывает на анализе деятельности Наполеона и Александра, а также частично касается немецких и австрийских генералов, военных теоретиков. Рассказ о поведении Кутузова накануне Аустерлицкого сражения и в момент сражения ведется совсем в ином тоне.

Вопреки официальным источникам, Толстой раскрыл действительную обстановку, в какой Кутузову пришлось вести войну 1805 г. В разговоре князя Андрея с Борисом показано трудное положение Кутузова в штабе, где присутствие Александра I лишало Кутузова самостоятельности; кроме того, Александр доверял авторитету австрийского генерала Вейротера, который торопил с наступлением и протестовал против мнения Кутузова, подозревавшего австрийцев в измене. Переходя к описанию самого сражения, Толстой обращает внимание на стратегически невыгодное положение русской армии и особо подчеркивает состояние Кутузова, который был в этот день «совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном. Не было в нем этой тихой, прикрытой беспечностью и спокойствием старческой силы презрения к людям и веры в себя, светившейся всегда из его узких глаз и твердо сложенных тонких губ. Он был скучен и раздражителен. Он отдавал приказания только о движении, но ничего не приказывал». В сцене встречи Кутузова перед сражением с императором и свитой сочувствие автора к Кутузову выражено весьма определенно. А краткий конспект сцены, рисующей Кутузова в самый напряженный момент сражения, по своей идейной направленности полностью совпадает с завершенным текстом этой сцены. Отдельными штрихами намечены действия Кутузова, взволнованного начавшимся бегством. Кутузов говорит Волконскому: «Посмотрите, они бегут». Далее: «Кутузов:— Вели стрелять на батареях картечью». «Кутузов собирал бригаду. Он любил Волконского». Изображение Кутузова во время Аустерлицкого сражения, ясно выказавшее положительное отношение Толстого к нему, входит в 7-й вариант начала, написанный много раньше того вступления, в котором имеется цитированная фраза о «сластолюбивом, хитром, неверном» Кутузове.

Ранние наброски начала отражают полемику Толстого с историками, начавшуюся буквально с первых шагов работы над романом и обусловленную иным подходом художника к изучению законов истории. Толстой стремился проникнуть в смысл исторических явлений и разглядеть то, что он считал главным, но что не отразилось «вмишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике». Вследствие иной точки наблюдения и предмета наблюдения заимствованные из исторических источников сведения и материалы приобретали в произведении Толстого при сохранении фактической точности иной смысл и иное значение в общем ходе истории.

В процессе поисков начала определялась композиция произведения, обеспечивавшая одновременность действия; установилась манера вести повествование небольшими главами, что облегчало быстрый переход действия из одного места в другое, от одной группы лиц к другой. Постепенно создавались образы персонажей, какими они

должны были быть в начале века, ко времени первой войны с Наполеоном; определялась среда, в которой они жили. Наконец, в первоначальных набросках нашли отражение основные принципы и метод использования Толстым исторических источников.

Первый год работы над романом, посвященный только поискам начала,— это первый из тех семи лет, в течение которых Толстой «с мучительным и радостным упорством и волнением» шаг за шагом открывал то, что он считал истиной.

* * *

Наброски начала романа «Война и мир» опубликованы в Юбилейном издании, т. 13, с. 53, 58—205. Принцип расположения их в этой публикации непонятен, и создается впечатление бессистемности и случайности.

Важным признаком для установления по возможности хронологической последовательности возникновения набросков начала служит четко отраженный в них постепенный отход Толстого от 1812 г. к 1805 г. Приняв этот признак за основу для расположения набросков, последовательность их в т. 13 представится в следующем виде: 1, 5 (начало), 4, 3, 13, 14 (начало), 2, 7, 6, 5 (без начала, опубликованного раньше), 9, 10 (без окончания), 11, 12, 14 (без вступления, опубликованного раньше), и к 14-му присоединено в качестве непосредственного продолжения окончание 15-го варианта, начало 15-го не опубликовано. При такой публикации каждый из ранних набросков воспринимается изолированно, вне общей цепи и не больше как новый интересный текст Толстого. Значение первоначальных набросков неизмеримо серьезнее, они входят в общую цепь процесса работы Толстого над романом.

Текст рукописей, опубликованный в т. 13, прочитан хорошо, но механически воспроизведен без учета того обстоятельства, что первоначальный текст нескольких ранних набросков был использован Толстым при дальнейшей работе над произведением и подвергался позднейшей правке. Вследствие смещения слоев разновременной правки в ранние тексты Толстого внесена путаница в имена, даты, события. Например, в варианте, озаглавленном «Три поры», который Толстой трижды в разное время исправлял, приспособлявая его к новому замыслу, появились такие нелепости: «12 октября 1805 года утро было ясное, безветренное с морозом и безоблачное», а экипажи проезжали через имение «в густой пыли», что, разумеется, не могло быть при морозе. В это же утро «с морозом» m-lle Enitienne гуляла в саду «в изящном летнем платье» (см. т. 13, с. 80 и 83). Причина несоответствия открывается весьма просто: и «густая пыль» на дороге и «изящное летнее платье» относятся к первоначальному тексту, по которому действие начиналось не «12 октября 1805 года», а «28 августа 1811 года». В 6-м варианте начала, озаглавленном «День в Москве», действие происходит в 1808 г., т. е. после заключения Тильзитского мира, а среди намеченных тем беседы в гостиной у графа Плохого: «Война, объявленная французам». Эти слова даны под строкой как зачеркнутые (см. т. 13, с. 151, прим. 1). Фактически же они появились позднее, когда Толстой приспособлял этот вариант начала к новому замыслу, по которому действие начиналось в 1805 г., т. е. к 8-му варианту начала. Текст о намерении графа спросить у гостыи, «слышала ли она, что Кутузов проехал» (т. 13, с. 151), также относится к 8-му варианту, в котором действие начиналось в октябре 1805 г., именно тогда, когда Кутузов «проехал» (а зачеркнуто все это было, очевидно, при вторичном исправлении рукописи для первой части первого тома). В варианте «Три поры» дата 1811 г. была изменена на 1805 г. тогда, когда ранее созданный текст приспособлялся также для 8-го варианта начала. По той же причине смещения слоев правки в 7-м варианте начала появилась неустойчивость имен одних и тех же персонажей: то Простовы, то Ростовы; Федор Простой, потом Nicolas Ростов (т. 13, с. 98 и сл.).

Предисловие, относящееся к 5-му варианту, напечатано на стр. 53, а текст, непосредственно за ним следующий,—на стр. 169—172. Вступление с обзором исторических событий, предшествующее 14-му варианту начала, напечатано на стр. 75—77, а непосредственное продолжение рукописи—на стр. 198—201. Такое искусственное разделение текста одной рукописи никак не оговорено.

Задача настоящей публикации — не исправление соответствующего раздела т. 13, появившегося одиннадцать лет тому назад, и не сообщение каких-то новооткрытых

текстов, а стремление, независимо от предыдущих публикаций, восстановить творческий процесс первого периода работы Толстого над романом.

Варианты начал печатаются в указанной выше хронологической последовательности. Но ввиду большого объема всех 15 вариантов, полная публикация их в настоящем издании невозможна. Те из них, которые подвергались меньшей правке, особенно разновременной правке, не печатаются совсем (вар. 4 и 9). Для того чтобы не нарушать хронологического ряда, их порядковые номера указаны в соответствующих местах и даны ссылки на их публикацию в Юбилейном издании. Вар. 6 и 7 печатаются не полностью.

Варианты начала 1—3, 5, 10—15 печатаем полностью. Текст каждого дается в его первоначальном виде, без указания позднейшей правки, затемняющей представление о ходе работы Толстого в период поисков начала романа «Война и мир».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо к А. А. Фету от 17 ноября 1870 г. — т. 61, с. 240.

² «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891». М., 1928, стр. 37, 39—40.

³ Письмо к Н. Н. Страхову от 26—27 ноября 1877 г. — т. 62, с. 352.

⁴ А. Е. Грузинский. Вступ. статья к черновым текстам «Войны и мира». — «Новый мир», 1925, № 6, стр. 3—19.

⁵ См. работы о «Войне и мире»: Л. М. Мышкова. Герои «Войны и мира». — «Литературная учеба», 1940, № 12, стр. 20; Г. А. Волков. Вступ. статья к черновым текстам «Войны и мира». — «Литературное наследство», т. 35-36, 1939, стр. 286; его же. Как писал Толстой «Войну и мир». — «Литературная газета», 1940, № 57, от 17 ноября; С. П. Бычков. Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого. М., 1949, стр. 6, 7; А. М. Лапин. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». (Эволюция замысла и образы романа). — «Русский язык в нерусской школе». Методический сборник, вып. 6. Баку, 1952; С. П. Бычков. Л. Н. Толстой. Очерк творчества. М., 1954; С. И. Лешева. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1954; Н. С. Родионов. Работа Л. Н. Толстого над рукописями «Войны и мира». — «Яснополянский сборник. 1955-й год». Тула, 1955, стр. 5—35.

⁶ После четвертого наброска начала Толстой вернулся к рукописи, озаглавленной «Три порты», ввел упоминание о сыне и продолжил текст. Публикуем рукопись в этом исправленном виде.

⁷ «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», стр. 113.

⁸ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839 (3-е изд. СПб., 1843); «Описание войны 1813 года». СПб., 1840 (2-е изд. СПб., 1844).

⁹ «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862). — т. 8, с. 109.

¹⁰ Начав после «Войны и мира» новое историческое произведение из времен Петра I, Толстой писал: «Я берусь за работу с радостью, робостью и сомнениями, как и в первый раз» (письмо к А. А. Толстой, март 1872 г. — т. 61, с. 281).

¹¹ Цит. по русскому переводу, опубликованному в «Живописной русской библиотеке», 1856, т. I, № 31, стр. 245.

¹² Счет книжного магазина на книги, покупавшиеся в 1863—1865 гг., опубликован в т. 16, с. 153—154.

¹³ См. письма Толстого к М. Н. Лонгинову от 19 и 26 марта 1864 г. — т. 61, с. 40, 42—43.

¹⁴ Дневник М. П. Погодина. Рукопись. — ЛБ.

¹⁵ Письмо Е. А. Берс к Толстому от 14—15 сентября 1863 г. — в кн.: Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Книга 2. Шестидесятые годы. М. — Л., 1931, стр. 227—228.

¹⁶ Письма М. А. Волковой к В. И. Ланской частично были напечатаны в «Русском архиве», 1872; полностью — в «Вестнике Европы» 1874, №№ 8—12.

¹⁷ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844, стр. 2—3.

¹⁸ Письмо М. С. Сухотина к В. Г. Черткову от 6 июля 1901 г. Копия. — АТ.

¹⁹ В публикации этого текста (т. 13, с. 104) слово, сокращенное обозначенное двумя буквами: «Ср.», раскрыто как: ср(авнение); думаю, что правильнее читать его: ср(ажение). Там же слово, обозначенное только буквой н, дополнено: н(ародной); в соответствии с дальнейшим текстом, быть может, правильнее прочесть его: н(ашей).

²⁰ A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. II. Bruxelles, 1846, p. 95.

²¹ У Толстого было намерение еще раз показать Наполеона в сцене его беседы с князем Долгоруким, который вместе с генералом Савари приехал на аванпосты французов. Но он не осуществил своего намерения, а лишь процитировал описания этого свидания, приведенные в книгах Тьера и Михайловского-Данилевского. В публикации данного варианта в т. 13 цитата из книги Тьера не оговорена (т. 13, с. 125, прим. 4), и поэтому она воспринимается как текст самого Толстого.

НАБРОСКИ НАЧАЛА «ВОЙНЫ И МИРА»

<1>

В 11 году у старого князя Волхонского гостит молодой Зубцов.

<2>

ТРИ ПОРЫ

Часть 1-я. 1812-й год

ГЛАВА 1-я. ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ

Екатерининский генерал-аншеф, теперешний генерал-лейтенант, князь Волхонский, отец князя Андрея ^{1*}, в 1811 году был еще свежий мужчина ^{2*}, готовый на всякую деятельность, но лишенный возможности деятельности в привычной ему и единственно понятной для него служебной сфере. Он был в немилости, в которую впал еще при Павле за дерзкий и гордый ответ на предложение государя, не повравившееся князю. Рассказывали, что государь посоветовал ему жениться на г-же Д. и что князь ответил: «за кого же вы меня принимаете, чтобы я женился на вашей б...» ^{3*}. При Александре, о котором князь, лично знавший Екатерину и при ней начавший свою службу, имел весьма низкое мнение, князь был хуже, чем в немилости — его забыли. Он был хороший, храбрый офицер — успел отличиться под Очаковым — и генерал был, свято исполняющий ^{4*} приказания и того же строго требующий от подчиненных, внушая им свою гордостью и строгостью либо ^{5*} сильнейший страх, либо скрытую насмешку, но особенных дарований за ним не полагали ^{6*}, и потому после его воеводства в дальней губернии, куда он был послан, как в изгнание, и из которого он вышел в отставку по болезни, ему поверили, что он болен, и оставили его в покое. Родовое состояние князя было не большое, но ^{7*}, выйдя из службы, он женился на княжне Д., у которой были большие деньги, уехал в ^{8*} свое родовое имение и начал строиться в роде феодальных баронов с башнями и замками, с садами, парками, прудами и фонтанами. В 1811 году княгини уже не было на свете. От нее остались сын и дочь. Но сын этот женился бог знает на ком, как говорил князь, и отец его знать не хотел, хотя теперь, перед кампанией, он позволил привезти к себе жену, чтоб не бросить ее на улице, и самому приехать проститься. Князь жил один с дочерью и с французенкой m-lle Silienne-взятой князем из милости для компании дочери ^{9*}. Лысые Горы были уже

^{1*} отец князя Андрея *вписано*.

^{2*} *Далее было*: Ему было 56 лет. Во<лхонский?>

^{3*} Рассказывали ~ б... *вписано*.

^{4*} *Вместо*: Он был ~ исполняющий *было*: Офицер он был хороший, храбрый, — он успел отличиться под Очаковым. — Генерал был тоже небестолковый, точно исполняющий

^{5*} *Далее начато*: боязнь

^{6*} *Вместо* за ним не полагали *было*: он не имел

^{7*} *Далее начато*: женившись на княжне Д., он приобрел огромно<е>

^{8*} *Далее начато*: Лыс<ые Горы>

^{9*} *Вместо* От нее ~ дочери *было*: а. От нее оставалась одна дочь [17 лет] 21 года, и князь жил один с нею и с французенкой m-lle [Euphémie] Silienne, взятой князем из милости для компании дочери. M-lle Silienne было 18 лет; б. От нее остались сын и дочь. Князь жил один с дочерью и с французенкой m-lle Silienne, взятой князем из милости для компании дочери, летом в деревне, зимой в Москве, в собственном доме. Сын князя, еще бывший 19 лет от рода, [не по]слушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упо-

обстроены и обсажены, так что проезжавший по дороге к Москве, от которой в 60-ти верстах были Л<ысье> Г<оры>, невольно запоминал место и спрашивал чье. Государь проезжал первый раз: — Чье это такое славленное имение? — Князя В. — [А!] Петра? — Так точно, в<аше> в<еличество>. — А-а! — отвечал государь. Князь сам, выезжая кататься на своей парочке, любил выезжать на то место большой дороги, с которой видна была усадьба, и любовался. Он сломал даже конюшню в 82 сажени длины только для того, чтобы виден был фасад дома с дороги. «Городок!» — говорил он сам себе, глядя на свое строенье. Все дела князь делал обдуманно, неторопливо и в высочайшей степени аккуратно, хотя сам никогда не доходил до подробностей и непосредственно не наблюдал ни за чем. Все делалось из кабинета через управляющего, архитектора и т. п.^{10*} Одна из деревень его в 200 душ была отряжена на подвоз камня и битые кирпичи, и работы эти продолжались 16 лет. Мужики как этой деревни, так и всех других деревень князя без чувства особенного рабского уважения, благоговения почти, не вспоминали и теперь еще — старики — не вспоминают о князе. Строг, но милостив был, как и всегда, говорят они. Главное, что чувствуется в их похвалах (тоже, как и всегда бывает), это благодарность князю за то, что тот, кому они поклонялись и работали, был князь, генерал-аншеф, человек совершенно не похожий на них, никогда не доходивший ни до каких подробностей, никогда не приравнивавшийся к ним, гордый и чуждый для них. Как бы мне ни не хотелось расстраивать читателя необыкновенным для него описанием, как бы ни не хотелось описать противоположное всем описаниям того времени, я должен предупредить, что князь Волхонский вовсе не был злодей, никого не засекал^{11*}, не закладывал жен в стены, не ел за четверых, не имел сералей, не был озабочен одним пороньем людей, охотой и распутием, а, напротив, всего этого терпеть не мог и был умный, образованный и^{12*} столь порядочный человек, что, введя его в гостиную теперь, никто бы не постыдился за него. Жена его, правда, умерла рано, он был несчастлив с ней, и он был, хотя и бессознательно, недоволен ее смертью, потому что она надоела ему и он никогда не любил ее, но жена его умерла совершенно своей смертью, и князь пришел <бы> в совершенный ужас и недоумение при одной мысли, что можно желать смерти своей жены^{13*}. Он был, одним словом, точно такой же человек, как и мы люди, с теми же пороками, страстями, добродетелями и с тою же и столь сложною, как и наша, умственной деятельностью.

Князь, во всем^{14*} точный и аккуратный, лето и зиму вставал в одно и то же время, в 7, в одно и то же время кушал чай, завтракал и обедал и ужинал. 28 августа 1811 года^{15*} утро было ясное, безветренное, с сильной росой и безоблачное. В полях кругом сада и за дорогой кое-где клетками зеленели полосы взшедших ржей, кое-где стояли отпряженные телеги с семенами, и мужик с севалкой мерно шагал по бороздам и, пощелкивая зерном об севалку, ровно раскидывал рожь по лехам, означенным пучками ярко-желтой новой соломы, кое-где^{16*} скрипели крутые

минать про него. Князь сам раз в год посылал ему [1200 р.] 500 р., и сына действительно не было; *в.* От нее остались сын и дочь. Но сын этот женился б<ог> знает на ком, как говорили, и молодая княгиня, оставленная им без средств в М<оскве>, по проискам княжны была привезена в Л<ысье> Г<оры> и жила во флигеле. Она была на сносях.

^{10*} Все делалось ~ и т. п. *вписано.*

^{11*} *Далее начато:* (даже ненавидел телесное на<а>зание)

^{12*} *Далее начато:* вполне

^{13*} Жена его ~ своей жены *вписано.*

^{14*} *Вместо* Князь, во всем *было:* Князь был аккуратен, как часы. Во всем

^{15*} *Далее начато:* день был {жар<кий>} ясный, безветренный

^{16*} *Далее начато:* доваживали

воза, доваживающие ^{17*} бурую гречиху, и краснело свежее гречанище. Скот ходил по сероватому ржаному и желтому овсяному жневью ^{18*}. Выгон и лужки в овражках были застелены ^{19*} рядами льна, и пеньки уж на задах стояли неровно, наполовину повыдерганные. Между кладушками ^{20*} на чистых точках шла с утра и до утра молотьба. Мельница, не переставая, молола новину. Крестьяне Лысых Гор, не в обиду будь сказано 19 февраля, работали весело на хороших лошадях и имели вид благосостояния больший, чем какой теперь встретить можно ^{21*}. По большой дороге, проходившей через именье, в густой пыли, чуть осаженной утренней росой, изредка проезжали экипажи. Экипажи ехали уже в Москву. На станциях был сильный разгон. Помещик шел в Москву и купец из коренной — говорили станционные. Роса уже начинала обсыхать в поле, народ уже начинал подумывать о завтраке, и возившие гречиху забегали напиться в колодцы. А в саду с высокими липовыми аллеями, сквозь которые чуть просвечивало солнце, было свежо и утро.

В 7 часов утра на одной из липовых аллей, составлявших квадрат и звезду подле дома, стояло человек восемь людей в камзолах, чулках и башмаках и тупеях с скрипками, флейтами и нотами, и слышался осторожный говор и настройиванье инструментов. В стороне от аллеи, закрытый липами во внутренности квадрата ^{22*}, стоял по крайней мере столетний ясень, аршина ^{21½} в диаметре. Вокруг ясеня были сделаны кругом скамейки для восьми человек музыкантов и пюпитры. Кругом было обсажено шиповником и сиренью, круглая площадка была высыпана песком.

— Проснулся ^{23*}, — прокричал мальчик-казачок, пробегая через аллею с посудой горячей воды. Музыканты зашевелились, скрылись за аллею и ^{24*} разложили ноты и, слегка построивши, глядя на капельмейстера, ставшего перед ними, начали играть одну из симфоний ^{25*} Гейдена. Музыканты были скорее дурны, чем хороши. Князь не был большой любитель и сам в жизни никогда не певал, даже в молодости, но он считал, что ему надо иметь музыкантов ^{26*}, и музыканты у него были ^{27*}. Ровно в семь часов, еще не добились часы, князь вышел с крыльца в чулках и башмаках, в простом сереньком камзоле с звездой и в круглой шляпе ^{28*} и с костью в руке. Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, высоко нес голову, и черные ^{29*} глаза из-под густых, широких, черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо. Один из официантов ^{30*} сбежал вслед за ним на крыльцо и подал ему батистовый платок. Он строго взглянул на человека ^{31*}. — Послать ко мне Михаила Иваныча. — М<ихаил> И<ва-

17* Далее начато: красную

18* Далее начато: Лужки, выгон и овражки

19* Далее начато: пенькой

20* Далее начато: шла моло<тьба>

21* Выгон ~ можно вписано.

22* Далее начато: рос огр<омный>

23* Вместо Проснулся было: Его сиятельство извоили проснуться

24* Далее было: стали строить

25* Вместо одну из симфоний было: один из секстетов

26* Вместо считал ~ музыкантов было: а. думал, что так надо; б. считал, что в его положении надо иметь музыкантов.

27* Далее начато: Князь был убежден

28* Первоначально: с звездой, в треугольной шляпе

29* Первоначально: светлые

30* Вместо: Один из официантов было: Петруша

31* Вместо на человека было: на мальчика

ных» был архитектор. Князь прошел в аллею и, заложив руки назад, стал ходить. Музыка играла. Князь любил Фридриха Великого; его история, Семилетняя война, анекдоты врезались ему в память. Князь одно время страстно желал быть похожим на него ^{32*}. Серый сюртучок, устройство сада и дома, походка и поза, руки назад, — все это было давно когда-то усвоено им из подражания и теперь сделалось привычкой. Пришел архитектор, молодой почтительный человек, облагодетельствованный князем ^{33*}, надел шляпу только тогда, когда князь сказал ему об этом, и все ходил, докладывая о сделанных работах и выслушивая приказания князя. Когда музыканты кончили пьесу, князь подошел к ним, остановился, достал подаренную ему Екатериной табакерку и сказал спасибо капельмейстеру. Капельмейстер, тоже дворовый человек, объяснил необходимость покупки новых кларнетов. Князь сказал, чтобы он обратился к приказчику. Капельмейстер похвалил за успехи вновь взятого Тишка. Князь велел ему дать гривенник. Капельмейстер отошел, просиявший и видимо счастливый, что удостоился поговорить с князем ^{34*}.

— Принеси ^{35*} мне планы домой, — сказал князь архитектору и, сделав спокойно величественный жест рукой, пошел к оранжереям. Музыканты сыграли еще одну пьесу, потом послали мальчика посмотреть, где князь, и, узнав, что он в оранжереях, весело болтая, разошлись, кто свиной кормить, кто чулки вязать в официантской, кто работать в саду, так как у всех, кроме музыкантской, были свои должности ^{36*}.

Князь обошел оранжереи, парк, взглянул на ^{37*} работу каменщиков на новой людской — огромном каменном здании, но остановился посмотреть работу ^{38*} и, не отвечая и не замечая почтительных поклонов всех встречающих, вернулся к дому.

— Ну что у тебя там ^{39*}, пашут, кажется? — сказал он толстому управляющему.

— Под озимый ^{40*}, ваше сиятельство.

— Гм! — и князь прошел дальше. Управляющий без шапки ^{41*} шел сзади, ожидая еще слова.

— Яков, — сказал князь, — что [же] Александра? Совсем здорова? ^{42*} — и князь особенно строго взглянул мельком на Якова. Князь никогда долго не удостоивал никого своим взглядом.

— Нельзя доложить вашему сиятельству, что совсем здорова, — отвечал Яков, — а вставать могут.

— Доктор был? ^{43*}

— Изволили быть, ваше сиятельство. По приказанию вашего сиятельства я спрашивал: могут ли А<лександра> Д. ехать с младенцем до М<осквы>. Они сказали, что ежели князю будет угодно, то очень можно, хоть завтрашний день. — Князь покосился на управляющего при слове младенец.

— Отправь ее завтра с Павлом в М<оскву>. Приди за деньгами и письмом. Чтобы было хорошо, все! Слышишь?

^{32*} Вместо Князь одно ~ на него было: а. начато: и страстно; б. До старости князь удержал [страсть] [слабость] желание быть похожим на него.

^{33*} Далее начато: и почтитель<но>

^{34*} Капельмейстер отошел ~ с князем вписано.

^{35*} Первоначально: Принесите

^{36*} кто свиной ~ должности вписано.

^{37*} Далее начато: постройку

^{38*} Вместо но ~ работу было: Но он даже не остановился посмотреть работу, он кинул только общий взгляд

^{39*} Далее начато: а. се<ют>; б. воз<ят>

^{40*} Вместо Под озимый было: Сеют

^{41*} Далее начато: стоял

^{42*} Далее было: Слава богу.

^{43*} Далее начато: Были в<аше сиятельство>

- Слушаю-с.
- Что набор, назначил?
- Назначены, ваше сиятельство.
- Принеси список ^{44*}.

Князь вошел вверх ^{45*}. Из официантской вскочило несколько человек молодых официантов. Двое из них были музыканты, успевшие уже позавтракать и переодеться. Он прошел в кабинет и написал письмо в Воспитательный дом благодетельствованному им чиновнику о приеме в Воспитательный дом младенца девицы Александры, на письмо, написанное твердым, деловым, крупным почерком, наложил деньги 100 р., которые сам достал из сундука, и, хлопнув в ладони, кликнул Петрушку, а Петрушка Якова. Александра была горничная княжны, младенец был сын князя. Это был уже 5-й ^{46*}, и все они, как <этот?>, были отправлены в Воспитательный дом, а мать возвращалась назад. Все знали это, но князь делал вид, как будто этого не было, и все делали такой же вид, и, когда возвращалась Александра, все сомневались, в самом деле ли это все было ^{47*}. Дети у Александры начали рождаться полтора года после вдовства князя. Князь не упрекал себя в этом. Все у него было рассчитано наудобнейшим образом. В религиозном отношении князь тоже не упрекал себя, потому что для него еще раньше французской революции существовала одна религия разума. Выбрана же была Александра потому, что она была ближе всех и нраву тихого и смиренного.

Отправив Якова, князь почитал еще открытую у него на столе одну из частей ^{48*} библиотеки путешествий, взглянув на часы, нахмурился и позвал. Завтрак! И княжне доложить ^{49*}. Она должна быть в саду.

2

Княжна действительно была в саду. Музыка играла. Это было ее время гулять при музыке. Все занятия княжны были расписаны по часам, и княжна должна была строго им подчиняться. Mlle Enitienne была 8-я гувернантка, умевшая удержаться у князя больше двух лет. Впрочем Enitienne была не гувернантка, а *demoiselle de compagnie* ^{50*}. Встав утром в 8 часов, княжна по расписанию должна была заниматься геометрией с М<ихаилом> И<вановичем>, архитектором, потом она 2 часа играла на фортепиано, потом она гуляла под музыку.

Тогда носили платья короткие, княжна по желанию князя, находившего неприличным показывать ногу, носила длинное платье *à la taille* ^{51*} темного цвета и ничего, кроме платья, ни косынки, ни пелеринки, — это было тоже желание князя. Она была нехороша и не грациозна. Длинная ее фигура мерно двигалась по аллеям. Enitienne свеженькая, хорошенькая, грациозная в изящном летнем платье оживленно шла подле и, не умолкая, разговаривала своим грассирующим звучным ^{52*} голоском. День был веселый для княжны, и музыка, и сад, и Enitienne, — все ее радовало. Она мечтала о трио, которое она сыграет нынче вечером. Она говорила о *belle-sœur'e* и пошла к ней. Княгиня переваливалась и тошнила. Доброе было и жалкое существо. Потом ее пришли звать к князю.

^{44*} Что набор ~ список *вписано*.

^{45*} *Вместо* Князь вошел вверх *было*: Князь прошел домой.

^{46*} *Переправлено из*: 4-й

^{47*} *Далее начато*: После

^{48*} *Далее начато*: Воль<тера?>

^{49*} *Далее было*: что я встал.

^{50*} компаньонка (франц.).

^{51*} в талию (франц.).

^{52*} *Первоначально*: приятным

Входя в кабинет, она, как всегда, перекрестилась от страха. Князь принял ласково, но за belle-sœur начался спор. — Ты меня уговорила, а теперь хуже. Говорят, он приедет, а я не хочу его видеть. — Вы не хотите же, папá, чтоб муж не видел своей дочери^{53*}. Он подумал. — Как хочешь делай, чтоб я не видал его. Иначе, в каком бы положении она ни была, ни ее, ни его не будет, как скоро я его увижу. — Колокольчик. Князь нахмурился... Позвонили. — Давайте завтракать и узнай приди сказать, кто этот невежа.

На полях рукописи конспективные записи:

л. 1 (стр. 326):

Брат в своих местах — чужой.

Занят делами — она порхает.

Все равны становятся при ней.

Переходил через границу завоевателем, все покорялось, теперь едет покоряться кондуктору.

Кого любит, с тем холодна, равнодушный думает, что его взяла.

Кокетка шутит, а у него двое детей от доброй любовницы.

Со стороны она мила, а нам все то же.

Он знаком с посланником и потому для него несомненно, что все ему будет рады. Но он пакостит, и в палатах люди не рады.

Губернский предводитель дворян, столкновение.

Дибич противн. <?> взял в левую руку шпагу.

Мальчик в Москве рад свободе, происходи<впей> от французов.

Злодей француз колет и тот же самый на квартире кроткий.

Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеченке есть нечего.

л. 3 об. (стр. 330):

О романе, об Александре, о музыке, [о романе]

<3>

1

В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона 1 к Александру 1-му и Коленкур был заменен Лористонем, в городе был бал у екатерининского вельможи князя Н.

На Английской набережной светились бесчисленными огнями иллюминации известный всему городу дом вельможи. У освещенного подъезда, устланного красным сукном, стояло несколько сотен экипажей, полицеймейстер, пристава и квартальные. Жандармы расставлены были далеко^{54*} от дома по обеим сторонам улицы. По загроможденной щегольскими экипажами и народом улице беспрестанно подъезжали кареты с ливрейными лакеями на запятках. Лакеи были в шляпах с галунами и перьями. Из карет выходили по откидываемым подножкам то мужчины в мундирах, звездах и лентах, то дамы в атласе, горностаях, цветах и бриллиантах. Толпа, с жадностью теснясь, ловила мгновенья, в которые блестящие фигуры эти виднелись на освещенном пространстве подъезда. Полицейские кричали на кучеров, и дорогие кареты, гремя крепкими колесами, на фыркающих лошадях откатывались по порядку к своим местам. Беспреданно хлопали дверцы, соскакивали лакеи, и слышались повелительные крики. На дворе была темнота, оттепель и туман. Кучера кутались от сырости, толпа, смотревшая на подъезд, шлепала в темноте по грязи. На бале должен был быть государь. Почти всякой раз как подъезжала

^{53*} По-видимому, здесь Толстой ошибся и вместо жены написал: дочери.

^{54*} Вместо полицеймейстер ~ далеко было: и полиция — жандармы, расставленные далеко

блестящая карета с красным придворным лакеем ^{55*}, в толпе снимались шапки и слышался ропот: «Государь. Нет, великий князь. Разве не видите перья, значит посланник», — и т. п. слышалось из толпы. Кто стоял на тротуарном столбике, кто, несмотря на окрики полицейских, перешмыгивал через улицу. Были и женщины, и дети, и чисто одетые, и люди в кафтане и шубах. Один из чисто одетых, чиновник или лакей с гербовыми пуговицами, казалось, знал всех подъезжавших и называл по имени знатнейших вельмож и посланников. Около него толпились и его слушали. Другой, не только чисто, но и по последней моде одетый господин в шляпе и бекешке с бобровым воротником, стоял тут же в толпе и, хотя, казалось, мог бы скорее чиновника разъяснить недоумения толпы касательно подъезжавших лиц, не говорил ничего и только презрительно улыбался на слова чиновника. Презрительной улыбки его никто не мог видеть, но он не мог не улыбаться — он не только знал ^{56*}, но был знаком с многими из подъезжавших. Его тяготила мысль, что его могут смешать с толпою, к которой он чувствовал глубочайшее презрение, ему очень хотелось встретить ... ^{57*} действительно теперь нельзя было ошибиться. В толпе, между полицейскими все зашевелилось и затихло; полицмейстер в ленте и звезде приложил руку к шляпе, карета одна, гремя по очищенной дороге ^{58*}, подкатилась к крыльцу, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на красное сукно высокий мужчина в мундире с поднятыми плечами. Шапки снялись, по всем пробежал трепет, в особенности Анатолю, сам не зная отчего, почувствовал в сердце вдруг чувство радости, ожидания чего-то и зависти, и знакомая народу фигура государя с зачесанным затылком и взлизями, с высокими эполетами и андреевской лентой из-под шинели, быстро показалась и скрылась в освещенном подъезде. Государь в руке держал шляпу с плюмажем и что-то мельком сказал, проходя, вытянутому и наклоненному полицмейстеру. Каждое движение, каждая принадлежность были замечены сотнями глаз. Государь прошел. Шимко ^{59*} радостно оглянулся на всех, потом тяжело вздохнул и почему-то почти вслух сказал ^{60*} про себя следующую фразу: *Je le souhaite, sire! Oui, je le souhaite de tout mon cœur* ^{61*}. Из-за окон пронеслись стройные звуки прекрасного оркестра, и из-за освещенных окон и опущенных гардин зашевелилисьдвигающиеся тени. Анатолю стало очень грустно ^{62*}. Он все смотрел. «Ну чего смотреть, пойдем», — раздался подле него хриплый голос мастерового к своему товарищу. Анатолю опомнился ^{63*}. Он повернулся, взмахнул тросточкой и, молодцовато раскачиваясь, пошел ^{64*} по направлению к Невскому. — *Je le souhaite, sire, de tout mon cœur*, — все твердил он про себя.

2

— Как! на бал?! ты не хотел ехать, — сказал Анатолю, на крыльце дома встречая князя Криницына, садившегося в карету, и нарочно ударяя на ты, чтобы кучер и лакей (слышали?), что он говорил «ты» их барину.

^{55*} Далее начато: по толпе пробегал

^{56*} Далее было: почти всех

^{57*} В рукописи не хватает одного листа.

^{58*} Далее было: на двух караковых рысаках

^{59*} Вместо Шимко было: и Анатолю

^{60*} Вместо сказал было: стал твердить

^{61*} Я желаю этого, государь! Да, я желаю этого от всего сердца (франц.).

^{62*} Вместо Анатолю ~ грустно было: Анатолю было очень тяжело.

^{63*} Далее было: а. Куда идти, — подумал он. — Пойду к Куракину, он тоже не поехал. Но он не хотел сам...; б. Куда идти, — подумал он. — Пойду к [Моро] [Крановицкому] к Криницыну, — он не хотел ехать...; в. Куда идти, — подумал он. — Пойду к Криницыну играть на бильярде.

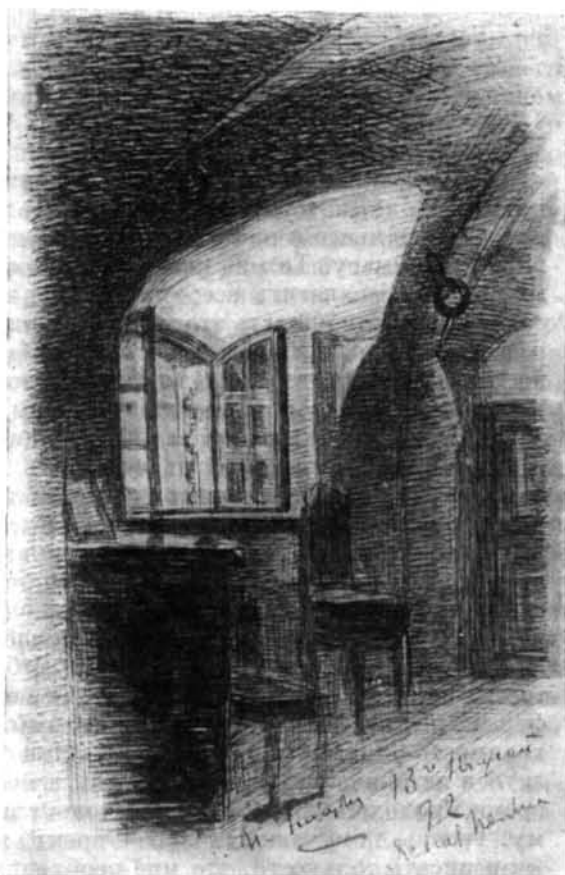
^{64*} Вместо взмахнул ~ пошел было: вздохнул еще и, опустив голову, пошел

«КОМНАТА ПОД СВОДАМИ»
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Рисунок И. Я. Гинцбурга, 1892 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Здесь в 1860-х гг. был кабинет Толстого, где он писал «Войну и мир»

— Надо ехать по многим причинам, — отвечал по-французски красивый юноша ^{65*} в бальном костюме, останавливаясь перед дверцей кареты. — Поедем, довезу до дому.

— Как поздно! Я проходил мимо, государь проехал.

— Поедем что ли? — нетерпеливо крикнул Криницын. — Или нет, слушай, ко мне хотела приехать Мими, я от нее бегу. Утешь ее. Сиди у меня ^{66*}. Ернест, напоите его чаем, — крикнул он провожавшему лакею-французу и, вскочив в карету, молодой князь нагнулся головой над перчаткой, которую он застегивал, придвигая ее к фонарю. — Смотри, Шимка, утешь и дождись меня, все Расскажи ^{67*}, — крикнул он еще из дверцы веселым успокоившимся тоном после того, как застегнул перчатку и уселся в глубь кареты.

Петр Криницын был второй и меньшей сын известного сановника того времени, только нынешней зимой вернувшийся из-за границы с братом, куда они под руководством l'abbé Musard были посланы отцом для окончания блестящего воспитания. Оба молодые человека по своему положению и воспитанию обращали на себя внимание тогдашнего света.

^{65*} *Вместо* Как! на бал?! ~ юноша *было*: Как! на бал?! — сказал Анатолий, на крыльце дома встречая князя Криницына, садившегося в карету.

— Лежал, лежал, скука. Поеду, — отвечал красивый юноша.

^{66*} *Вместо* Или нет ~ сиди у меня *было*: Или сиди у меня, пей чай.

^{67*} *Вместо* Шимка ~ все Расскажи *было*: Шимка, дождись меня.

<4>

Четвертый набросок начала не публикуем. См. т. 13, с. 58—68.

<5>

Я бесчисленное количество раз начинал и бросал писать ту историю из 12-го года, которая все яснее, яснее становилась для меня и которая все настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу. То мне казался ничтожным прием, которым я начинал, то хотелось захватить все, что я знаю и чувствую из того времени, и я сознавал невозможность этого, то [и чаще всего—] простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа казались мне столь несообразными с величественным, глубоким и всесторонним содержанием, то необходимость выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились во мне, так мне становились противны, что я бросал начатое и отчаивался в возможности высказать все то, что мне хотелось и нужно высказать. Но время и силы мои уходили с каждым часом, и я знал, что никто никогда не скажет того, что я имел сказать, не потому, что то, что я имел сказать, было очень важно для человечества, но потому, что известные стороны жизни, ничтожные для других, только я один, по особенностям своего развития и характера (особенности, свойственной каждой личности), считал важным. Больше всего меня стесняют предания как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, [я] боялся ^{68*}, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему. Теперь, помучавшись долгое время, я решился откинуть все эти боязни и писать только то, что мне необходимо высказать, не заботясь о том что выйдет из всего этого, и не давая моему труду никакого наименования.

69* ИМЕНИНЫ У ГРАФА ПРОСТОГО В МОСКВЕ 1808 ГОДА

— Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал. Я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек, — говорил запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокий толстый юноша, сердито отмахиваясь от лакея ^{70*} из-за плеча его с бутылкой в салфетке сердито и упорно спрашивавшего: дри-мадеры прикажете? ^{71*}

За именинным столом сидело 32 человека своих, родных, гостей, детей и взрослых, гувернеров и гувернанток. Стол был накрыт во всю длину залы, на одном конце сидел граф Илья Андреич, на другом графиня. Около графини сидели почетнейшие родные и гости, около графа мужчины и с одного края молодежь и дети с гувернерами. Споривший юноша сидел близко к графине. Он был единственный сын князя Безухого, наследник 40 тысяч душ и огромных капиталов бабки. Он спорил со всеми.

^{68*} Я бесчисленное ~ боялся первоначально было написано в настоящем времени.

^{69*} *Перед этим было начато:* В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми, гувернерами и гувернантками 32 человека. Обед приходил к концу.

^{70*} *Далее начато:* в салфетке подававшего бутыл(ку)

^{71*} *Далее начато:* а. Я говорю, что; б. Все

Все были против него, но больше всех он обращался к сидевшему подле графини старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьянкой нижней челюстью, который, видимо, без малейшего усилия отражал редкими и резкими шутками на отличном французском языке нападения ^{72*} молодого Безухова. Графиня, казалось, чего-то боялась, находила что-то неприличным и беспокойно взглядывала, то на соседа, который отвечал, всегда взглядывая на нее, то на Безухового, несмотря на свою молодость, говорившего слишком громко и положившего оба локтя на стол и один даже в соус, то на дворецкого, все предлагавшего дрей-мадеру. По ее мнению, надобно же было чем-нибудь кончить с этой мадерой. Кроме того, она взглядывала и на графа (ей казалось, что он что-то часто берет в руки бутылки и становится красен), и на детей, у которых что-то такое начиналось неприличное, угрожавшее разразиться громчайшим хохотом. Они шептались, перегибались друг к другу, закусывали губы и даже изредка всфыркивали. Особенно меньшая дочь Наташа, некрасивая ^{73*}, но красная с пупурщиками здоровая девочка лет 12-ти с голыми руками и шеей, как и все, что-то затевала под столом и фыркала чаще всех. Гувернеры и гувернантки находились в приличном сдержанном волнении и, продолжая сидеть прямо, отрывисто ^{74*} делали замечания своим воспитанникам и воспитанницам, но бунт, видимо, разгорался и угрожал общим взрывом неприличного хохота.

— Mon cher! — сказал старичок с звездой, оглядываясь с улыбкой на озабоченную графиню. — *Rappelez vous une chose*, — и он как жемчужины выпустил каждое слово, — *la meilleure des choses est perdue du moment que l'on se fâche* ^{75*}. — И он засмеялся, и засмеялись все, графиня сделала тонкую улыбочку и мигнула Гавриле, чтобы он переходил с бутылкой к следующему. Разговор шел по-французски.

— Léon говорит, что Бонапарт великий человек, а пленные в Египте, — сказала графиня. — Нет, я не соглашусь никогда. И она ^{76*} покачала головой на Наташу, которая совсем нагнулась под стол.

— Что вы думаете об этом, княжна? — обратилась она к девушке, сидевшей недалеко от нее. Задумчивые полузакрытые глаза княжны вдруг вспыхнули приятным томным блеском, яркий румянец выступил на полное красивое лицо.

— Я, как женщина, могу ошибаться и смотреть не так, как надо, на политику, — отвечала она, вздыхая, но я не могу простить ему смерть Египтенского. Это ужасно. — И она содрогнулась неприятно при одном воспоминании.

Léon неучтиво не обратил никакого внимания на замечания дам.

— Я не сержусь ^{77*}, но говорю, что это самый великий полководец мира и что нас били всегда и будут бить, и придет в Петербург так же, как в Вену и Берлин, — продолжал он, отдавая тарелку и обтирая запачканный рукав фрака. Дети не могли удерживаться больше и громко захохотали. Léon обратился к ним и тоже засмеялся самым добродушным здоровым смехом. — *Pardon*, мы поговорим об этом после, — сказал он.

На другом конце стола граф подливал соседу, рассказывая, что вино это получил он в бочонках, а что кипрское трудно достать.

— Об чем они? — спросил полковник, указывая на старичка с звездой.

^{72*} Далее начато: а. противника; б. Безу(хова)

^{73*} Далее начато: брюнетка

^{74*} Далее начато: отдавали прика(зания)

^{75*} Милый мой... помните, что самое лучшее доказательство теряет силу, как только рассердишься (франц.).

^{76*} Далее было: снова

^{77*} Далее начато: за то Тильзитский мир

— Все об Бонапарте, — отвечал граф. — Он теперь министром назначен, вы знаете кто, — Каракин.

— Да. Ловкий человек. Что и говорить.

— Ш-ш! — сказал граф, — это его сын. — Он указал на красивого юношу, сидевшего недалеко от них.

— А тот высокий, как аршин проглотил, тоже сын его?

— Как же, тот на службе, славный молодой человек. Этот шалун большой. Он их за границу посылает. Воспитаны славно так, — говорил граф. Графу, видимо, все казалось славно. Лицо его бритое, доброе, круглое с редкими седыми волосами ^{78*}, ясными голубыми глазами и всегда готовой однообразной, но радушной улыбкой, подтверждало его похвалы всему свету.

— Как вы думаете, граф, — обратился к нему Каракин по-русски (граф плохо говорил по-французски), — придет Наполеон в Москву или нет?

— Oui, pas de doute, — прокричал граф, — très bien, très bien ^{79*}. Все засмеялись.

— Что говорить про это, — отвечал граф, расслышав теперь, — славно, мир бог даст и надолго. Что думать, пускай он там воюет.

— Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles ^{80*}, — произнес ^{81*} Каракин, улыбаясь.

В другой стороне стола гувернер считал на блюдах кушанья и досадовал, что у него нет нынче аппетита. Родственник из деревни, случайно попавший рядом с вдовой в брильянтовом фермуаре, томился мыслью, о чем бы разговориться с москвитянкою, и расспрашивал про улицы. Другой все прислушивался с подобострастием к тому, что говорили люди в звездах. Молодой князь Каракин, сидя рядом с княжной, видимо, lui faisait la cour ^{82*}. Старшая дочь дома Лиза кокетничала с 2-м братом, 15-летним мальчиком. Молодой паж Борис Мещерин прислушивался к Léon и смотрел ему в глаза, одержимый к нему первой страстной дружбой. У детей дело шло в том, что Наташа принесла с собой куклу, но без носа, называемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее.

Entrées, entremets ^{83*}, соусы, холодные вина, пирожные шли в таком изобилии и порядке, что только одному немцу гувернеру не наскучило. Он соображал и запоминал, чтобы написать родным в Саксонию о том, на каком обеде он участвовал.

<6>

ДЕНЬ В МОСКВЕ ^{84*}

1

— Очень, очень вам благодарен за себя и за именинниц, — говорил граф Плохов ^{85*}, провожая до передней всех гостей, приезжавших поздравлять его, жену и дочь, — пожалуйста, приезжайте обедать. Вы меня обидите. Пожалуйста, пожалуйста, душевно прошу вас от всего семейства. — Эти слова с одинаковой доброй, открытой улыбкой на бритом, пол-

^{78*} Далее начато: светлыми

^{79*} Да, без сомнения... Очень хорошо, очень хорошо (франц.).

^{80*} Все к лучшему в лучшем из миров (франц.).

^{81*} Первоначально: прокричал

^{82*} ухаживал (франц.).

^{83*} Различные блюда (франц.).

^{84*} Первоначальное заглавие: Именины в Москве 1808 года

^{85*} Первоначально: граф Простой

ном и круглом лице ^{86*}, крепко пожимая руки и несколько раз кланяясь, граф говорил всем приезжавшим, а приезжала вся Москва. В гостиной сидела графиня, старшая дочь, домашние в новых платьях и лентах и гости ^{87*}, все утро сменявшие одна другую. Граф, проводив гостя, возвращался в гостиную, придвигал кресло к гостю или гостье и, расставив ноги и положив на колени руки, счастливо улыбаясь, на дурном французском языке (он плохо говорил) советовался о погоде и опять звал обедать. А в длинной мраморной столовой ^{88*} десятки официантов носили светлое, новое серебро, саксонский расписной фарфор, вазы, двигали столы и расстилали белейшие камчатные крахмаленные скатерти, в кухне в белых колпаках работали повара и поваренки на 60 персон. Дмитрий Васильевич — дворянин, заведывавший делами графа, руководя ^{89*} приготовлениями обеда, соображал ^{90*} и покрикивал. Экономка с ног сбилась.

— Княгиня Настасья Львовна Корчагина, — доложил лакей в гостиной, и вслед за докладом вошла сама княгиня, высокая, сухая, бывшая красивая женщина ^{91*}. В гостиной сидели две гостьи дамы, и шел тот обыкновенный разговор на французском языке, который затевают ровно настолько, чтобы иметь право при первом молчании встать, зашумев платьями, и пройти назад до передней и кареты.

Разговор казался оживленным, слышалось вдруг несколько голосов женских, перебиваемых мягким мужским тенором графа. Слышались слова: *il est alité...* ^{92*} *Ça a été charmant... et la comtesse Apraksine... Que voulez-vous? Le plaisir... Princesse et les Rasoumovsky et* ^{93*} талала, талала-та... *Apraksine*... — потом, как это часто бывает, все замолчали. Граф уже хотел спросить, чтоб занять чем-нибудь, у гостьи, слышала ли она, как в Эрфурте император Александр и Наполеон сошлись ^{94*}, как увидал, что графиня глядела, приятно улыбаясь, на гостью, но не скрывала, что ее не огорчит, ежели гостья теперь встанет. Граф оставил. Дочь девица уже оправляла платье, ожидая подъема матери, вдруг в соседней комнате грохот кресел, которые зацепил кто-то на быстром беге, детский и юношеский хохот и топот сапог и башмаков обратил внимание всех к двери. Вбежали почти все вместе: 2 девочки, одна 13 ^{95*}, другая 15 лет и 2 мальчика или молодых человека, только что выходивших из отрочества. Все остановились у двери и с хохотом спрятались в другой комнате. Одна 13-тилетняя именинница в белом кисейном платье и длинных черных локонах, падающих на голые покрасневшие плечи, вбежала в гостиную и ^{96*} встряхнула кудрями ^{97*}, взглянув на гостей, с испуганным и разгоряченным лицом замерла в середине двери. Отец, мать и гости, — все заговорили в одно время.

— А вот она! идите сюда, я вам ее подержу, — сказал граф, еще добродушнее и веселее глядя на любимейшую дочь своими ясными голубыми глазами.

^{86*} Далее начато: граф говорил всем без исключения, а приезжала

^{87*} Далее начато: постоян(но?)

^{88*} Далее начато: расстилали

^{89*} Вместо руководя было: заведывал

^{90*} Далее начато: а. поряд(ок?); б. распоряжения

^{91*} Далее начато: Через гостиную

^{92*} Вместо *il est alité* было: *elle a été alitée*

^{93*} Он в постели... Это было прелестно... и графиня Апраксина... Что поделаешь? Удовольствие... Княгиня и Разумовский и (франц.).

^{94*} Вместо слышала ли ~ сошлись было начато: а. что она думает про; б. слышала ли она, как в Эрфурте император в театре пожал руку Наполеона и при словах Тальма

^{95*} Переделано из: 12

^{96*} Далее начато: как [испуг(анная)] шарахнувшаяся [кобыл(ка)] лошадка

^{97*} Далее было: а. и нечаянно; б. гордо; в. испоба

— Ma chère, il y a un temps pour tout ^{98*}, — сказала графиня. — Ты ее все балуешь, — прибавила, тоже улыбаясь, мужу.

— Quelle délicieuse enfant ^{99*}, — сказала старая гостья и то же самое жестом и улыбкой выразила молодая девица, дочь гостьи ^{100*}. Délicieuse enfant эта вовсе не была хороша. Все черты лица ее были неправильны, глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот, так велики и губы так несоразмерны толсты, что, рассмотрев ее, нельзя было понять, почему она так нравится. Она еще носила открытые лифы и коротенькие юбки. Детские ножки ее в кружевных панталончиках и открытых башмачках содрогнулись ^{101*}, она, как козочка, легкая, тоненькая, грациозная, подскочила к матери, обняла ее, спрятала лицо в ее кружевах и разразилась таким смехом, что здесь все захохотали и из другой комнаты послышалось тоже.

— Мама ^{102*}, Борис хотел жениться на Мими и не хочет целовать мою Мимишку.

— Ну, так что ж? — спросила мать.

— Мы бежали за ним. Насильно... просить его, чтобы он поцеловал ее... Не правда ли, это не делается? ^{103*}

— Ну, убирайся с своей Мими, — сказала мать, нежно отталкивая ее от себя. — Это моя меньшая, как видите, избалованная девчонка, — прибавила она к гостье.

— Нет, мама, я не хочу с ним играть, он оскорбил Мими, — сказала Наташа почти сквозь слезы и снизу взглянула на мать. Голос этой девочки поражал своей прелестью, гибкостью, богатством и разнообразием выражения и в особенности силою столько же, сколько и вся ее наружность. Все, что она делала: плакала, смеялась, капризничала — казалось, так и должно было быть и было кстати ^{104*}.

Гостья любовалась ею, но, как это часто бывает с людьми, принужденными присутствовать при семейных сценах, особенно с детьми, она почувствовала необходимость принять участие и участием своим испортила настроение Наташи. Она не попала в тон. Она притворялась и нежничала.

— Скажите, моя милая, — сказала она, — кто вам приходится Мими? ^{105*} Дочь, верно, что вы так заступаетесь за ее честь, — сказала она.

Но Наташе не понравился ее тон, не захотелось ей с этой дамой играть в куклы, не понравилось ей, что под нее, видимо, не скрывая того, подделываются.

— Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée! ^{106*}, — сказала она резко, смело и таким тоном, который не позволял возражений, присела и своей грациозной ^{107*} походочкой, вздрагивая коротенькой юбочкой, направилась к двери ^{108*}. Было ли это учтиво или дерзко, никто не разобрал, все покатались со смеха, удержали ее и вызвали жениха Мими Бориса, молодого графа Nicolas и Соню, которая еще держала в руках куклу.

^{98*} Милая, всему свое время (франц.).

^{99*} Какое прелестное дитя (франц.).

^{100*} Далее начато: А вместе

^{101*} Вместо ножки ~ содрогнулись было: ножки ее вдруг содрогнулись

^{102*} Далее начато: а. Борис; б. Николенька привел Бориса в нашу комнату, и он увидал, что я в куклы играю

^{103*} Вместо просить ~ делается было: И Мими совестно, она должна была бегать за ним...

^{104*} Вместо казалось ~ кстати было: всё было мило

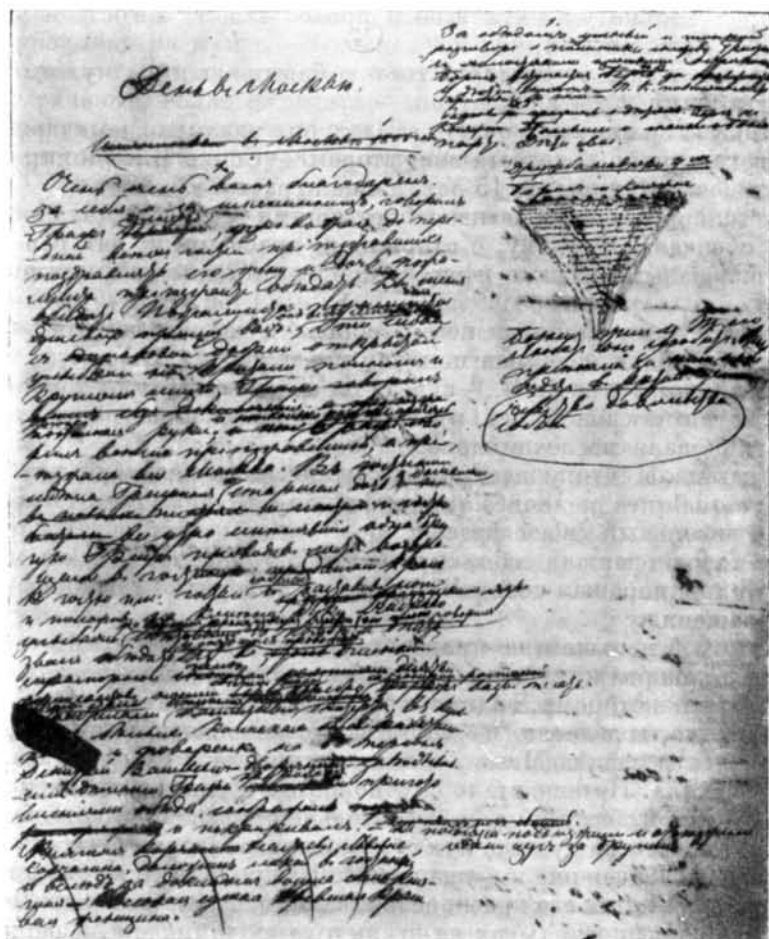
^{105*} Вместо испортила ~ Мими было: испортила все. — Кто же вам Мими

^{106*} Нет, мадам, это не моя дочь, это кукла (франц.).

^{107*} Далее начато: вздрагивающей

^{108*} Далее начато: Это было неучтиво

— Познакомьте меня с вашей молодежью, — сказала гостя, отвечая на поклоны всех. Все это молодое поколение было очень мало, несмотря на то, что это все были князья, графы и графини. Видно было, что у них там, откуда они все прибежали, были совсем другие интересы, более человеческие, чем comtesse Apraksine и талала талала. Все, кроме Наташи,

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ НАЧАЛА РОМАНА «ВОЙНА И МИР», 1863—1864 гг.

Вариант шестой

Архив Толстого, Москва

точно в холодную воду попали в эту гостиную. Но как хорошо воспитанные дети и юноши они нашлись здесь и умели себя держать, поклониться и сесть в этой гостиной. Все были нарядны по-именинному, все были красивы и здоровы.

— Борис (а не Барис, как выговаривают по-русски), — сказала графиня. — Что вы это наделали с Наташей?

Борис, высокий 16-летний юноша, улыбнулся^{109*} и не отвечал.

^{109*} Первоначально: только улыбнулся

— Что, маман не приезжала? — сказал он, видимо, желая перестать быть ребенком и вступить в разговор с большими.

— Нет еще. Борис Щетинин, сын княгини Анны Васильевны, — сказала графиня, представляя его гостею.

— Ах, я очень знала Анну Алексеевну ^{110*} у княгини Мещерской в 18...-м году. Талала, талала. — И Борис с видимой гордостью на хорошем изысканном французском языке пустился в разговор с гостьей.

— Мама, зачем он говорит как большой, я не хочу, — закричала Наташа. Борис только улыбнулся ей и продолжал ^{111*} с гостьей поминать Апраксин и Разумовский и т. п.

Между тем граф, чтоб занять гостью барышню, счел нужным знакомить ее с своими.

— Лизу вы знаете, вот она, — сказал он, указывая на старшую, сидевшую в гостиной; — вот эта моя вторая — Соня. Племянница, но все равно, что дочь. Как видите 15 лет, а еще играет в куклы.

Соня, толстененькая брюнетка с блестящими глазками, чудной косой, два раза обвивавшей голову, с открытыми красными и, как *peu de chagrin* ^{112*}, шаршавыми руками и шеей, присела по-детски и подошла к барышне.

— Это мой сын, танцор и певец, и поэт, и все, что хотите. — Nicolas подошел к барышне, еще раз поклонился.

— Мы знакомы с m-lle N., — сказал он и, не отставая от товарища Бориса, несмотря на свои 15 лет, пустился с девицей в разговор о том бале, где они танцевали последний раз.

— Я слышала, что у вас прекрасный голос, — сказала ему девица.

— Il y a quelques personnes qui ont la bonté de me le dire ^{113*}, — сказал он, очень довольный своей фразой.

Борис хорошо держал себя, скромно и достойно, но Nicolas, несмотря на свои 15 лет, поражал своим ^{114*} умением говорить и грациозной свободой обращения.

— А это мой меньшой, по прозванию клоп, а в крещение Петрушка, — сказал граф, ловя за пухлую красную щеку толстого неуклюжего с вихрами мальчугана, которому, видимо, здесь совсем не нравилось.

— Соня, что ты делаешь? — вдруг закричала, как капризный ребенок, Наташа, — ты задумала Мими. — Она подскочила к Соне, вырвала у нее куклу и убежала. Наташе стало скучно в этом обществе, и с свойственной женщине быстрой, быстрой и бессознательной способностью к обману она придумала, что сестра душила куклу и выбежала, взглянув на Бориса так, чтобы он понял, зачем она выбежала ^{115*}. Как только ее не было в комнате, французский поток его красноречия, видимо, стал ослабевать, он не выбирал своих слов, поглядывал на дверь и замолчал. Соня, в нерешительности постояв несколько секунд ^{116*}, сдержанно пошла за нею до двери и от двери стремительно бросилась, топя ножками по длинной диванной. Для Nicolas тоже, видимо, пропала вся прелесть французского разговора, и, как только разговор замолк, они оба вышли за девушками. Маленький пузан пошел за ними.

— Да, — сказала графиня, после того как луч солнца, проникнувший в гостиную вместе с этим молодым поколением, исчез, и как будто отвечая на вопрос, которого никто ей не делал. — Сколько страданий, сколько бес-

^{110*} Так в подлиннике.

^{111*} Далее начато: талала талала

^{112*} шагреновая кожа (франц.).

^{113*} Некоторые по доброте мне это говорят (франц.).

^{114*} Далее начато: а. тактом; б. развязностью

^{115*} Далее было: Борис понял

^{116*} Далее начато: а. тоже; б. побежала за нею

покойств перенесено за то, чтобы теперь на них радоваться. А и теперь, право, больше страху, чем радости. Все боишься, все боишься. Именно тот возраст, в котором так много опасностей и для девочек и для мальчиков.

— Все от воспитания зависит, — сказала гостья.

— Да, ваша правда. До сих пор, слава богу, я была другом своих детей и пользуюсь полным их доверием, — говорила графиня, повторяя заблуждение всех родителей. — Я знаю, что я всегда буду первой confidente^{117*} дочерей и что Николинка будет шалить при нем и с ним, — сказала она, указывая на мужа, — больше, чем без него. Зато не будет потихоньку играть в карты, пить и целоваться с девочками.

— Да славные, славные ребята, — подтвердил граф, всегда разрешавший запутанные для него вопросы (а для его умственных способностей много вопросов казались трудны и запутаны) тем, что он все находил славным.

— Какое живое и милое существо ваша меньшая, — сказала гостья. — Порох!

— Да, в кого, бог знает^{118*}, — сказал граф, — и как поет! Чудо, хоть и моя дочь, а я скажу, это будет Catalani другая. Мы взяли итальянца ее учить.

— Не рано ли, говорят, вредно для голоса учиться в эту пору.

— О, нет! — граф нагнулся на ухо гостии и пошептал, улыбаясь, что-то. — Она вот какая! — кончил он.

— А как же наши матери выходили по 13 да по 12 лет замуж, — добавила графиня. — Уж она и теперь влюблена в Бориса, — и, видимо, отвечая на мысль, всегда занимавшую ее, продолжала: — Ну вот, видите ли, держа я ее строго, запрещаю ей любиться с Боринькой, бог знает, что бы они делали (графиня разумела: они целовались бы), а теперь я знаю каждое ее слово, все их отношения. Она сама вечером прибежит и все мне расскажет. Может быть, я балую ее, но, право, это, кажется, лучше. Я старшую держала строже.

— Да, меня совсем иначе воспитывали, — сказала старшая графиня, улыбаясь своей красивой, но несимпатичной улыбкой. Старшая, Вера, была хороша, была умна, была хорошо воспитана. Голос у нее был даже приятный^{119*}, что она сказала было справедливо и уместно, но, странное дело, все и графиня-оглянулись на нее и как будто удивились, зачем она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда с старшими детьми больше мудрят. Хотят сделать что-нибудь необыкновенное, — сказала гостья.

— Что греха таить, графиня мудрила с Верой, — сказал граф. — Ну, да что же, все-таки славная вышла, — и он с тем чутьем доброго сердца, которое пронизательнее ума, подошел к Вере, заметив, что ей неловко, и рукой приласкал ее. — Виноват, мне надо распорядиться, — прибавил он, кланяясь. Гости уехали.

— Что за манера! Уж сидели, сидели, — сказала графиня.

3

Напрасно графиня думала, что она может быть доверенной своей дочери. То, что она сделала в диванной тотчас же после того, как выбежала из комнаты с куклой, в то время, как мать говорила о ней, она в этот вечер не рассказала своей матери.

^{117*} наперсницей (франц.).

^{118*} Далее начато: и все таланты и в

^{119*} Далее было: но странное

— Борик, — сказала она, как только они вышли из гостиной (она кар-тавым ребенком называла его Борик и теперь называла его так иногда), — подите сюда. — Она стояла за цветами в таком месте, где ее нельзя было видеть.

— Хотите поцеловать мою куклу, Борик?

— Хочу, — сказал он, улыбаясь.

— Нет, скажите: не хочу, пожалуйста, скажите: не хочу.

— Ну не хочу.

— Не хотите, ну так подите сюда, — она глубже ушла в цветы и бросила куклу на кадку цветов, — ближе, ближе. — Она поймала его ручками за обшлага ^{120*}, и в покрасневшем лице ее видна была торжественность и страх.

— А меня хотите поцеловать? — прошептала она, исподлобья глядя на него.

Борис покраснел так, что слезы выступили у него на глаза.

— Какая вы смешная... — проговорил он, нагибаясь к ней и сам не зная, что ему делать.

Она ^{121*} вдруг вскочила на кадку так, что стала выше его, обняла его обеими руками так, что локти обвилились вокруг его шеи и, откинув движеньем головы волосы назад, поцеловала его.

— Поди прочь, я тебя не люблю, — прокричала она, как змейка вырвалась от него, проскользнула между горшками на другую сторону горки цветов и убежала в детскую. Борис побежал за ней, остановил ее.

— Наташа! — сказал он, — Ты не ребенок, разумеется, я тебя люблю. Но, пожалуйста, не будем ^{122*} делать того, что сейчас, еще 4 года.

Наташа остановилась, подумала; — 13, 14, 15, 16, — сказала она, считая по пальцам.

— Хорошо! Так кончено!

— Кончено, — сказал Борис. — Пойдем к Соне, и по выражению лица этого юноши видно было, что он твердо верил, что это было кончено и что то, что, может быть, было минутным порывом, шуткой с ее стороны, для него было решением на всю жизнь. Красивое белокурое лицо его с тонкими губами и прямым носом вдруг побледнело после усиленной краски, он повел плечами, как будто после усиленной работы и глубоко вздохнул.

Когда они оба пришли в детскую (молодежь лучше всего любилась сидеть в детской), они помешали Николаю с Соней, занимавшимся, кажется, тем же. Они все давно уже жили друг с другом — Николай с Соней с первого детства, Борис с Наташей — вот уже два года, с тех пор, как мать его привезла из-за границы и поселила в Москве, где он каждый день бывал у Простых, но, должно быть, день такой был для них нынче. Нынче не было занятий, все они были нарядны, и девочки обе были особенно хороши. Николай, прижав к обнаженной руке Сони выше локтя, целовал ее. Соня говорила, что она никогда ни за кого, как за него, не выйдет замуж, а что ежели архиерей не позволит, она уйдет в монастырь и будет каждый день писать ему письма. Николай обещал писать два раза в день и все целовал ее руку и другой рукой обнимал ее.

Соня еще не боялась ни этих поцелуев, ни объятий ^{123*}, в этой толстой, преисполненной свежей кровью, черной брюнетке с огромной косой не было ни малейшего ^{124*} страха ^{125*} перед чувством пылкого, живого,

^{120*} Далее начато: его курточ(ки)

^{121*} Далее начато: подвинулась

^{122*} Далее начато: цело(ваться)

^{123*} Далее начато: в ней была

^{124*} Далее начато: чувства

^{125*} Далее начато: чего-то

НАТАША РОСТОВА

Гуашь А. В. Николаева, 1960 г.

Музей Толстого, Москва

подвижного юноши. Она не могла бы понять, зачем он ее целует и обнимает. Ей бы никогда это не пришло в голову. Она знала только, что Николай был самый лучший, самый добрый, самый храбрый молодой человек во всем мире, что никто лучше не пел, не рисовал, не танцевал и что все поступки его прекрасны. Николай, напротив, знал, отчего ему так хочется целовать, но не боялся этого чувства, как Борис. Его впечатления всегда быстро сменялись одно другим, и он не умел думать ^{126*} о последствиях того, что может быть из его поступков.

Он мог воздерживаться и бояться только тогда, когда бы ему угрожала опасность поступить нечестно. Честь была для него выше всего на свете, а в этом случае до нее еще не было дела.

— Я не такой человек, как другие, — говорил Николай, — я никогда не изменял чести (как будто ему было на это время) и никогда не изменю. Я полюбил тебя и...

В это время вошли Борис и Наташа.

— Честь выше всего, — сказал Николай, быстро вставая. — Ну, будет. Давай, Наташа, Мими. — Он поставил куклу на деревянный колышек. — Одевайте ее, надо венчать.

— Уйдите, надо одевать, — говорили девочки. Николай и Борис ушли в девичью и с хохотом достали Николаю одежду, похожую на ризу. Хорошо, что Соня не видала, как они доставали у горничной Аннушки юбку для ризы. Николай в то время, как Аннушка влезала в шкаф доставать юбку, обнял ее точно так, как видел, что делал это его молодой гувернер.

^{126*} Вместо и он ~ думать было: и он никогда не думал и не умел думать

— Полноте, сударь, страмник этакий! — проговорила горничная. Борис в это время надевал чулки и башмаки, и камзол, которые он достал у камердинера старого графа, готовясь к брачной церемонии.

Куклу одели, убрали померанцовыми цветами, и обе девочки все забыли, исключая того, как бы убрать красивее и приличнее Мими. Она для них была живая дочь, потом сами они оделись и отперли запертую дверь. Вера вошла в комнату.

— M-me de Janlis, m-me de Janlis, — прокричали они на нее с недоброжелательством.

— Я вам не мешаю, — сказала Вера кротко ^{127*}, — я пришла за косыной. — Но всем кротость эта показалась оскорблением. Она подошла к зеркалу и долго надевала ее и оправляла прическу.

— Сколько раз я вам говорила, чтобы вы не брали с моего стола моих вещей, я тамап скажу. Где изумрудная брошка? ^{128*} На куклу надели, — и она подошла, чтобы взять брошку, надетую на куклу.

— Вера, душенька, оставь, сейчас отдам, голубчик, душечка, — завопила Наташа.

Но Лиза ^{129*} подошла и вынула брошку.

— Черт! — сказала Наташа шепотом. Она подслушала это ругательство у горничных, и потому, что гувернантки приходили в ужас от этого слова, она любила повторять его.

Вера ^{130*} столкнула куклу и ушла.

— Что вам за охота с нами ссориться? — сказал кротко Борис. — Нам так весело. — Борис был в чулках и кафтане с лентой через плечо.

— ^{131*} Берг будет обедать, так для него мы так охорашиваемся, — сказал Николай, который уже стоял в ризе и с подвешенной из фальшивой косы бородой.

— Nicolas не может без колкостей, — вся покраснев, сказала Вера.

— Ну, все готово. Ты посаженная мать?

И хохот поднялся такой, что ^{132*} Вера слышала его до самой гостиной и гувернантка заглянула в комнату в то время, как Борис, держа за руку куклу, ходил вокруг судна, а Николай с Петей в ризах кричали «Исаа ликуе». Гувернантка махнула рукой.

Им было слишком весело, тут уже нечего было мешаться.

— M-r Boris, votre mère est au salon ^{133*}, — сказала она. Борис только мигнул ей глазом.

Княгиня Анна Алексеевна Щетинина, мать Бориса, только приехала из Петербурга, куда она почти безуспешно ездила по делам своего 22 года тянувшегося процесса с братом министра и по делам определения в службу своего единственного обожаемого Боряньки. Княгиня для поездки этой заложила последнюю свою брильянтовую брошку в Моск<овском> опека<унском> совете и теперь, вернувшись в Москву, у ней оставалось только 25 рублей ассигнациями, а надо было везти, обмундировать и поместить Боряньку в ^{134*} службу. Княгиня по своим связям была родня и знакомая всей знати Петербурга, но бедность, в которую привели ее покойный взбалмошный муж и процесс, мешала ей пользоваться вполне этими связями. Все сенаторы Петербург<ского> и Моск<овского> сената, все обер-прокуроры, все переменявшиеся министры знали ее строгую, груст-

^{127*} Первоначально: добродушно и кротко

^{128*} Вместо моих вещей ~ брошка было: шпилек. Я тамап скажу. Где они?

^{129*} Так в автографе: не Вера, а Лиза

^{130*} Переправлено из: Лиза

^{131*} Перед этим начато: Это она для

^{132*} Далее начато: в гостиной стало

^{133*} Борис, ваша матушка в гостиной (франц.).

^{134*} Далее начато: артил<ерийскую>

ную и полную достоинства высокую фигуру, большей частью в черном, не стесняясь являвшуюся к холостым и женатым. Все знали ее почерк и карточку, на которой она почти мужским почерком писала: «La princesse Tchétinin présentant ses respects»^{135*}. «Княгиня А. А. Щетинина желает знать, в какое время она может иметь удовольствие видеться с г-ном м<инистром> или с<енатором> NN по ее личному делу». Княгиня, как и многие вдовы, оставленные собственным средствам без помощи мужчины, несколько увлекалась своим^{136*} умением вести дела с сильными мира и, несмотря на неуспех, гордилась и злоупотребляла этим умением. — Я одна, женщина, — говаривала она, — надо как-нибудь устраивать дела. И что мне до них? Пусть думают обо мне, как хотят. — Ее знакомые и родные удивлялись ее умению обращаться с министрами и в особенности искусству писать бумаги, очень редкому в то время. Другие знакомые и родные, любившие ее, больше удивлялись ее силе характера, деятельности и любви к сыну, для которого она работала день и ночь, переносила все и для воспитания которого (она дала ему самое лучшее воспитание тогдашнего времени за границей) она закладывала и продавала брильянты и кружева.

В то время, как сын ее в щегольском платье и белье^{137*}, свежий, блестящий, здоровый, веселый, умный, хорошо образованный, со всеми надеждами впереди, венчался в детской с Наташиной куклой Мими, она в скромном черном шелковом платье, худая и бледная, с слабыми остатками прежней красоты, сидела в гостиной графини, своей подруги детства, и плакала, рассказывая историю своих походов в Петербурге.

Дальнейший текст 6-го варианта начала (главы 4—9) — см. т. 13, с. 159—173.

На полях рукописи конспективные записи:

л. 1 (стр. 336):

1

За обедом умный и тонкий разговор о политике между графом и холостяком, циником, остряком.

Борис вступается. И<ван> К<уракин> Берг за правительство.

У детей хохот. П<етр> К<уракин> повесничает — приходите к нам.

2

[Разговор графинь о детях. Берг к княжне.] Большие и малые о Бонапарте. Дети свое.

Дружба навеки четырех.

Борис и княжна.

Борис жил у Т<олстых>, его любит, он любит. Мать приехала за ним, и он едет в артиллерийское училище.

Чувство довольства собой.

л. 1 об. (стр. 337):

О к<нязе> В<асилии>, о Без<ухом>, о кн<яжнах>?.

л. 3 (стр. 340):

Довольство собой.

л. 7 об. (стр. 345):

Мы остались только для ваших именин, завтра едем.

л. 8 (текст этого листа не печатается — см. т. 13, с. 160):

У графа чудак ругатель спорит с Бергом. Граф любит.

^{135*} Княгиня Щетинина, принося уверения в своем уважении (франц.).

^{136*} Далее начато: мастерством

^{137*} Вместо щегольском платье и белье было: щегольском фраке

Она ищет.

Завистливый кост. и А. С.

Д и с п о з и ц и я.

Страсть к службе

Пока они ожидались, Борис слышал разговор.

Несносны эти попрошайки.

л. 10 (см. т. 13, с. 162):

Б<орис> хитрит, что оскорбляется.

<7>

12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова и Багра-тиона сделавшие отступление к Брюнну под напором всей армии Мюра-та ^{138*}, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского импера-торов. Гвардия остановилась за два перехода и должна была вступить в Ольмюцкий лагерь прямо на смотр в 10 часов утра.

С вечера в армии, стоявшей лагерем, был отдан приказ чистить амуни-цию и готовиться на смотр. Лагерь занимал огромное поле, кавалерия за-нимала деревню. Ночь накануне была ясная и с первым морозом не выше 3-х градусов. В одном из домов предместья сидели офицеры за столами и играли в карты.

— Господа, завтра смотр. Гвардия пришла ^{139*}, в часу отсюда, — сказал батальонный адъютант, входя в комнату.

— Врешь! Кто тебе сказал? Приказ вышел? — послышалось с раз-ных сторон.

Офицеры сидели группами. У одного стола метался банк. Банк метал казначей Киевского полка, раненный в руку, понтировал сильнее всех гу-сарский офицер или юнкер, нельзя было разобрать, потому что шинель была на нем солдатская, с солдатским крестом, а сабля офицерская.

Гусар этот с голубыми глазами и курчавой головой был невысок и очень молод. Ему было лет 16 на вид. Но во всей этой толпе офицеров, окружав-ших банкомета, этот гусар был замечен, как муха в молоке ^{140*}. Игроки, кто лежал, облокотившись лежа на стол, пристально и тупо следя за бан-кометом, записывающим, и, придерживая левой рукой над столом колоду, правой загребаящим деньги. Кто переминался на месте, кто, оправляя во-лоса и глядя лицо, отходил от стола и, шевеля губами, прохаживался по комнате, стараясь опомниться, кто рвал понтерки и бил кулаком по сто-лу, кто считал на коленках деньги, кто шутил (как один высокий, старый уланский офицер) старой ^{141*}, десять лет повторяющейся шуткой, никого не смешившей. БанкOMET, с раздраженным вниманием собрав все силы, стар-рался спокойно следить за всем. Молодой гусар, стоя у стола и поставив стройную маленькую ногу на скамью, веселился, играя, и казался свобо-ден. Он играл счастливо, около него на столе лежала хорошая кучка зо-лотых.

— Эй, динер! — крикнул он, нарочно по-русски выговаривая Ди и с тем выражением покорителя, с которым военные любят обращаться к жи-телям. БанкOMET ждал гусара.

— Что будете ставить, граф? — спросил он. Гусар не отвечал и ^{142*}, заметив, что слуга подошел к двум австрийским офицерам, сидевшим за

^{138*} Далее начато: стояли

^{139*} Далее начато: в Ливне

^{140*} Далее начато: а. Он стоял; б. Большинство офицеров

^{141*} Далее было: сто

^{142*} Далее было: видимо

другим столом, которым он нес глинтвейн, он не отвечал банкомету и, не снимая ноги, повернулся к хозяину и в слишком смелых, почти наглых глазах его и в особенности в выражении сжатых губ, которые в углах всегда оставляли складку, черту насмешливости, блеснула та черта решительности, ни перед чем не отступающая и перед которой всегда покоряются люди.

— Динер, — закричал. — Ну!.. — и он испустил солдатское ругательство. Хозяин всем телом повернулся, расплескал глинтвейн и подошел к нему.

— Вот так-то! — сказал он и начал по-немецки отличным выговором, — Hören Sie mal... bringen Sie mir... Nu, was soll ich nehmen...^{143*} — Он, видимо, нарочно медлил — ну, ich will nichts. Gehen Sie^{144*}. — Хозяин ушел. В это время вошел офицер с известием о приходе гвардии. Опять банкомет ждал, потому что граф гусар прислушался и стал расспрашивать, где ночует гвардия и какие полки, пришел ли Измайловский. Банкомет раздосадовался.

— Я мечу. Готово^{145*}.

— Измайловский пришел? Вы говорите, в стороне за городом? — расспрашивал он. — Атанде, — проговорил он, видимо, на что-то новое решившись. Гусар счел свои золотые. — У вас сколько в банке?

— Вот видите, — отвечал с досадой раненый банкомет.

— Сочтите, — повторил гусар.

— 2300 гульденов, да вот запись 1800, все, — сказал банкомет недовольный, но, однако, исполняя требование противника.

— Ну запись... ваше дело, — сказал гусар, видимо, практичный в игре, несмотря на свою молодость. — Ва банк. — Он отсчитал из своих золотых столько, сколько было на столе, поднял с полу валявшуюся понтерку и двинул все на середину стола.

— Два с боку, — сказал он и оставшиеся от его денег два золотых положил в карман и надел фуражку.

— Бита, — сказал кто-то. Граф повернулся и пошел в лагерь.

— Соколов, поедem к гвардии, — крикнул он одному Павлоградского полка офицеру.

— Поедем!

Они^{146*} вместе стояли в палатке.

Только что они вернулись и Простой велел седлать лошадь, как вошел вахмистр и доложил, что эскадронный командир велел готовиться к завтрашнему смотру^{147*}.

— Нельзя ехать, Простой.

— Вздор, я поеду, а ты оставайся.

— А спросят?

— Ну, говори, что хочешь. Марков, — обратился он к вахмистру, — на, выпей водки, да смотри, приготовь мне к завтраму мундир, как хочешь! Он сел на плохую полковую лошадь и пустился рысью по каменистой освещенной месяцем дороге к Ольмюцу.

В темноте приехал он к гвардейскому лагерю. Два раза его не хотели пропускать сквозь цепь, но он объявлял, что он послан к великому князю. Раз он наткнулся было на самого великого князя и, наконец, попал по показаниям солдат на кашеваров Измайловского полка, узнал, где 4-я рота, и добрался, наконец, <1 нрзб.> до квартиры^{148*} прапорщика князя Горчакова.

^{143*} Послушайте... принесите мне... Ну, что же мне взять... (нем.).

^{144*} я ничего не хочу. Идите (нем.).

^{145*} Далее начато: Только что он кину<л>

^{146*} Далее начато: пошли в па<латку>

^{147*} Вместо велел ~ смотру было: велел к завтраму готовиться на ученье.

^{148*} Вместо квартиры было: палатки

— Где князь Горчаков? — спрашивал он. — Нет такого, в 3-м батальоне спросите, там князей много.

— Э, Валенчук, — отозвался молодой солдат, — в 4-й роте с капитаном стоит князь, никак.

— И то, кажись, он, спросите (?).

Борис Горчаков стоял с Бергом. Гвардия, как известно, шла, как на гулянье. Ранцы везли на лошадях, офицерам были готовы обеды везде. Полки шли в ногу, и офицеры шли пешком. Так шел Борис с своим товарищем, ротным командиром Бергом. Они и стояли вместе. В то время, как Простой, привязав лошадь, как буря ворвался к ним, они чистенькие, Берг в шелковом халате, а Борис в венгерской курточке, которую он купил дорогой, сидели в чистой квартирке, отведенной им, перед круглым столом. Борис на диване с ногами, Берг на кресле, пили чай и играли в шахматы.

— Нет ^{149*}; Юлий Карлыч, теперь я не поддамся, — говорил Борис, — ретируйтесь отсюда с царицей. — Юлий Карлыч держался за царицу и курил из длинной трубки, стоявшей на полу.

— Это что за гром! — сказал он, оборачиваясь, как влетел Федор Простой.

— Ты откуда?

— Ах, черт тебя возьми. Гвардия? Пети зенфан але куше дормир ^{150*} (это говорила дома барышня приживалка, обоим одинаково знакомая), — закричали они друг на друга, говоря глупые слова и помирая со смеху без смешной причины, но только от радости. Берг даже улыбался, хотя чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

— Ах вы, полотеры проклятые! чистенькие, свеженькие точно с гулянья, — кричал Простой так громко, что хозяйка высунулась из двери посмотреть на крикуна. — Ну, рассказывай, когда видел моих. Проходили через Спасское? Что Наташка моя милая?

— Как же, мы дневали в Спасском в вашем, — вмешался Берг, — какой прием был войскам от вашей маменьки ^{151*}.

— А, Берг, здравствуйте ^{152*}, — сказал Простой, протягивая покровительственно руку штабс-капитану гвардии и ротному командиру.

— Видели всех, — отвечал Борис, — они не сердятся на тебя нисколько, я привез тебе 6 тысяч рублей. А Наташа, Наталья Ивановна, — поправился он, — без тебя совсем другое стала...

Простой подвинул стул, сел верхом на него и рукавом швырнул на диван все шахматы.

— Ну их к черту. Садись, рассказывай. — Борис удивлялся на это армейское молодечество, которое так усвоил себе Простой и которое он теперь перед гвардейцами, как будто, нарочно утрировал.

— Знают они об наших делах? Знают, что я произведен? — спрашивал он.

— Где же знать, мы только теперь узнали, — отвечал Борис, не переставая любясь и улыбаясь на своего героя и друга. — Ты был в деле? — спросил он.

— Кремс.

— А отступление?

— Нет, брат.

— А это что?

^{149*} Далее было: брат

^{150*} Маленькие дети, идите спать (франц.).

^{151*} Вместо мы дневали ~ маменьки было: мы дневали в Лысых Горах, у князя Волконского, — вмешался Берг, — какой прием был войскам.

^{152*} Далее было: батюшка

Простой небрежным движением старого воина тряхнул по своему солдатскому Георгию ^{153*}. — Корнет и представлен в поручики.

Но он тотчас же переменял разговор, которым он любил всегда капризно руководить по-своему. Он всегда начинал говорить об одном, и как только все следовало за ним, он вдруг бросался совсем на другой предмет, переводил всех за собой и опять тотчас же бросался в другое. Теперь он не ответил на поздравление Берга и спросил о старом слуге Бориса.

— Ну, а твой старый пес Никита тут?

— Тут.

— Эй! черт Никитка!

Вошел добродушный и, видимо, хорошего дома слуга.

— Поди сюда, целуй меня, старый кобель! — И он обнял его.

— Имею честь поздравить ваше сиятельство.

— Ну, давай полтинник за извозчика заплатить, — сказал он, напоминая те времена в Москве, как он занимал у старика по гривенникам. Старик, приятный ^{154*} и приличный всегда, засмеялся.

— Извольте, ваше сиятельство, офицеру и кавалеру поверить можно, — и стал доставать из кармана.

— *<2 нрзб.>* Как я ему рад, этому старине. — Он опять переменял разговор, отвернувшись. — Пошли у маркитанта взять шампанского.

Борис не пил, но с радостью достал из-под чистых подушек тощий *<?>* кошелек и велел принести вина.

— Кстати и тебе отдать твои деньги и письмо.

— Давай, свинья этакая, — кричал Простой, хлопая его по заднице в то время, как он, нагнувшись над шкатулкой, хлопал в ней звенящим английским замком и доставал деньги.

— Ты потолстел, — прибавил Простой.

У Бориса все, от постели, сапог, до кошелька, чистоты ногтей и звенящего, несломанного замка с секретом шкатулки, — отзывалось умеренностью и порядочностью. Он дал письмо. Простой облокотился на стол, почти повалившись на него, засунул руку в курчавые волосы, комкая их, и стал читать. Он прочел несколько строк, блестящие глаза его потускнели, прочел еще, еще страннее стал его взгляд ^{155*}, и вдруг две слезы потекли по его щеке и носу, и он только успел закрыть лицо.

— Я свинья, — сказал он вдруг. — Берг, милый мой! Послушайте! Когда вы сойдетесь с задушевым другом, как это животное, и я буду тут, я сейчас уйду и сделаю для вас, что хотите. Послушайте, уйдите пожалуй ста куда-нибудь к черту. Вы знаете, я от души говорю, — прибавил он, хватая его ласково за плечо и тем стараясь смягчить грубость своих слов.

— Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, — сказал Берг, говоря как-то в себя и раскачивая, вдавливая шею в грудь в знак успокоения.

— Вы к хозяевам пойдите. Они вас звали, — прибавил Борис с своим всегдашним мягким и полным такта обращением.

Берг надел сертук, такой чистый и франтовской, какого не было во всей армии, с эполетами и, сделавшись вдруг красивым офицером, вышел из комнаты.

— Я свинья! Смотри, что они пишут. «Милый наш друг Федя. Все забыто» ^{156*}. Он показал середину письма: «и о том, что было между нами, не будем говорить. Виноват ты, виноват и я, да простит нас бог. А жить с мыслью, что единственный любимый мой сын боится меня, с упреком в

^{153*} Далее начато: и офицер

^{154*} Далее было: чистый

^{155*} Вместо блестящие ~ взгляд было начато: глаза его все тускнели, тускнели, прочел еще, еще страннее стал его взгляд и выражение кротости [в губах], несмотря на или особенно вследствие этой вечно остающейся презрительной складки в углах губ

^{156*} Далее начато: Посылаю тебе наше благословение

сердце и оставил меня, чтобы находиться среди ужаснейших опасностей, свыше моих сил. Ты ^{157*} милый мой сын, дороже мне всех моих детей, да простит меня бог. Все забыто, и ты опять милый, дорогой, неоцененный Федя. Да простит тебе бог те слезы, которые я по тебе выплакала и да не даст тебе испытать тех мучений...» Далее шли подробности о домашних, советы и приложено было рекомендательное письмо к князю Багратиону.

Вдруг углы губ поднялись выше и выше и Федор Простой улыбнулся, не сводя глаз с темного угла комнаты, в который он задумчиво смотрел.

— Ну, а m-me Genlis все та же? А Наташка милая моя? Все то же? — Он улыбнулся. Борис улыбнулся тоже не насмешливо, не от чего-нибудь, а только от радости ^{158*}.

— Расскажи про ваши дела. К нам приезжал ваш адъютант, да я не видал его...

— Ну, после, а Соня? что?..

— Ты ее не узнаешь, как она похудела, как она убита, это не тот человек... Напиши ей.

Опять Федор Простой задумался и опять потускнели его глаза.

— Да,— сказал он,— меня все любят, я это знаю, но вот сердце мое знает, что она одна всегда будет любить меня, никогда не изменит. От этого я и мало ценю ее. Ну рассказывай ты... Как вы шли? Как вы у моих были?

Как только Берг ушел, Простой стал другим, более кротким, простым человеком и сбросил с себя все это прежде выказываемое гусарство, которое, как ни шло к нему, затемняло в нем того доброго, пылкого, честного юношу, которого справедливо любили столь многие.

Борис не рассказал всего похода, он только рассказал, как он был у князя Волконского, как княжна ухаживала за ними, расспрашивала о нем, Простом, и боялась расспрашивать, как потом приехали из Спасского все Простые и он успел пробыть у них 8 часов. Борис рассказывал тонко про проводы и походы и новых людей за границей.

— У меня история была с батальонным командиром Вревским. Он переведен к нам на шею из Преображенского ^{159*}. Солдаты, надо тебе сказать, вели себя удивительно. Ведь переходы были по 45 верст и, несмотря на то, нигде ничего, вдруг этот барин под Краковом ^{160*} послал фуражировать из нашей роты. Я ему сказал, что не пойду, он хотел меня под арест и отправил к полковому командиру. У нас, надо тебе сказать, две партии: аристократов и плебеев.

— Погоди, вот проберут вас. Да расскажи же, где ты был в первый раз в огне.

Принесли шампанское.

— А мне не хочется,— сказал Простой.— Ну, налей, все равно. Это, брат, пустяки. В первый раз нас пустили под Кремсом, ну жутко, а потом гадко на других и зло берет. Нет, брат, как мы отступали от... вот это было, я бы вас пустил туда. Мы, брат, бежали, как зайцы, сбились, наш полк попал не в ту сторону.

— Да как же диспозиция разве вам была неизвестна?

— Э, брат, диспозиция, дислокация, все это вздор, ну какая диспозиция? Мы стоим лагерем, у нас перемирие, ждем, скачет дурак какой-то, говорит, слышали выстре<л> и пошла писать...^{161*} Из чего мы деремс? Арк<адий> рассказывал про Энгиенского. Наполеон. Признание в честности. Бросилось все, сбилось в кучу, адъютанты скачут, отступать

^{157*} Далее было: блудный

^{158*} Далее начато: Теперь он хотел переменить разговор, но Пр<остой>

^{159*} Далее начато: Офицеры

^{160*} Далее начато: велел

^{161*} Далее начато: В это время вошел красивый адъютант Волконский.

по какой-то Клапау, а черт ее знает, что за Клапоау? Лшадь у меня захромала. Все это офицерство трусит, один майор у нас молодец.

— Ну, что ты играл?

— Немного, до сих пор выигрывал. Только денег нет. Я просадил на одну немочку. Что за прелесть в Раузнице, когда мы стояли авангардом, она приезжала из Аустерлица, это городишка скверный, она дочь сапожника. Что за пуховики — умора.

— Нет, расскажи, как же вы отступали.

Приятеля почти до утра сидели, разговаривая и не обращая внимания на Берга, который вернулся и лег спать. Толстой ^{162*} совсем забыл войну, службу, товарищество, игру и пьянство. В его воображении с живостью, ему свойственной, ясно стояли лица его детства и юности: семья, соседка Волкова и весь строй мысли того времени. Он на себя и на свою жизнь, рассказывая Борису все испытанное, смотрел с той точки зрения.

— Совсем, брат, нет того, что мы думали. Во-первых, страшно, во-вторых, безалаберно, беспорядочно и, в-третьих, жалко. Я изрубил одного ^{163*} шнаца, и как он схватился руками за острую саблю, так гадко стало. А главное, славы нет и не будет. Интрига, интрига и интрига. У всех одна мысль *parvenir* ^{164*}, а общее дело идет, как хочет. Да и видеть нельзя, отчего так или иначе. А мне доходно. Тебе я только скажу. Я бы с нашими солдатами разбил бы Бонапарта. Чем страшнее, чем хуже, тем мне яснее дело и тем я храбрее.

— Ну, что Багратион?

— Молодец! Он подъезжал к нам два раза и все равно как на параде... Но и у него эта толпа безобразная тунейдцев, адъютантов состоящих ^{165*}, начальников кавалерии, артиллерии и миллион еще, и у каждого обоз, коляски. А как награды, то все им.

— Вот он уже пойдет, — сказал Борис, — стоит только забрать репутацию, а чины тогда можно.

— Ты уверен, что ты будешь главнокомандующим? — вдруг, помолчав, спросил Толстой.

Борис подумал немного. — Да уверен, — сказал он, слегка улыбнувшись. — Нет, постой. Я боюсь первого дела. Ежели я не струшу, тогда и уверен, что я все могу.

^{166*} Вошел Волхонский, двоюродный брат Бориса и сосед Толстого. Толстой не знал его, хотя и слышал про него, как про гордого, чопорного, французского ^{167*} рыцаря, как его звали, и человека с характером, посмевавшегося против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующего и теперь ездил в главную квартиру и получил оттуда письмо, извещавшее о рождении сына. Он не понравился Толстому. Красивый, тонкий, сухой ^{168*} с маленькими, белыми, как у женщины, ручками, раздушенный и элегантный до малейших подробностей своего военного платья. Он не поклонился никому, искоса презрительно поглядел на Толстого и, когда его познакомили, лениво протянул руку и не пожал руки, а только предоставил свою пожатую. Адъютантик, не бывший в деле и чем-то гордившийся, очень не понравился Толстому, считавшему себя уже обожженным боевым офицером, перенесшим уже много трудов и опасностей. Углы губ его поднялись выше, губы сжались, и Борис с свойственным ему тактом все время следил за Тол-

^{162*} Так в подлиннике.

^{163*} Далее начато: *chasseu* <стрелка> (франц.).

^{164*} возвыситься (франц.).

^{165*} Так в подлиннике.

^{166*} Перед этим начато: На этом

^{167*} Далее начато: юношу

^{168*} Далее начато: и женоподобный

НИКОЛАЙ РОСТОВ

Гуашь А. В. Николаева, 1960 г.

Музей Толстого, Москва

стым и незаметно смягчал недоброжелательство Толстого и вызывал Волхонского на такие разговоры, которые бы не могли зацепить самолюбие Толстого. Толстой был однако поражен и даже почувствовал некоторое уважение этим презрением штабного паркетного молодчика к боевому офицеру, тогда как до сих пор все эти господа, как будто чувствуя свою вину блестящего и выгодного бездействия, всегда записывали в нем и в ему подобных боевых офицерах, теперь сделавших славное отступление.

Толстой начал продолжать рассказ о отступлении и несколько раз задевал адъютантов и штабных, говоря, что эти господа, как всегда, ничего не делая, получали награды. В^{олхонский}, видимо, несколько не интересовался всем этим, как будто такие рассказы он слышал бесчисленное число раз и они уже успели ему надоесть.

— Ну что, ты получил письмо? — спросил Борис.

— Получил, — отвечал В^{олхонский} по-французски (он говорил на этом языке с особенным изяществом). Жена родила сына и благополучно. Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою. Как он хочет впрочем.

В^{олхонский} развалился на диване с ногами, как будто был один и дома. — Как я устал.

— Ты в чем ездил?

— В карете, гадость страшная, разломило. Вели мне дать пить.

— Шампанского хочешь?

— Нет, избавь, пожалуйста, воды дай.

Дав поговорить ему о домашних делах и не обращаясь к Толстому, которого, видимо, бесило молчание, Борис перевел его вопросом о том, что он слышал в главной квартире, на общий разговор.

— Кутузов говорил, что ^{169*} решен(о) ^{170*} наступать. Буксевден очень смешон. — В(олхонский) говорил о всех этих главных лицах, как о хороших ему знакомых, приводя их слова ему и свои ответы.

Толстой сказал о мнении Багратиона, о котором (о мнении) он слышал и которое было противоположно, и тем желая опровергнуть новости В(олхонского).

— Ну что Багратион, он хороший рубака, — отозвался Волхонский с презрением о том, кто высшим лицом казался Толстому, — а совет его очень не важен. Да, хотят наступать, не дожидаясь Эссена, и пойдут, и наверно Бонапарт нас расколотит.

— Отчего же? — в один голос спросили Борис и Толстой.

— Наверно расколотит, потому что француз первый солдат в мире, а у нас половина армии изменников немцев, а половина диких казаков русских. Там лучший полководец мира, а у нас... — и он в первый раз улыбнулся, и улыбка его была очень приятна. «Он должен был очень нравиться женщинам», — подумал Толстой.

— Ежели бы мы так все думали, то нам бы надо бежать, как увидим французов, — закричал Толстой, — а мы пока не бежали.

— Еще как бежали-то! — опять презрительно улыбнулся В(олхонский).

— Мы не бежали, милостивый государь, мы дрались, а побегут те, кого растрясло в карете, и тот, кто боится имени французов.

В(олхонский) не ответил и остался совершенно спокоен. Ни одна черта его лица не показала, чтобы он почел себя оскорбленным и удерживался бы. Он презирал мальчишку гусара так искренно, что не мог быть им оскорблен ^{171*}, и он верно чувствовал себя столь далеким от трусости, что не мог сердиться.

— Наступать надо, — сказал Борис, — потому что иначе он соберет армию из Италии.

— Ох, как расколотят, — как бы про себя и с улыбкой как бы удовольствия проговорил Волхонский. — Не нам воевать с Бонапартом. Он не хотел вас бить, у него уже была Вена.

— Послушайте, вы дразнить меня хотите, — закричал Толстой, весь красный и уже придумывая, кого взять секундантом, — ежели вы не перестанете срамить свой и мой мундир, я вас заставлю замолчать.

— На дуэли я с вами драться не стану, потому что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, все надо, чтобы было нас побольше, и потому вы ошибаетесь, что можете меня заставить замолчать. А так я вижу, что вам, герою Браунауского бегства, неприятно это, так я не стану говорить, жалея вас. — И он вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо честной, тонкой и милой улыбкой, что Толстой молча смотрел на него. Волхонский подал ему руку.

— Не сердитесь, сосед.

Толстой только пожал плечами.

— Eh bien, mon cher ^{172*}. Ну что твои все? — совершенно свободно перешел В(олхонский) к другому разговору. Он все говорил по-французски. — Здоровы? тетюшка все у Никола Явленного? Eh comment vont les amours? ^{173*}

Он поговорил еще, лениво встал и вышел, почти не кланаясь. — Устал, спать хочется.

Борис стал извинять своего родственника, уверяя, что он отличный

^{169*} Далее было: почти

^{170*} Далее начато: а. Я был у Орлова; б. Орлов го(ворил); в. Багратион говорил, что

^{171*} Далее начато: Толстой понял

^{172*} Итак, мой милый (франц.).

^{173*} Как твои сердечные дела? (франц.).

человек, удивительного сердца и характера, рассказал, как он в долг принес себя женщине ничтожной, только потому, что считал себя к этому обязанным, но что он горд и странен.

— Вот кто будет главнокомандующим, а не мы с тобой, — сказал Толстой. — Да что ты мне про него говоришь. Он мне очень-очень нравится. Ну, прощай и я. — Толстой сел на свою лошадку и поехал при заходящем месяце опять по каменистой дороге. Совсем другой строй мыслей установился в его голове. Все общественные, семейные отношения, забытые им, возникли в его голове. Уже рассвело, когда он приехал, и солдаты чистились к царскому смотру. Пехотные заиграли утреннюю зорю.

Дальнейший текст седьмого наброска начала почти не подвергался позднейшей авторской правке и довольно точно опубликован в т. 13 (с. 107—149) до слов: «Войска возвратились par journées d'étapes». Ввиду большого объема этого наброска не повторяем указанной публикации. Конспект продолжения, опубликованный в т. 13 вслед за текстом наброска, относится к позднейшей работе Толстого.

На полях рукописи конспективные записи:

3 (стр. 351):

Он хвалит русские войска.

л. 4 (стр. 352):

равны и Топчeenко и князь Волхонский.

Ср<ажение> с точки зрения военной истории, с т<очки> зрения эпич<еской> поэзии и с н<ашей> т<очки> зр<ения>.

<8>

См. вступительную статью, стр. 301—302.

<9>

Девятый набросок начала — см. п. 13, с. 174—177 (№ 20 и 21).

<10>

Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Енгиенского. Нота эта была следующего содержания ^{174*} <текста ноты в автографе нет>.

Не обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин д'Убриль Наполеону, Наполеон вскоре по получении этой ноты принял на себя звание императора, насильно, как говорили, привез папу из Рима и заставил себя короновать в Париже и не только не думал удовлетворять его Сардинское величество и успокоивать Неаполитанское величество, но, не удовлетворившись императорским коронованием в Париже, вместе с папою, поехал в Милан и заставил себя короновать королем Италии ^{175*}.

^{174*} Вместо Сношения ~ содержания было начато: а. Летом 1805 года политические известия о дипломатических переговорах между Россией и Пр<уссией>; б. Летом 1805 года дипломатические сношения России с европейскими державами становились с каждым днем сложнее и значительнее. Сношения России с Францией, разорванные еще в прошлом 1804 году, вскоре после убийства герцога Енгиенского, не возобновлялись.

^{175*} Вместо. Не обращая ~ Италии было: а. В ответ на эту ноту Наполеон [надел на себя императо<рскую>] принял звание императора, заставил признать за собой это звание половину Европы, вытребовал папу из Рима и заставил себя короновать, составил рейнский союз, назвав себя протектором его и перерисовывал карту Европы

Летом 1805 года дипломатические сношения России со всеми европейскими державами, за исключением Франции, особенно оживились. Любители политических новостей с особенным нетерпением ждали газет, делали предположения войны против Франции и различные комбинации союзов. Курьеры и уполномоченные из Пруссии, Англии и Австрии особенно часто скакали по русским и прусским *нежелезным* дорогам^{176*} и останавливались у подъезда еще старого Зимнего дворца. Двор Марьи Федоровны, императрицы-матери, находился в Павловске, и приближенные этого двора, известного за свою ненависть к Наполеону, имели вид значительный, довольный и скромный, как будто они все знали что-то особенное и важное, что публике еще рано было знать.

Молодой император казался озабоченным и сильно занятым. Смотры и совещания с министрами занимали все его время. Молодые наперсники и советники императора, Кочубей, Новосильцов, Долгорукий, Чарторыйжский, смело смотрели в глаза недоверчивым старикам и, видимо, затевали что-то решительное и важное^{177*}. Указ о учреждении министерств вместо коллегий уже выдержал бурю гонений со стороны стариков. Над дополнениями его^{178*} работал уже приобретший известность Сперанский^{179*}. Преобразования с свойственной молодости жаром готовились и приводились в исполнение по всем частям государственного управления. И тогда, как и теперь, как и всегда было и будет, молодое правительство видело одни ошибки во всем старом и боялось отстать от века, старики видели одни ошибки во всяком изменении старого порядка вещей и удивлялись, чтоб возможно было иметь смелость тем, кого они знали ребятами, изменять то, что жило в знаменитый век Екатерины.

Пускай не исполняется и $\frac{1}{100}$ из надежд молодости, надежды эти все так же^{180*} необходимы. Пускай из тысячи цветов один только оплодотворяется, природа каждый год воспроизводит их новые тысячи. И зачем нам знать назначение этих красивых, хотя и бесплодных цветов, когда мы любим их.

Но, несмотря на общий всем временам характер борьбы старого и нового, время это имело для России как государства еще особенный характер счастливой и исполненной надежд красивой молодости.

После короткого царствования Павла и тяжелого чувства революции воцарился рыцарский, красивый, любезный и всеми любимым молодой внук Екатерины, и ужаснувшая всех революция уже улеглась в свое русло. Все страшное неограниченного образа правления в России похоронено было с Павлом, все ужасное революции похоронено было с Директорией. Оставались славные воспоминания величия Екатерининского царствования и великие идеи революции, проникшие невольно во все благородные души.

Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мысли — дети революции, исполнение которых казалось

по своим соображениям и [готовился высадиться на берег в Булонском лагере] готовил гибель Англии, не обращая никакого внимания на признание и непризнание законных его прав. Наполеон был та же революция, как говорят историки, но с той только разницей, что когда революция была идеей, она спорила и доказывала, теперь же, ставши силой, она вместо ответа на убеждения и рассуждения, победоносно доказывавшие ей ее неправду [она только] выставляла 100 000 штыков и говорила: «Ну-ка попробуйте»; б. В ответ ~ короновать, в Париже составил рейнский союз, назвав себя протектором его, и, объявив войну Англии, готовил ей гибель, и поехал в Италию [возложить], чтобы в Милане принять еще звание короля итальянского. Наполеон был и т. д., как а.

^{176*} *Далее начато:* В Зимнем дворце молодой император

^{177*} *Далее начато:* И как и теперь, как и всегда

^{178*} *Вместо* Над дополнениями его *было:* Над ним уже

^{179*} *Далее начато:* Свойственное молодости стремление к преобразованиям

^{180*} *Далее начато:* красивые и милы

легко и просто молодому и восприимчивому императору. Сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением заветов славной бабки. Было счастливое молодое царствование.

Как и теперь, как и всегда, так и тогда было, что около молодых людей, боровшихся за новое, и екатерининских стариков, боровшихся за старое, были толпы людей, в этой борьбе видевших только удобство найти лишние рубли, кресты и чины, и были толпы людей, только совершенно отвлеченно разделявших эту борьбу, но работавших не для борьбы, а для своих страстей и потребностей.

Эти-то люди и будут героями этой истории.

Несмотря на летнее время, в Петербурге, не (?) на дачах в июне 1805 жило все придворное, служащее, торговое, военное и бездельное население этого города.

Один из таких бездельных людей был незаконный сын знаменитого князя Кирилла Владимировича Безухого, богача, чудака и масона, жившего безвыездно в Москве со времени воцарения Павла. Сын Кирилла Владимировича назывался не Петр Кириллыч, а Петр Иванович и не Безухой, а Медынской. Отец^{181*} давал ему много денег и интересовался им, но не хотел усыновить, желая, чтоб сын сам сделал себе карьеру. Несмотря на неусыновление, м-г Pierre, как его звали в свете, был принят в лучшем свете и, приехав из-за границы, остановился у знаменитого вельможи и родственника отца, князя Василия Борисыча Курагина^{182*}, известного всем под именем князь Василья^{183*}. М-г Pierr'у весной надо было ехать^{184*} в Москву, где отец его хотел определить в архив. Но он жил тут все лето, сам не зная для чего и каждый день говоря, что он завтра поедет.

Ближних знакомых у него было два дома: князь Василья, у которого вверху он не любил бывать, но с сыном которого он за вином и картами и женщинами проводил петербургские сумрачные ночи, сам не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин, и другой знакомый дом — был недавно женившийся адъютант петербургского генерал-губернатора князь Андрей Волконский, по строгости своей жизни и чопорности дома совершенный контраст князя Анатоля Курагина. М-г Pierre проводил день, обедал у князя Андрея, с которым он был дружен, говорил о литературе, о политике, философии, любовался его домашним счастьем, красивой женой, обдумывал свое положение, решался ехать, но приходила светлая беспокойная ночь, чего-то еще ему хотелось, поскорее что-то хотелось забыть, он не мог идти домой, заходил к Анатолю и пьяный, усталый и с раскаянием в душе засыпал уже тогда, когда солнце поднималось из-за домов, город оживлялся и становилось жарко. Так день проходил за днем. И тем радостнее было ему подъезжать к чистому домику в Литейной, где в высокой, чистой и роскошной квартире жила молодая чета Волконских, всегда радушно встречавшая каждый день заблуждающегося и возвращающегося блудного сына.

20 июля он точно так же, как и все дни, начиная с 1 апреля должен был ехать на другой день в Москву, но его задержало предложение князя Андрея Волконского приехать к нему обедать и вместе ехать к старой штатс-даме Анне Павловне Шерер, которая очень желала его видеть.

181* Далее начато: любил

182* Переделано из: Куракина

183* Далее начато: а. Зачем; б. Отец уже давно ждал к себе сына из-за границы

184* Вместо весной ~ ехать было: уже давно было пора ехать

— Ну, что ж, вы и поедете завтра, — сказал князь Андрей^{185*} улыбаясь, как всегда, лениво и добродушно. — Вы уж привыкли.

20 июля м-г Риегге приехал к обеду и, как всегда, опоздал. Лакей не в камзоле по старинной моде, а по новой английской моде во фраке, доложил, что кушают, но в то же время послышался из столовой металлический и строгий голос князя Андрея. — Ежели Петр Иванович, проси! — М-г Риегге вошел в светлую, высокую, расписанную столовую с дубовыми резными буфетами и уставленным хрусталем и серебром столом. За столом сидел князь Андрей, маленький аристократический человечек с сухими красивыми чертами и выражением лени и изнеженности во всех движениях и позе, его жена, хорошенькая оживленная брюнетка, какая-то барышня, какой(-то?)^{186*} старичок и молодой чиновник, которого м-г Риегге видал и знал comme un jeun homme de mérite et qui promet^{187*}. Он знал еще, что молодой человек этот принадлежал к клике Сперанского. Тогда это был первый чиновник, не дипломат, которого м-г Риегге видел в свете. Прибор для м-г Риегге стоял накрыт и новенький, как и все, что было в доме, стул был придвинут высокой спинкой к краю белейшей и тоже новой скатерти. На лицах, на серебре, на белье, на мебели, на стенах, на слугах и их жилетах, на рамах и задвижках окон, на коврах, на сертуке и эполетах хозяина, на серьгах и воротничке хозяйки, на всем в этом доме был тот особенный светлый отпечаток, который бывает у *молодых*. Все, от отношений мужа к жене и их положению, до последнего ковра и лампы на лестнице, — все было свежо и ново. М-г Риегге, кроме симпатии к хозяевам, от этого, может быть, еще больше любил бывать у Волконских^{188*}.

— Ну, садитесь, mon cher.

— Извините, что я опоздал, — сказал м-г Риегге, улыбкой открывая испорченные зубы и таким тоном, что видно было, он знал, что его извинят.

— Когда вы уедете из Петербурга, чего я очень желаю для вас и очень жалею для себя, — сказал князь Андрей по-французски и, как и всегда, тихим, приятным и ровным голосом, спокойно округляя периоды своей речи, — тогда вы сразу извинитесь за все, это будет для вас удобнее.

— Суп подать, — опять сказал металлический неприятный голос, обращаясь к слугам.

— Тогда вы вместе и извинитесь в том, что вы мне забываете привезть книгу, которую обещали, — сказала княгиня звонким голоском и улыбаясь яркой улыбкой брюнетки с белыми прекрасными зубами.

Риегге, севший было на стул, вскопчил и всплеснул руками. — Ах, забыл, опять забыл. Нет, я поеду сейчас. — Лицо его выражало отчаяние.

Княгиня засмеялась так, что все засмеялись с ней вместе. — Нет, сидите, обедайте.

Барышня, старичок и чиновник прилично и приятно улыбались, глядя на эту домашнюю^{189*} сцену, которая, видимо, была очень знакома всем. Видно было, что м-г Риегге уже давно освоился с своей ролью беспутного, беспорядочного, рассеянного, но милого и любимого друга дома, князь — с ролью покровительствующего снисходительного друга, а княгиня — с ролью невинно и жетливо задирающего и ласкающего друга-женщины.

^{185*} Далее начато: трепля его

^{186*} Край листа оторван.

^{187*} как молодого человека с достоинствами и подающего надежды (франц.).

^{188*} Далее начато: М-г Риегге был знаком со всеми собеседниками и мало интересовался ими. Молодой чиновник только, казалось, был для него новость и он тотчас же, недоев супа, вступил с ним в горячий разговор, начавший принимать характер спора.

^{189*} Первоначально: семейную

КНЯЗЬ АНДРЕЙ

Акварель К. И. Рудакова, 1945—1948 гг.

Музей Толстого, Москва

Спор зашел о том, о чем все тогда говорили, о преобразованиях, замысливаемых в России,— о конституции.

— Как же вы хотите, Петр... Кириллыч, кажется, чтоб такое преобразование могло совершиться быстро и с одного раза войти в свою колею. Теперь положим учрежден Совет и министерства, впоследствии могут быть образованы и *Chambres*^{190*} и все те права, которые благоразумный гражданин может требовать в наше время. Ежели теперь,— продолжал чиновник, видимо, отвечая преимущественно на те возражения, которые он привык слышать от большинства старых служащих, а не на те, которые делал ему м-г Pierre,— ежели теперь не замечается единства и представляется разрозненность в новых учреждениях, то это происходит от того, что только часть их могла быть введена в действие.— Он оглянулся на князя и княгиню.— Положим, вы бы портного упрекали за то, что рукава^{191*} фрака безобразны, когда они не пришиты еще к фракку. Не так ли?

Князь не моргнул, не изменил своего красивого, нежного, спокойного лица и продолжал прямо смотреть на чиновника, очевидно, не желая принимать никакого участия в этом разговоре и думая о совершенно другом. Княгиня учтиво улыбнулась.— Согласитесь,— продолжал чиновник,— что нельзя требовать, чтобы работы по такому громадному делу окончены были вдруг. Где у нас люди, я вас спрошу,— говорил чиновник, за 50 лет тому назад точно также и совершенно в том же смысле, как

^{190*} Палаты (франц.).^{191*} Далее начато: камзо<ла>

говорят это теперь, т. е. стараясь показать, что из людей есть один только я да еще несколько, — где у нас люди? Ведь Михаил Михайловичу (Сперанскому) верно никто не откажет в трудолюбии и деятельности, однако он работает почти один, и что же мы можем помочь ему.

М-г Pierre любил спорить, и, несмотря на свою распушенность и слабость в жизни, в деле мысли и спора он был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой, которая, казалось, против его воли влекла его в самые поразительные соображения.

М-г Pierre ^{192*} считался либералом того времени, в своем путешествии нахватавшимся идеей революции, но неспособным ни на какое дело. Чиновник имел репутацию человека дела, благоразумного либерала, умеющего прилагать мысль к жизни.

М-г Pierre был ^{193*} с крупными и вылыми чертами лица и имел замечательно оживленные глаза. Князь Андрей внасмешку называл его Мирабо. Взглянув на его лицо, всякий невольно говорил: какая умная рожа. А увидав его улыбку, всякий говорил: и славный малый, право, этот м-г Pierre. Лицо м-г Pierr'a вследствие серьезности выражения его умных глаз казалось в спокойные минуты скорее угрюмо, чем ласково, но стоило ему улыбнуться, чтоб вдруг лицо это приняло неожиданно такое наивно, даже глупо доброе выражение, что, глядя на эту улыбку, его даже жалко становилось. И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У м-г Pierr'a улыбка вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила то умное, не сколько угрюмое лицо и приносила другое, детски, наивно доброе, просящее прощения как будто и все отдающееся всем лицо и выражение.

Когда м-г Pierre начал возражать, чиновник ^{194*} спокойно замолк в уме, как будто, приготовляясь разбирать по нумерам и статьям возражения.

Подвести по нумерам возражения м-г Pierr'a было очень трудно. Он всегда имел свойство обобщать предмет и выводить спор из мелочей, подробностей. Он и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше — коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен, он говорил, что конституция и вообще права и большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им, как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы.

— Я не упрекаю новые учреждения в отсутствии единства, — говорил он, глядя через очки, что всегда было признаком большого оживления, — но я говорю, что все эти изменения только дают ложные понятия всем нам, когда еще мы не знаем своих прав. И не знаем сами чего требовать. В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной камере депутатов.

Во время обеда и после его оба молодые человека под видом спора высказывали друг другу и присутствующим свои мысли. Княгиня, занимая других гостей, изредка делала вид, что слушает споривших, но занималась преимущественно рассматриванием различных выражений, которые принимало лицо Pierr'a, и, улыбаясь особенно радостно, указывала на него мужу, особенно в те минуты, когда Pierre был более всего оживлен и потому смешной для веселой маленькой княгини. Молодой князь слушал спор,

^{192*} Далее начато: был либералом не только

^{193*} Далее начато: а. толст; б. пухл; в. курчав

^{194*} Далее начато: учтиво

но не говорил своего мнения. Молодой князь был один из тех людей, которые никогда не тяготятся молчанием, и, глядя на молчание которых, вам никогда не придет в голову упрекнуть их в этом молчании, а вы всегда упрекнете себя. Молодой князь вообще говорил очень немного. Иногда о городских слухах, о родных, о придворных делах и больше всего о войне и военном деле, которое он знал очень хорошо, при всех же остальных разговорах он всегда спокойно слушал, как будто отдыхая от вечной усталости. В середине разговора князь встал, взглянул на часы, вышел в кабинет и через полчаса вернулся, в еще более новом адъютантском мундире, на котором были три военные ордена, доказывавшие, что он был не новичок в военном деле.

— *Eh bien, mon cher, vous n'avez pas oublié que nous passons la soirée chez m-me Cherer* ^{195*}, — сказал он, подходя к Pierr'у.

Чиновник встал и простился. Князь проводил его до двери.

— *Ah, André, как они мне надоели с своим спором,* — сказала жена. — Он скучен, этот m-г.

— Вы знаете, что я не люблю говорить дурно ни про кого, особенно про людей, которые у меня бывают, — сказал кн. Андрей, и в тоне, с которым он обратился к жене, было заметно больше, чем сухость, а что-то недружелюбное. — Да не забудьте, 8 часов, вам надо одеваться, чтоб нам не опаздывать, как Pierr'у, — прибавил он, оправляя эполет.

Княгиня, улыбаясь, выпорхнула, раскачиваясь, из гостиной.

Старичок, чистенький аббат, держал себя все время обеда учтиво, уверенно и скромно, как будто чувствуя и давая чувствовать, что он знаменитость, которой не нужно себя выказывать, но созерцанием которой он предоставляет пользоваться тому обществу, в которое он приехал. Несмотря на эту неловкую роль знаменитости, старичок-иностранец поражал, однако, своим односторонне умным сосредоточенным выражением горбоносого, сухого лица. Видно было, что этот человек знал или думал по крайней мере, что уж так насквозь знает людей, что с первого взгляда он составлял о них мнение и ими не интересовался и что уже давно, давно у этого человека была одна мысль, для которой одной он жил, считая все остальное ничтожным. С этим вместе у него было спокойное умение обхожденья, очевидно приобретенное не рождением и воспитаньем, как у светских людей, но долгим навыком обращаться с людьми всякого рода. Он с учтивой, но оскорбительной по своей давнишней притворности улыбой всегда обращался к дамам и с спокойно-рассеянным взглядом, не останавливавшимся ни на чем, обращался к мужчинам. Княгиня спрашивала его за столом, как нравятся ему русские кушанья, как переносит он климат Петербурга и т. п. — вопросы, которые всегда делают иностранцам, он на все с своей для дам приготовленной улыбкой отвечал коротко и вновь молчал, прислушиваясь к разговору m-г Pierr'a, которого личность, по-видимому, заинтересовала его настолько, насколько еще могло что-нибудь заинтересовывать этого прошедшего столько превратностей странного итальянца. Когда вышли из-за стола и князь спросил, не курят ли, все отказались, а аббат попросил позволения из крайней учтивости понюхать. Достал золотую табакерку с изображением какой-то коронованной особы и подсел ближе к m-г Pierr'у, перевертывая на сухом белом пальце дорогой изумрудный перстень, очевидно, тоже подарок важной особы. Экс-аббат пользовался, видимо, здоровьем свежей старости и испытывал приятное чувство пищеварения после хорошего обеда, выпив чашку кофе, пожелал, видимо, посондировать этого курчавого умного юношу, столь легкомысленно опровергающего все на основании идей

^{195*} Да, мой друг, вы не забыли, что мы сегодня проводим вечер у г-жи Шерер (франц.).

революции. Он остановил его в то время, как м-г Pierre доказывал, что основание всего государственного благоустройства может быть только признание за каждым гражданином прав человека, *les droits de l'homme*.

— Позвольте мне сказать, — сказал экс-аббат с учтивым движением головы и тихим голосом, но таким, который невольно заставил споривших остановиться и выслушать речь старичка, — позвольте мне заметить, что права человека были вполне признаны во Франции, но мы не можем сказать, чтобы это государство пользовалось образцовым благоустройством. Чиновник, уже давно обобщениями м-г Pierre'a выбитый из своей колеи обсуждения канцелярских работ, с трудом поддерживавший спор, с благодарностью обратился молча на Pierre'a и иностранца, как будто говоря: «я это самое и говорю. Вот он это самое и говорит».

— Кто же виноват? — отвечал м-г Pierre с тою же горячностью, с которой он спорил против чиновника, шамкая слюнявым ртом и почти не замечая перемены собеседника, — разве по теперешнему положению дел во Франции можно судить о том, что бы она была, ежели бы идеи революции могли свободно развиваться.

Экс-аббат имел искусство внимательно и чрезвычайно спокойно слушать и перерывать именно в тот момент, когда это было выгодно для того, что он хотел доказывать.

— А кто же помешал развитию этих идей? — перебил он так же тихо, как и прежде, и кто же установил тот порядок вещей, который, я полагаю, вы согласитесь назвать военным деспотизмом, противным всякой свободе.

— Порядок этот установился сам собою.

— *Sans doute* ^{196*}, — говорил экс-аббат, видимо, только ожидая времени опять вставить свое победительное возражение.

— Деспотизм возник оттого, что Франция была поставлена в необходимость защищать свои установления против всей Европы.

— *Sans doute*, — закрывая глаза, говорил аббат.

— Даже жестокости Конвента и Директории, все это произвело европейское вмешательство.

— *Sans doute*, но отчего же европейские державы вмешались в дела внутреннего устройства Франции? — сказал аббат с улыбкой спорщика, приведшего противника именно к тому пункту, у которого он ждал его.

Pierre на минуту не знал что ответить, и вдруг из мрачного с пеной у рта проповедающего Мирабо сделался жалкий и добрый, добрый русский юноша. Он улыбнулся. — *Allez le leur demander* ^{197*}, — сказал он, но, тут же оправившись, продолжал. — Впрочем, вы говорите, отчего? Оттого, что свобода невыгодна деспотам, оттого что учение революции не проникло еще во все углы.

— *Sans doute*, — повторил аббат. — Но позвольте у вас спросить, ежели бы нам с вами предоставлено было устроить судьбу мира ^{198*}, чего бы мы желали и к чему бы стремились: к благоустройству Франции или к благу всего человечества. Я думаю, что к последнему.

Pierre замолчал, не понимая, к чему ведет его противник.

— Я тоже думаю, — только сказал он.

— *Sans doute* ^{199*}. Вы говорите, что признание прав человека есть начало и основание всякой свободы и государственного благоустройства, я с вами совершенно согласен. Теперь я говорю, что признание прав человека во Франции, в одной Франции, не только не повело человечество к большому счастью и благоустройству, а повело и Францию, и челове-

^{196*} Несомненно (франц.).

^{197*} Подите их спросите об этом (франц.).

^{198*} Первоначально: судьбу людей

^{199*} Далее начато: Теперь согласитесь

КНЯЗЬ АНДРЕЙ НА АУСТЕРЛИЦКОМ ПОЛЕ

Гуашь А. В. Николаева, 1960 г.

Музей Толстого, Москва

чество к величайшему из зол, к войнам, к убийству ближнего ^{200*} и к попранию всех тех прав человека, которые были признаны. Это я говорю, и вы со мной согласны. Не так ли? Теперь, стало быть, нам остается решить вопрос: каким образом устроить судьбу человечества так, чтобы права человека были признаваемы одинаково — всем образованным миром и чтобы уничтожилась возможность войны между народами.

— Это будет тогда, когда идеи справедливости и свободы проникнут во все углы, — возражал м-г Pierr'e, — для этого нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда, как общества масонов...

Иностранец посмотрел на масонское кольцо с мертвой головой, которое было надето на палец м-г Pierr'e'a.

— Как масонские ложи, вы думаете, — сказал он улыбаясь. — *Sans doute*. Но мне кажется, что до тех пор, пока в руках королей и императоров будет власть посылать на войну своих подданных, до тех пор у них будет и власть подавлять эти идеи.

— Так вы думаете, что человечество вечно останется таким же.

— Избави меня бог это думать, — спокойно, самоуверенно отвечал итальянец, и лицо его приняло то выражение важности и поглощения всего в мысли, которое бывает у сумасшедших, когда их наводят на пункт их помешательства. — Меня бы не было здесь, ежели бы я это думал, — продолжал он, как-то таинственно оглядываясь. — Я думаю, напротив, что именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других, от войны.

— Какие же это средства, — пробурлил м-г Pierr'e оживленно, заинтересованный.

— Очень простые: европейское равновесие и *droits des gens* ^{201*}. Стоит одному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесие Европы, и он спасет мир.

— Но что такое равновесие и какая цель его? — спросил Pierr'e.

— Когда я жил дома, — сказал аббат со вздохом, — когда я был свободен, я был охотник до домашней птицы, особенно до индеек. Я долго учился их выкармливать и не мог этого достигнуть оттого, что брал много индеек вместе и сажал их в одно отделение. Что же происходило? Сильные нападали на слабых, отбивали их от корма, даже нападали на них,

^{200*} В автографе: ближнему

^{201*} права людей (франц.).

воевали, и слабые чахли, умирали, а сильные в борьбе слабели. Я разделил индеек по категориям. В каждой категории были индейки одинакового роста и силы. И с тех пор индейки стали велики, сыты и счастливы. В природе, *mon cher monsieur*, — продолжал он, — все живет и множится только вследствие закона экилибра сил. Когда будет этот экилибр сил и в системе государств, тогда только человечество будет счастливо. — Иэкс-аббат, как и все маниаки, видимо, в тысячный раз без малейшей скуки рассказал весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыжского был подаваем государю. План состоял вкратце в следующем: чтоб удержать Францию от завоеваний, ей должны были быть поставлены на севере и на юге два новые государства как преграды. На севере — Голландия и Бельгия, соединенные в одно, на юге — независимая Италия. Германский союз должен был быть отделен от Австрии и Пруссии. Польша в прежних пределах должна была быть сделана независимым государством. До малейших подробностей было обдуманно переустройство всех государств Европы таким образом, чтобы могущество одного не могло быть опасно для соседей. Кроме того, все ученые мира должны были на общем конгрессе составить новое право народов, в котором постановлено бы было, что война не может никем быть начата без согласия и посредничества соседних держав. Все было так хорошо обдуманно и так ясно излагалось в устах этого тихого, сосредоточенного человека, что перед воображением слушателей невольно возникал новый ^{202*} век счастья для человечества. Особенно Pierre казался поглощенным вновь представившимся ему рядом мыслей.

— *Et la guerre est impossible* ^{203*}, — окончил аббат.

— Что ж мы, военные люди, будем делать, любезный аббат, — спросил князь Андрей, улыбаясь.

Аббат, как и все маниаки, был так уверен в том, что он предполагал, что насмешка над его планами не оскорбляла его; напротив, он с другими готов был тонко посмеяться, зная, что от насмешки толпы его великие идеи не умалются.

— *Vous irez planter des choux à la campagne avec votre charmante épouse* ^{204*}, — сказал итальянец с своей приторной улыбкой, как будто отгоняя от себя серьезность настроения, которой он считал недостойной свою аудиторию. — *Oui, c'est comme ça, mon cher monsieur* ^{205*}, — только прибавил он к *Pierr'u*, чувствуя, что здесь только семя упало на плодородную землю.

— Однако и исполнение этой великой мысли невозможно без войны, — сказал Pierre. — Наполеон не разделит этих мыслей.

— Этого я не знаю. Я полагаю, что Россия, Австрия и Пруссия довольно сильны, чтобы заставить его принять эти основания.

— *Contre le génie il n'y a pas de force qui tiennent* ^{206*}, — сказал князь Андрей, теперь входивший в свою колею, как только вопрос коснулся войны. — Разве в 1800 году Россия, Пруссия и Австрия и Англия не были соединены?

У каждого из этих четырех собеседников, исключая князя, был свой дада в разговоре, и, как следует в каждом хорошем обществе, каждый проезжал на своем дада. Чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre — свою либеральную философию, аббат — свои новые идеи народного права и политического устройства, теперь

^{202*} Далее начато: мир

^{203*} И война невозможна (франц.).

^{204*} Вы будете сажать капусту в деревне вместе с вашей очаровательной супругой (франц.).

^{205*} Да, это так, мой дорогой (франц.).

^{206*} Нет силы, которая бы устояла против гения (франц.).

завладел князь Андрей разговором, когда он перешел на его любимое военное дело.

— Разве силы, соединенные в первую войну, не были вдвое сильнее армии Буонапарте (князь, несмотря на свой восторг к гению Наполеона, называл его, как и все в Петербурге, Буонапарте), — и что ж вышло. Кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит, поверьте, что есть еще бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек. Вы говорите о новом союзе в Европе; а завтра, может быть, мы получим известие, что французская армия в Ирландии и идет на Лондон.

Аббат ничего не отвечал и, насколько позволяла учтивость, презрительно улыбнулся.

Чинovníк, давно тяготившийся молчанием, обратился к князю Андрею. — Неужели вы думаете, князь, что эта булонская экспедиция может удасться.

— Я ничего не думаю, — резко отвечал князь, видимо ^{207*}, считая чиновника недостойным слушателем в военном деле. — Я знаю, — обращаясь к аббату и Rieгг'у, — я знаю только, что у него теперь 25 кораблей, не считая испанских, что у него сосредоточена 200 000-ная армия, обученная, обстрелянная, сформированная и снабженная провиантом, как ни одна армия в мире. Что у этого человека генералы дивизионные такие, каких нет у Австрии ^{208*}, не говоря уже про ^{209*} Пруссию и про нас. Нужен счастливый ветер и туман, который бы перенес его через Па-де-Кале, и все ваше равновесие европейское погибло, любезный аббат, прежде, чем родилось.

— Читали вы, князь, последние известия о короновании в Милане, — вмешался опять чиновник, — какая смелость надеть самому на себя корону.

— Да, — задумчиво сказал князь, как будто воображая себе перед глазами любимого героя. — *Dieu me la donne, gare à qui la touche* ^{210*}, — сказал он, повторяя сказанные Наполеоном слова при надевании короны и величественно поднимая голову, как будто подражая движению Наполеона в то время, как он произносил эти слова. *Gare à qui la touche, m-r l'abbé. Le nouveau royaume Cisalpine ne sera si facile a former, quand le petit caporal dira: Non! Vous avez beau dire, c'est le plus grand homme de l'histoire* ^{211*}.

М-г Rieгге любовался одушевлением своего друга, однако не мог удержаться, чтоб не возразить ему ^{212*}.

— Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего, — сказал он. — Ну да уж это ваша слабость *le petit caporal*, — сказал Rieгге.

— *Le prince est partisan de Buonaparte?* ^{213*}, — вопросительно и презрительно поднимая брови, сказал аббат.

— Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого бы не было у André, — сказала княгиня, — посмотрите у него в кабинете.

— *Il n'y a pas d'homme au monde qui je haisse et qui j'admire autant que cet homme, voila ma profession de foi a son egard* ^{214*}, — сказал князь.

^{207*} Далее начато: недовольный

^{208*} Вместо нет у Австрии было: нет ни у Пруссии, ни у Австрии.

^{209*} Далее было: Англию

^{210*} Бог мне дал корону, горе тому, кто ее тронет (франц.).

^{211*} Горе тому, кто ее тронет, г-н аббат. Нелегко будет образовать новое цизальпинское королевство, если маленький капрал скажет: Нет! Что вы ни говорите, он самый великий человек в истории (франц.).

^{212*} Далее начато: а. Ну, да; б. Это ваш герой

^{213*} Князь сторонник Бонапарте? (франц.).

^{214*} Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы восхищался как им; вот мой откровенный взгляд на него (франц.).

<11>

Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году вскоре после убийства герцога Енгийенского смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем.

В ноте выставлялись все причины неудовольствий нашего двора против французского и требовалось удовлетворение.

Вслед за этими строками вписан рукой С. А. Толстой полный текст ноты, поданной российским поверенным в делах французскому министру иностранных дел 28 августа 1804 г. Подпись: П. д'Убриль (см. т. 13, с. 177—181). Вернее всего, текст ноты выписан по указанию Толстого из «Вестника Европы», 1804, ч. XVIII, № 23, стр. 239 и след. (экземпляр журнала сохранился в яснополянской библиотеке).

<12>

С 1805 ПО 1814 ГОД

Роман графа Л. Н. Толстого

1805-й ГОД. ЧАСТЬ 1-я

Глава I

Тем, кто знали князя Петра Кирилловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кириллыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание.

Князь Петр Кириллович, как известно, был незаконный сын князя Кирилла Владимировича Б. В то время первой молодости, о котором я пишу, он еще не был усыновлен отцом и в том высшем кругу общества, в котором вырос, был известен под именем только monsieur Pierr'a^{215*}. По бумагам он назывался не Петр Кириллыч, а Петр Иванныч, и не Б., а Медынский, по имени деревни, в которой он родился. Говорили, что старый князь по беспечности не позаботился об усыновлении молодого человека при Екатерине, когда ему стоило бы только слово сказать, чтобы его желание было исполнено, а что при Павле старый князь имел свои причины ни о чем не просить государя^{216*}. У старого князя Б. было 40 тысяч душ и никого прямых наследников; поэтому вопрос о том, будет ли или не будет в нынешнее царствование усыновлен^{217*} Pierre (как его звали), казался для многих весьма интересным и производил в обращении знакомых молодого человека^{218*} смесь фамильярности, ласки, заискивания и пренебрежения. Более всех интересовал этот вопрос петербургского вельможи князь Василья Курагина, бывшего ближайшим родственником старого князя Б. и потому имевшего права рассчитывать на наследство, и меньше всех интересовал этот вопрос самого Pierr'a, постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какою-нибудь отвлеченной мыслью. Приехав из-за границы еще в начале мая и остановившись по родственному у князя Василья, Pierre тогда же должен был

^{215*} Далее было: а. сына старого Б.; б. и чувствовал себя в неловком и фальшивом положении.

^{216*} Далее было: Теперь же предполагали, что при новом царствовании князь уже сделал это или сделает это, и потому все, знавшие молодого человека, кроме его самого, считали его лицом очень важным.

^{217*} Далее начато: а. молодой; б. Петр; в. Monsieur.

^{218*} Вместо в обращении ~ человека было: в обращении с Пьером.

отправиться ^{219*} в Москву, где безвыездно жил его отец, но уже была половина июня, а он все жил в Петербурге. То у него не было денег, то было слишком много денег, то был rendez-vous, то вечер, на который его звали, и он два месяца собирался ехать *непрерывно* завтра.

В Петербурге, несмотря на летнее время, жило все служащее и придворное население города.

Блиzkих знакомых у м-г Pierre'a было два дома: князь Василья, у которого вверху он не любил бывать, но с сыном которого он за вином, картами и женщинами проводил петербургские бессумрачные ночи, сам не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин, и другой знакомый дом — был недавно женившийся адъютант петербургского генерал-губернатора князь Андрей Волконский, по строгости своей жизни и английской чопорности дома совершенный контраст князя Анатоля Курагина.

М-г Pierre проводил большей частью день у князя Андрея, с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости. С ним он говорил о войне, о политике, философии, любовался его домашним счастьем, красивой женой, обдумывал свое положение, решался ехать на другой день в Москву, но приходила светлая беспокойная ночь, чего-то еще ему хотелось, поскорее что-то хотелось забыть, он не мог идти домой, заходил к Анатолю и пьяный, усталый, и с раскаянием в душе засыпал уже тогда, когда солнце поднималось из-за высоких домов, город оживлялся и по Невскому становилось шумно, пыльно и жарко. И тем радостнее было ему подъезжать в 6-м часу к большому дому в Литейной, где в высокой, чистой и роскошной квартире жила молодая чета Волконских, всегда весело встречавшая каждый день заблуждающегося и возвращающегося блудного сына.

20 июля он, точно так же, как и все дни, начиная с 1 апреля, должен был ехать на другой день в Москву, но его задержало предложение встреченного накануне молодого князя Андрея Волконского приехать к нему обедать и вместе ехать к старой фрейлине Анне Павловне Шерер, которая очень желала видеть молодого Медынского.

— Ну, что ж, вы и поедете завтра в Москву? — сказал ему накануне князь Андрей, посмеиваясь. — Вы уж привыкли и мы привыкли, что завтра. Так не изменяйте.

М-г Pierre приехал к обеду и как всегда опоздал. Лакей, не в камзоле по старинной французской, а по новой, вволившейся тогда английской моде, во фраке, доложил, что кушают, но в то же время послышался из столовой металлический, ленивый и неприятно резкий голос князя Андрея ^{220*}:

— Петр Иванович? Проси.

М-г Pierre вошел в светлую, высокую, расписанную столовую, с дубовыми резными буфетами и уставленным хрусталем и серебром столом. За столом сидели князь Андрей, свежий, красивый ^{221*}, молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потухшим. Эти глаза, смотревшие и ничего не хотевшие видеть, поражали невольно. На другом конце стола сидела его жена, хорошенькая, оживленная и заметно брюхатая брюнетка. В середине гости: какая-то барышня, старичок, видимо, иностранец, которого м-г Pierre сначала не заметил, и молодой чиновник, которого м-г Pierre видал и знал comme un jeune

^{219*} Далее начато: к отцу

^{220*} Первоначально: металлический, неприятно резкий голос князя Андрея, который всегда был таким, когда относился к прислуге.

^{221*} Далее начато: адъютант

homme de mérite et qui promet ^{222*}. Хотя князь Андрей никого никогда не поражал особенным блеском ума, он любил ум и образование, и в его гостинной встречалось все, что бывало замечательного в Петербурге. Чиновник действительно считался замечательным [дельным] молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенький старичок-иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастье через кн. Адама Чарторыжского представлять молодому императору.

М-г Pièrre как домашний человек был знаком со всеми собеседниками, исключая старичка-иностранца, и не обратил на него внимания.

— Извините, что я опоздал,— заговорил, бубуркая ртом, толстый юноша, как будто рот у него был набит чем-то, доброй улыбкой открывая испорченные зубы и таким тоном, что видно было, он знал, что его извинят.

Pièrre по наружности составлял резкую противоположность князю Андрею. В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны. Особенно оживленные и умные глаза, отчасти скрытые очками, составляли главную черту его физиогномии.

— Когда же вы не опаздывали, mon cher ^{223*},— сказал князь Андрей по-французски. На лбу его распустилась какая-то складка, и просияло лицо ^{224*}.

— Когда вы будете уезжать, тогда извинитесь. Суп подать,— как будто с трудом, по-русски прибавил он лакею грубым, неприятным голосом, один звук которого составлял оскорбление.

— Тогда вы вместе и извинитесь в том, что вы мне забываете привезть «Согинне», которую обещали,— сказала княгиня звонким голосом и улыбаясь яркой улыбкой брюнетки, с белыми, прекрасными зубами.

Pièrre, севший было на стул, вскочил и всплеснул руками.

— Ах, забыл, pardon, princesse, опять забыл... Нет, я поеду, сейчас привезу,— прибавил он вопросительно.

Княгиня засмеялась так, что все засмеялись с ней вместе.

— Нет, сидите, обедайте.

Барышня, старичок-иностранец и чиновник прилично и приятно улыбались, глядя на эту домашнюю сцену, которая, видимо, была очень знакома всем. Видно было, что м-г Pièrre уже давно освоился с своей ролью беспутного, беспорядочного, рассеянного, но милого и любимого друга дома, молодой князь — с ролью покровительствующего, снисходительного друга, а княгиня — с ролью невинно, кокетливо задирающего и ласкающего друга-женщины.

— Вы знаете,— прибавила она,— что этот молодой человек вот уж 3-й месяц едет завтра в Москву. Так?

— Так,— улыбаясь и печально махнув рукой, подтвердил Pièrre.

Разговор зашел о том, о чем все тогда говорили, о чем говорят всегда, думая говорить о важных предметах: о преобразованиях, замышляемых в России,— о конституции ^{225*}.

— Как же вы хотите,— говорил чиновник,— чтоб такое преобразование могло совершиться быстро. Теперь, положим, учрежден Совет и

^{222*} как молодого человека с достоинствами и подающего надежды (франц.).

^{223*} Далее было: м-г Pièrre

^{224*} Вместо сказал ~ лицо было: а. сказал голос князя Андрея мелодический и нежный, совсем другой, чем тот, которым он сказал: проси; б. начато: сказал ленивый голос князя Андрея по-французски; в. начато: сказал князь Андрей, и на лбу его как будто защелкнув

^{225*} Далее было: Pièrre, не доев еще супа, вступил в спор с молодым чиновником.

ЭЛЕН

Акварель К. И. Рудакова, 1947 г.
Музей Толстого, Москва

министерства и они имеют свои недостатки, кто в этом спорит. Не так ли, князь? ^{226*}

— Je vous avoue, mon cher, — пропустил сквозь зубы, князь, отламывая красивой рукой корочку хлеба ^{227*}, — que je suis parfaitement indifférent au nom Collège ou ministère. Il nous faut des gens capables et nous n'en avons pas ^{228*}. — Он говорил ленивым тоном старого вельможи, который смешон был в нем, в молодом человеке, но говорил с такой уверенностью, что его слушали.

— Извините, князь, ежели теперь, — продолжал чиновник, видимо, отвечая преимущественно на те возражения, которые он привык слышать от большинства старых служащих, а не на те, которые делали ему, — ежели теперь не замечается единства и представляется разрозненность в новых учреждениях, то это происходит оттого, что только часть их могла быть введена в действие. — Он оглянулся на княгиню. — Положим, вы бы портного упрекали за то, что рукава фрака безобразны и не в пору, когда они не пришиты еще к фраку. Не так ли?

Князь в ответ на пристально и долго устремленный на него взгляд не моргнул, не изменил своего красивого, спокойного лица и продолжал прямо смотреть на чиновника. Княгиня учтиво улыбнулась.

^{226*} Далее начато: Но почему же вы полагаете, что все те права, которых благо-разумный гражданин может требовать в наше время, не могут быть даны просвещенным и следящим за развитием политической науки правительством.

^{227*} Вместо отламывая ~ хлеба было: предлагая вместе с тем вино даме

^{228*} Признаюсь, милый мой, мне нет никакого дела до названия: коллегия или министерство. Нам нужны способные люди, а их у нас нет (франц.).

Pièrre во время этого разговора ел суп и прислушивался.

— А я вот как думаю, — торопливо и быстро заговорил он и, с свойственной молодости поспешностью и хвастовством мысли обобщив предмет, начал доказывать чиновнику, что Советы и ответственность министров не хороши, потому что большая степень свободы народа не может быть дана ему, но должна быть завоевана им. Конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти. Аббат стал смотреть внимательно на Pièrre'a. L'h<omme> de b<eaucoup> de m<érite> спросил <?>:

— Что же отменено? Напротив в эти 5 лет — все с учрежд(ением) министр(ств), отмены Советов все идет вперед.

— Я не упрекаю новые учреждения в отсутствии единства, — говорил он, глядя через очки, — но я говорю, что все эти изменения дают ложные понятия всем нам, когда еще мы не знаем своих прав. И не знаем сами, чего требовать. В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной каморе депутатов ^{229*}.

— Но все не может сделаться вдруг ^{230*}.

Старичок чистенький аббат держал себя все время ^{231*} учтиво, уверенно и скромно, как будто чувствуя, что он знаменитость, которой не нужно себя выказывать. Несмотря на эту неловкую роль знаменитости, старичок-иностранец поражал, однако, своим односторонне умным, сосредоточенным выражением горбоносого, сухого лица. Видно было, что этот человек знал или думал по крайней мере, что уж так насквозь знает людей, что с первого взгляда он составлял о них мнение и ими не интересовался, и что уже давно-давно у этого человека была одна мысль, для которой одной он жил, считая все остальное ничтожным.

С этим вместе у него было спокойное уменье обхожденья, очевидно, приобретенное не рождением и воспитаньем, как у светских людей, но

^{229*} Далее было: Чиновник возражал.

^{230*} Далее начато исправление раннего текста (с.м. стр. 360—361): Во время обеда и после него чиновник и Pièrre спорили. Княгиня, занимая других гостей, изредка делала вид, что слушает споривших, но занималась преимущественно рассматриванием различных выражений, которые принимало лицо Pièrre'a, и, улыбаясь, укладкой указывала на него мужу, особенно в те минуты, когда Pièrre был более всего оживлен и потому смешон для веселой маленькой княгини. Старичок-иностранец иногда делал головой знаки спокойного одобрения, но, видимо, не хотел вступать в спор. Молодой князь [молчал] изредка вставлял в разговор презрительную французскую путочку и, видимо, не скрывал, что скучал. Он вообще говорил очень немного, иногда о городских слухах, о родных, о придворных делах, и больше всего о войне, военном деле, которое он знал очень хорошо, и Наполеоне, которого он, как-то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира. При всех же остальных разговорах он больше спокойно слушал, как будто отдыхая, и только навел на других на разговоры, которые ему казались занимательны. Посмотрев на часы, он встал, вышел в кабинет. Через 10 минут вернулся ленивым, спокойным, в еще более новом адъютантском мундире, на котором были три военные ордена, полученные им в Турецкой кампании.

— Eh bien, mon cher, vous n'avez pas oublié que nous passons la soirée chez m-me Cherer. Elle veut vous confesser. <Ну, мой милый, вы не забыли, что вечером мы у г-жи Шерер. Она хочет вас исповедывать>, — сказал он, подходя к Pièrre'у.

Аббат и чиновник встали и простились. Князь проводил их до двери.

— Ах, André, как они мне надоели с своим спором, — сказала жена. — Он скучен, этот monsieur.

— Вы знаете, что я не люблю говорить дурно ни про кого, особенно про людей, которые у меня бывают, — сказал князь Андрей строго и холодно, и в тоне, с которым он обратился к жене, было заметно больше, чем сухость, а что-то недружелюбное. — Да не забудьте 8 часов, вам надо одеваться, чтоб мне вас не ждать и чтоб нам не опаздывать, как Pièrre'у, — прибавил он, оправляя эполет. Действительно, князь никогда ни про кого не говорил дурно и никогда не опаздывал. Княгиня, улыбаясь [выпорхнула], раскачиваясь, вышла из гостиной. На полях: Разговор о Наполеоне.

^{231*} Первоначально: все время обеда

долгим навыком обращаться с людьми всякого рода. Он прислушива(ясь) к разговору м-г Pierrg'a, которого личность, по-видимому, заинтересовала его настолько, насколько еще могло что-нибудь заинтересовать этого, видимо, прошедшего столько превратностей, странного итальянца. Когда вышли из(за) стола, аббат попросил позволения из крайней учтивости понюхать. Он достал золотую табакерку с изображением какой-то коронованной особы, понюхал, уложил табакерку в жилетный карман и подсел ближе к м-г Pierrg'у, перевертывая на сухом, старом, белом пальце дорогой изумрудный перстень, очевидно, тоже подарок важной особы.

Он остановил его в то время, как м-г Pierrge доказывал, что основанием всего государственного благоустройства может быть только признание за каждым гражданином прав человека, — *les droits de l'homme*, — сказал он.

— Позвольте мне сказать, — сказал экс-аббат своим итальянским выговором с учтивым движением головы и тихим голосом, но таким, который невольно заставил Pierrg'a остановиться и выслушать речь старичка, — позвольте мне заметить, что права человека были вполне признаны во Франции, но мы не можем сказать, чтобы это государство пользовалось образцовой свободой ни во времена Конвента ^{232*}, — он остановился, — ни во времена Директории, — он остановился, — ни теперь. — Он улыбнулся.

L'homme de beaucoup de mérite с благодарностью посмотрел на итальянца, как будто говоря: «я это самое и говорю».

— Кто же виноват? — отвечал м-г Pierrge, с горячностью, шамкая ртом и почти не замечая перемены собеседника, — разве по теперешнему положению дел во Франции можно судить о том, что бы она была, ежели бы идеи революции могли свободно развиваться.

Экс-аббат имел искусство внимательно и чрезвычайно спокойно слушать и прерывать именно в тот момент, когда это было выгодно.

— Позвольте узнать ваше мнение, кто же помешал развитию этих идей? — перебил он так же тихо, как и прежде, — и кто же установил настоящий порядок вещей, который, я полагаю, вы согласитесь назвать военным деспотизмом, противным всякой свободе.

— Порядок этот установился сам собою.

— *Sans doute* ^{233*}, — говорил экс-аббат, видимо, только ожидая времени опять вставить свое победительное возражение.

— Деспотизм возник оттого, что Франция была поставлена в необходимость защищать свои установления против всей Европы.

— *Sans doute*, — закрывая глаза, говорил аббат.

— Даже жестокости Конвента и Директории — всё это произвело европейское вмешательство.

— *Sans doute*; но отчего же европейские державы вмешались в дела внутреннего устройства Франции? — сказал аббат с улыбкой спорщика, приведшего противника именно к тому пункту, у которого он ждал его.

Pierrge на минуту не знал, что ответить. Он улыбнулся.

— *Allez le leur demander* ^{234*}, — сказал он, но тут же, оправившись, продолжал: — Впрочем, вы говорите, отчего? Оттого, что свобода невыгодна деспотам, оттого, что учение революции не проникло еще во все умы.

— *Sans doute*, — повторил аббат. — Но позвольте у вас спросить, ежели бы нам с вами предоставлено было устроить судьбу мира, чего бы мы

^{232*} *Вместо* во времена Конвента было: во времена Директории

^{233*} Несомненно (франц.).

^{234*} Спросите их об этом (франц.).

желали и к чему бы стремились: к благоустройству Франции или к благу всего человечества? Я думаю, что к последнему.

Pierre замолчал, не понимая, к чему ведет его противник.

— Я тоже думаю,— только сказал он.

— Sans doute. Вы говорите, что признание прав человека есть начало и основание всякой свободы и государственного благоустройства, я с вами совершенно согласен. Теперь я говорю, что признание прав человека во Франции, в одной Франции, не только не повело человечество к большему счастью и благоустройству, а повело и Францию, и человечество к величайшему из зол, к войнам, к убийству ближнего и к попранию всех тех прав человека, которые были так торжественно признаны. Это я говорю, и вы со мной согласны. Не так ли? Теперь, стало быть, нам остается решить вопрос: каким образом устроить судьбу человечества так, чтобы права человека были признаваемы одинаково всем образованным миром и чтобы уничтожилась возможность войны между народами.

— Это будет тогда, когда идеи справедливости и свободы проникнут во все углы,— возражал m-г Pierre,— для этого нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда...

Иностранец посмотрел на руки Pierr'a, как бы отыскивая что-то.

— Как масонские логи, вы думаете,— сказал он улыбаясь.— Sans doute. Но мне кажется, что до тех пор пока в руках королей и императоров будет власть посылать на войну своих подданных, до тех пор у них будет и власть подавлять всех этих подданных, те идеи, которые невыгодны для власти.

— Так вы думаете, что человечество вечно останется таким же?

— Избави меня бог это думать,— спокойно, самоуверенно отвечал итальянец, и лицо его приняло то выражение важности и поглощения всего в мысли, которое бывает у сумасшедших, когда их наводят на пункт их помешательства.— Меня бы не было здесь, ежели бы я это думал,— продолжал он, как-то таинственно оглядываясь.— Я думаю, напротив, что именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других, от войны.

— Какие же это средства? — пробурлил m-г Pierre оживленно, заинтересованный. Аббат долго помолчал, как бы раздумывая, стоит ли высказывать свои задушевные мысли перед такой ничтожной аудиторией, и потом, как бы махнув рукой и подумав: «отчего же и не сказать», начал говорить:

— Средства очень простые: европейское равновесие и *droits des gens*^{235*}. Стоит одному могущественному государству, как Россия — прославленному за варварство — стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесия Европы, и она спасет мир.

— Но что такое равновесие и какая цель его? — спросил Pierre, еще не зная, верить ли или не верить.

— Когда я жил дома,— сказал аббат, доставая табакерку со вздохом,— когда я был свободен, я был охотник до домашней птицы, особенно до индеек. Я прошу извинить меня за эти тривиальные детали,— обратился он к княгине.— Я долго учился их выкармливать и не мог этого достигнуть оттого, что брал старых и молодых индеек вместе и сажал их в одно отделение. Что ж происходило? Сильные нападали на слабых, отбивали их от корма, даже нападали на них, воевали, и слабые чахли, умирали, а сильные в борьбе слабели. Я разделил индеек по категориям. В каждой категории были индейки одинакового роста и силы. И с тех пор

^{235*} права людей (франц.).

индейки стали велики, сыты и счастливы. В природе, *mon cher monsieur*, — продолжал он, — все живет и множится только вследствие закона экилибра сил. Когда будет этот экилибр сил и в системе государств, тогда только человечество будет счастливо.

И экс-аббат, как и все маниики, видимо, оживленный страстным вниманием Риегг'а, в тысячный раз без малейшей скуки рассказал ^{236*} весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыжского был подаваем государю. План состоял вкратце в следующем: чтоб удержать Францию от завоеваний, ей должны были быть поставлены на севере и на юге два новые государства как преграды. На севере — Голландия и Бельгия, соединенные в одно, на юге — независимая Италия. Германский союз должен был быть отделен от Австрии и Пруссии. Польша в прежних пределах должна была быть сделана независимым государством. До малейших подробностей было обдуманно переустройство всех государств Европы таким образом, чтобы могущество одного не могло быть опасно для соседей. Кроме того, все ученые мира должны были на общем конгрессе составить новое право народов, в котором постановлено бы было, что война не может никем быть начата без согласия и посредничества соседних держав. Все было так хорошо обдуманно и так ясно излагалось в устах этого тихого, сосредоточенного человека, что перед воображением слушателей невольно возникал новый век счастья для человечества. Риегг казался поглощенным вновь представившимся ему рядом мыслей. Княгиня была даже заинтересована, один князь слушал так же, как он все слушал, с своим потухшим взглядом, как будто или все это он знает и презирает, или ничего не понимает, но не заботится о том, чтобы казаться понимающим.

— *Et la guerre est impossible* ^{237*}, — окончил аббат.

— Что ж мы, военные люди, будем делать, любезный аббат? — спросил князь Андрей, лениво улыбаясь.

Аббат, как и все маниики, был так уверен в возможности того, что он предполагал, что насмешка над его планами не оскорбляла его, напротив, он с другими готов был тонко посмеяться, зная, что от насмешки толпы его великие идеи не умалются.

— *Oui, c'est comme ça, mon cher monsieur* ^{238*}, — только прибавил он к Риегг'у, чувствуя, что здесь только семя упало на плодородную землю.

— Однако и исполнение этой великой мысли невозможно без войны, — сказал Pierre. — *Vous comtez sans votre hôte* ^{239*}. Наполеон не разделит этих мыслей.

— Этого я не знаю. Я полагаю, что Россия, Австрия и Пруссия довольно сильны, чтобы заставить его принять эти основания.

— Австрия показала уже, как она мало сильна в войне, — сказал князь Андрей ^{240*}.

— Я не говорю про одну Австрию, а про соединенные силы всей Европы. Разве силы, соединенные в первую войну, не были втрое сильнее армии Буонапарте, — сказал князь Андрей и усмехнулся ^{241*}.

Аббат ничего не отвечал.

— Нужен счастливый ветер и туман, который бы перенес Буонапарте через Па-де-Кале, и все ваше равновесие европейское погребло, любезный

^{236*} Далее начато: всю свою

^{237*} И война — невозможна (франц.).

^{238*} Да, это так, мой дорогой (франц.).

^{239*} Вы рассчитываете, не спросясь хозяина (франц.).

^{240*} Далее было: Что было в прошлую войну?

^{241*} Вместо и усмехнулся было: вдруг оживляясь.

аббат, прежде чем родилось, — сказал князь насмешливо. Все замолчали. Князь подробно, видимо, по основательному изучению описал все преимущества всего состава французской армии и все шансы за успех булоньского предприятия. Аббат сказал, что в случае войны есть человек, который по гению военному не уступит Бонапарту. Это Моро. Заговорили о слухе, что в Америку послан ^{242*} генерал для приглашения Моро в русскую службу. Князь Андрей доказывал, что Моро копун и не имеет того огромного полета, который составляет силу Наполеона, и привел доказательства из подробного разбора некоторых кампаний этих полководцев. Разговор перешел на последние политические события.

— Читали вы, князь, последние известия о короновании Буонапарта в Милане? — сказал чиновник. — Какая смелость: надеть самому на себя корону.

— Да, — сказал ^{243*} князь, как будто воображая себе перед глазами Наполеона. — *Dieu me la donne, gare à qui la touche* ^{244*}, — сказал он, повторяя сказанные Наполеоном слова при надевании короны и поднимая голову, как будто подражая движению Наполеона в то время, как он произносил эти слова. — *Gare à qui la touche, m-r l'abbé. Le nouveau royaume Cisalpine ne sera si facile à former, quand le petit caropal dira: Non! Vous avez beau dire, c'est le plus grand homme de l'histoire ancienne et moderne* ^{245*}.

— *Le plus grand homme*, — повторил m-r Pierre.

— *Le prince est partisan de Buonaparte?* ^{246*} — вопросительно и презрительно поднимая брови, сказал аббат.

— *Vous avez vu le buste de Buonaparte qu'il a dans son cabinet?* ^{247*} — сказала княгиня.

Князь презрительно ^{248*} посмотрел на жену, как будто досадуя на то, что она толкует о том, чего не понимает.

— *Il n'y a pas d'homme au monde que je haisse et que j'admire autant que cet homme, voila ma profession de foi à son égard* ^{249*}, — сказал он ^{250*}.

⟨13⟩

1

^{251*}Время между французской большой революцией и пожаром Москвы, то самое время, когда революция эта перестала быть идеей и стала силой.

^{242*} Далее начато: Вин<ценгероде?>

^{243*} Первоначально: оживленно сказал

^{244*} Бог мне дал корону, горе тому, кто ее тронет (франц.).

^{245*} Горе тому, кто ее тронет, г-н аббат. Нелегко будет образовать новое цизальпинское королевство, если маленький капрал скажет: «Нет!». Что вы ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории (франц.).

Далее было: и князь так оживился, что стал совсем другой человек. М-г Pierre любовался одушевлением своего друга, однако не мог удержаться, чтоб не возразить ему.

— Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего, — сказал он. — Ну да уж это наша слабость, *le petit caropal* <маленький капрал>, — сказал Pierre.

^{246*} Князь сторонник Буонапарте? (франц.).

^{247*} Вы видели бюст Буонапарте в его кабинете? (франц.).

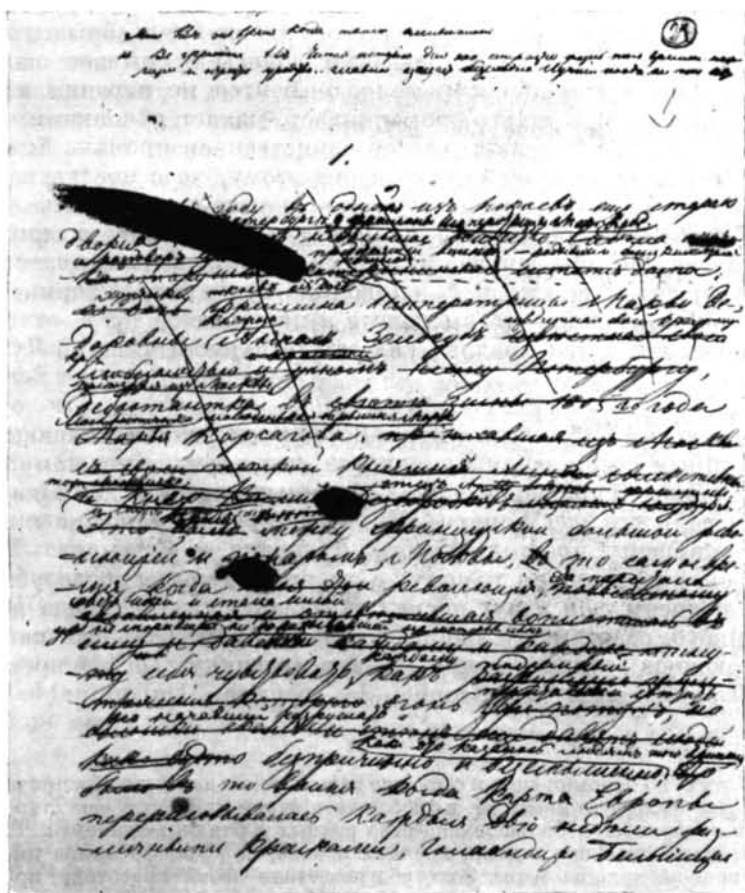
^{248*} Первоначально: злобно и презрительно

^{249*} Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него (франц.).

^{250*} Вместо сказал он было: сказал князь, и потухший взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом.

^{251*} Перед началом текста наброски: а. В то время, когда после неслыханного; б. Во Франции; в. Читая историю, для нас стирается жизнь того времени настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, кот<орые>

уже не спорившей, не доказывавшей, но матерьяльно дававшей себя чувствовать каждому, как подземный огонь, переставший светить, но начавший разрушать беспричинно и бессмысленно, как это казалось людям того времени, то время ^{252*}, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, в то время, когда маленький человек,

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ НАЧАЛА РОМАНА «ВОЙНА И МИР». 1864 г.

Вариант тринадцатый

Архив Толстого, Москва

в сереньком сертучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами, воображал

^{252*} Вместо Времени между ~ то время было: а. В 1805 году в одном из покоев еще старого дворца собралось небольшое общество. Сидела хозяйка-старушка, екатерининская штатс-дама, ее дочь, фрейлина императрицы Марьи Федоровны Аннет Зологуб, известная своей любезностью и умом всему Петербургу, дебютантка в свете зимы 1805-го года Марья Корсагова, приехавшая из Москвы с своей теткой княгиней Анной Алексеевной, и князь Василий Безбородков, любимец государя. Это было между французской большой революцией и пожаром Москвы в то самое время, когда идея этой революции, по-видимому задавленная и отсветившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту себя чувствовать, как разрушение землетрясения, которого

себе, что он делает историю, тогда как он был только самый покорный и забитый раб ее, когда этот человечек старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения и, несмотря на умную и твердую натуру, при первом прикосновении земного величия, человеческой лести и поклонения потерял свою умную голову и погиб, надолго еще оставаясь для толпы чем-то страшным и великим ^{253*}.

Видали вы ребенка, которого посадил старый кучер рядом с собой на козлы и позволил ему держаться за вожжи, воображая, что он правит лихой и могучей тройкой. Кони бегут быстрее и быстрее, дорога скользит под ногами, топот сливается в один одуряющий гул, брызги летят из-под копыт, ветер режет лицо, развеивает волосы и срывает шапку, дух захватывает; милому мальчику весело, он боится, но, перенимая у ямщиков, представляет вид лихого, покрикивает, махает ручонками. Бедняжке кажется, что он все делает, что он единственная причина быстроты, с которой несется тройка, он смутно верит этому, но с презрением и гордостью поглядывает на воза и пешеходов и несется все шибче и шибче, прохожие любуются на бедного мальчика и похвалами разжигают его, но лошади несутся еще шибче, мальчику жутко, он закрывает глаза, и старый кучер берет вожжи ^{254*}. «Довольно будет с вас, барин», — и кучер остановил лошадей, — «а вы подите к нянюшке».

«А правда, что я так правлю, как самый лучший ямщик? Лучше всех на свете?»

«Правда, правда. Ступайте, будет».

То самое время ^{255*}, когда у нас в России человечка с маленькими ручками и орлиным носом звали Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составившие украшение наших гостиных, когда в дипломатических актах называли его «cet homme» ^{256*}, когда ^{257*} отвращение к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему, в то время, когда после убеждения, что он не посмеет... он вдруг посмел схватить в чужом городе невинного и влюбленного, счастливого юношу и велел во рву убить его, как собаку, за то, что юноша этот был родня королю-мученику. То ^{258*} время, когда le duc d'Enghien и la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre

огонь уже потух, но обломки скал и стен еще давят людей как будто беспричинно и бессмысленно. Это было в то время; б. в 1805 году в одном из покоев еще старого дворца в Петербурге собралось небольшое общество родных и близких знакомых. Сидела старушка, екатерининская штатс-дама, хозяйка покоев, ее дочь, фрейлина императрицы Марьи Федоровны княжна Анна Зологуб, известная своей красотой, приезжая из Москвы дебютантка москвитянка, молоденькая барышня Мари Корсагова, княгиня Анна Алексеевна, тоже москвичка, и князь Василий, отец [Annette Sologoub] фрейлины и муж штатс-дамы. Это было между французской и т. д. как в тексте; в. В 1805 году в одном из покоев еще старого дворца в Петербурге у фрейлины императрицы Марьи Федоровны собралось небольшое общество и разговор зашел о предстоящей войне. Это было в 1805 году между французской и т. д. как в тексте.

^{253*} Вместо при первом ~ великим было: начинал теряться и гибнуть как человек, оставаясь для толпы великим владыкой и полководцем.

^{254*} Вместо Бедняжке ~ вожжи было: Бедняжке страшно, но он храбрится, притворяется спокойным и привычным лихачом-ямщиком. Ему кажется, что он все делает, от него так шибко несется вся тройка, он с презрением и гордостью поглядывает на воза и пешеходов и гонит шибче, но лошади несутся только так скоро, как хочет того старый кучер.

^{255*} Вместо То самое время было: а. Но то, что я хочу описывать, было в то самое время; б. То, что я хочу описывать, было в то самое время; в. Это было в то самое время

^{256*} этот человек (франц.).

^{257*} Далее начато: святое

^{258*} Первоначально: В то

d'Ettenheim ^{259*} был на устах каждой чувствительной ^{260*} особы высшего круга, в то время, когда молодой, любезный, красивый монарх Александр I ^{261*} решил устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme ^{262*}, заключил союз с Австрией и решил, что, победив Буонапарте (в победе нельзя было сомневаться ^{263*}), французам будет предоставлена свобода избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, и купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев. Все было тонко предвидено. Опять ехала другая тройка навстречу и правил ею опять не тот кучер, которого все видели на козлах, а все тот же старый, старый старик, везущий по-своему и правящий миром со времен Алкивиадов и Кесарей.

Но не Наполеон и не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями, я буду писать историю людей, более свободных, чем ^{264*} государственные люди, историю людей, живших в самых выгодных условиях жизни, людей, свободных от бедности, от невежества и ^{265*} независимых, людей, не имевших тех недостатков ^{266*}, которые нужны для того, чтобы оставить следы на страницах летописей ^{267*}, но глупый человек не видит этих следов, не выразившихся в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике, он видит их только в дипломатическом акте, в сражении, в написанном законе. Он видит их только в том насильственном зле, которому суждено нарушать спокойное течение человеческой жизни, и он записывает эти события в свою летопись, воображая себе, что он пишет историю человека. Люциан Бонапарт был не менее хороший человек, чем его брат Наполеон, а он почти не имеет места в истории. Сотни жирондистов, имена которых забыты, были еще более хорошие люди. Сотни и тысячи не жирондистов, а простых людей Франции того времени были еще лучшими людьми ^{268*}. И никто их не знает. Разве не было тысяч офицеров, убитых во времена войн Александра, без сравнения более храбрых, честных и добрых, чем сластолюбивый, хитрый и неверный Кутузов?

Разве присоединение или неприсоединение Папской области к Французской империи на сколько-нибудь могло изменить, увеличить или уменьшить любовь к прекрасному работающего в Риме художника? Или изменить любовь его к отцу и к жене? Или изменить его любовь к труду и к славе?

^{259*} герцог Энгиненский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме (франц.).

^{260*} Далее начато: дамы

^{261*} Далее было: после Павла сосредоточивший на себе все надежды России

^{262*} завоевания этого человека (франц.).

^{263*} Вместо в победе ~ сомневаться было: победа была несомненна, так как коалиция имела более 600 тысяч войска

^{264*} Далее было: эти

^{265*} Далее начато: ничем

^{266*} Вместо Но не Наполеон ~ тех недостатков было: а. Но не Наполеон и не Александр будут моими героями, я буду писать историю героев [не менее] более человеческих, чем они, людей таких же, как все мы, людей общества, живших в самых выгодных условиях жизни для борьбы и выбора между добром и злом, [для] людей, изведавших все стороны человеческих мыслей, чувств и желаний, людей таких же, как мы, могших выбирать между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между рабством и свободой, между любовью и ненавистью, людей свободных от [боязни] бедности, от предрассудков, и имевших право считать себя <?> равными всякому. В таком положении находилось в начале нашего века русское [хорошее] дворянство; б. Но не Наполеон ~ не имевших тех недостатков, которые нужны для славы, живших, страдавших, не как герои, а как люди

^{267*} Далее начато: но имевших те свойства, которые нужны

^{268*} Вместо Люциан ~ людьми было: Разве Люциан Бонапарт был менее хороший ~ в истории? Разве сотни жирондистов, имена которых забыты, не были еще более хорошие люди? Разве сотни и тысячи не жирондистов, а простые люди в Франции того времени не были еще лучшими людьми?

Когда с простреленной грудью офицер ^{269*} упал под Бородиным и ^{270*} понял, что он умирает, не думайте, чтоб он радовался спасению отечества и славе русского оружия и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую он любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения; он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян, — все это ему казалось жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо предстали ему.

Историки — *les chroniqueurs des fastes de l'histoire* ^{271*} — видят только выступающие уродства человеческой жизни и думают, что это сама жизнь.

Они видят сор, который выбрасывает река на берега и отмели, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны ^{272*}.

Пишу о том времени, которое еще ^{273*} цепью живых воспоминаний связано с нашим, которого запах и звук еще слышны нам. Это время первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции.

В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу. В старом Зимнем дворце все фрейлины судили о войне. Одна фрейлина отпросилась у императрицы на вечер ^{274*} для того, чтобы сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне. Она была свободна, что редко случалось с нею. Ее ум и любезность слишком нужны были при дворе и слишком к ним уже привыкли, чтобы обходиться без нее... Она не была из тех фрейлин, которые только надежным в торжественные дни шифром отличаются от других смертных, она не была одною из сотни, она была одна из двух-трех любимых приближенных. Говорили, что она имеет большое влияние, хотя она собственно была ничем, но все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира. Она давно уже забыла о том, фрейлина ли она или нет. Шифр она получила 5 ^{275*} лет тому назад, и быть не на выходах и не на балах, а *en petit comité* ^{276*} коронованных лиц стало ее привычкой. Она была умна, насмешлива и чувствительна, и ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы ей подобных своей правдивостью. Она гордилась своим *franc parler* ^{277*}, но что она была ^{278*} по душе,

^{269*} Вместо офицер было: а. Раевский; б. Тучков

^{270*} Далее начато: знал

^{271*} летописцы выдающихся событий истории (франц.).

^{272*} Вместо только ~ неизвестны было: только уродства человеческой жизни, а сама жизнь ускользает от них, и суждения их о всей жизни, основанные на ее уродствах, всегда ложны. Они хотят исследовать течение реки по берегам ее. Они видят яры, заливы, мысы и выбоины берегов, но [вода течет] не понимают и не знают реки. И ежели берег отступил или выступил, подмыт или занесен песком, то вода оттого ни прозрачнее, ни мутнее, ни холоднее, ни теплее, ни быстрее, ни тише и дно ее также для них неизвестно. Надобно отдаться течению, надо плыть с нею вместе, чтобы сколько-нибудь узнать ее.

Какие мы ни строили берега и как бы ни изменяли их, вода течет [вечно и вечно и вечно] все так же и вечно изменяется, и мы — капли этой воды, вечно исчезающие и вечно возникающие.

^{273*} Далее было: живо в памяти живых людей, время, которое

^{274*} Вместо: В придворном ~ на вечер было: а. Хозяйка дворцовой комнаты отпросилась у императрицы на нынешний вечер; б. начато: Все только и гов(орили); в. начато: Как и всегда бывает, государство готовилось к войне, но очень, очень мало людей заботилось узнать и обсудить причины и случайности войны, [собирали рекрут], играли в бостон, женились, ссорились, богатели и разорялись.

^{275*} Переделано из: 15

^{276*} в тесном кружке (франц.).

^{277*} прямою (франц.).

^{278*} Вместо Она была умна ~ но что она была было: Кто и что она была

ДОЛЮХОВ

Акварель К. И. Рудакова, 1945 г.

Музей Толстого, Москва

никто не знал. Этот лак высшего тона, скрывающий ^{279*} качество дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина. Говорила она, разумеется, не на своем языке, а на французском, и на французском ^{280*} одного известного мира, наследовавшего этот род языка ^{281*} от дворов Людовиков. На выражение каждой мысли, даже каждого чувства были свои, готовые, грациозные и красивые формы и, естественно, что она употребляла их, придавая им как умная женщина свой личный характер. Отношения с Анетт Б(езбородко?) были самые приятные для того, кто умел держаться в формах того искусственного мира, но под этими формами таилось неизвестное, и тот, кто бы захотел узнать это неизвестное, выйдя из условных форм, непременно показался бы сам себе грубияном ^{282*}.

Она и все общество говорило по-французски.

— Я достаточно стара, — говорила она, — чтобы принимать мужчин к себе, не правда ли, княгиня? ^{283*} И потом лучше я не могла воспользоваться своим отпуском, как собрав вас всех к себе. Я одним камнем ^{284*} делаю не два, а четыре удара, дядя и вы, мой милый Basile, — обратилась она к сухому камергеру с звездой, — и милая кузина (это обращалось

^{279*} Первоначально: покрывающий

^{280*} Далее начато: того мира

^{281*} Вместо этот род языка было: язык свой

^{282*} Далее начато: а. В этот вечер; б. Нынче был именно такой грубиян. Это был дядя ее, князь В(олхонский), екатерининский генерал-аншеф. Попавши в немилость императора Павла за дерзкий ответ.

^{283*} Первоначально: тетюшка

^{284*} Далее начато: убиваю

молодой девушке)^{285*}. — Il faut que je la produise cet hiver^{286*}. С этим лицом это было бы грех жить в вашей деревне, называемой Москвой. Вот один случай, когда я жалею, что не^{287*} замужем. Я удобнее могу produire^{288*}. Сыщите мне мужа — (это к камергеру), — который бы мне не мешал и служил бы удобством вывозить и принимать. А то, право, ежели бы не вы, княгиня, — (это обращалось к княгине Анне Алексеевне Горчаковой) — я бы не решилась звать к себе. Ах, у меня будет интересный человек, le comte de Mortemart. Он был auprès de monseigneur le duc d'Enghien^{289*}, этот святой мученик. И потом говорят, что он^{290*} très bien le jeune homme. Il est allié par sa mère^{291*} à la princesse de Rohan au Montmorency^{292*}.

— У нас весь Петербург с ума сходит от него, кроме меня, разумеется, и бегают^{293*} за ним. Я не видала его еще. Я просила Александра Д. нынче привезти его ко мне. По крайней мере вам не скучно будет. — (К княжне). — Ну, что вы скажете о последнем поступке^{294*} этого человека (Буонапарте). — (К князю В.). — Я знаю, вы^{295*} поклялись выводить меня из себя. Неужели вы и теперь после l'envahissement de Gênes^{296*} не видите причин к войне?

[Грубиян князь Волхонский редко улыбался, но он улыбнулся.

— Я, моя милая, деревенский дворянин и тех тайных пружин, по которым все движется здесь, не знаю].

На полях рукописи конспективные записи:

л. 4 (стр. 377):

Сцена с женой, один — жесток. К<нязь> В<асилий> в Москве и при смерти подл. Переписка о войне, война во всем. У к<нязя> по-старому.

<14>

Пишу о том времени, которое еще цепью воспоминаний связано с нашим, о времени, когда матери наши в робах с короткими талиями при свете восковых и спермацетовых свеч танцевали [котильоны] матрадуры и минуэты, восхищались романами m-me Redcliff и m-me Suza и знали наизусть тирады и Racine, и Boileau и Corneille, когда отцы наши восхищались мыслями Rousseau и Voltair'a и еще помнили Екатерину, Фридрихов, Суворовых и Потемкиных так, как мы помним Александра, Наполеонов, Мюратов и Кутузовых.

Я говорю о времени^{297*} первых годов царствования Александра I

^{285*} *Вместо дядя и вы ~ девушке было: а. начато: (разговор ведет; б. (Оба дяди; в. Потому что и вы мне дядя по дружбе, мой милый [Basile] князь, — обратилась она к сухому камергеру с звездой, а вы мне [дядя по] друг, потому что дядя. Ежели бы вы не были дядя, уж верно я бы никогда не [узнала] имела храбрости узнать вас. (Это обращалось к кн<язю> В<олхонскому?>)) И милая кузина (это обращалось к дочери кн<язя> В<олхонского?>))*

^{286*} *Мне надо ее вывозить нынешней зимой (франц.).*

^{287*} *Далее начато: вышла <замуж>*

^{288*} *вывозить (франц.).*

^{289*} *граф Мортемар. Он был при герцоге Энгийенском (франц.).*

^{290*} *Далее начато: очень*

^{291*} *Далее было: Duchesse de Berry <герцогине Беррийской>*

^{292*} *очень порядочный молодой человек. Он родня по матери княгине Роган-Монморанси (франц.).*

^{293*} *Вместо У нас ~ бегают было: У нас все бегают*

^{294*} *Первоначально: декрете*

^{295*} *Далее было: дядюшка*

^{296*} *захвата Генуи (франц.).*

^{297*} *Вместо с нашим ~ говорю о времени было: а. с нашим, которого запахи и звуки еще слышны нам. Это время; б. начато: с нашим, которого неуловимый характер, запах и звук, соединяясь с особенной прелестью прошедшего и детства, так мило знакомы нам. О том времени*

в России и первых годов могущества Наполеона во Франции. Время между французской большой революцией и пожаром Москвы ^{298*}, время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, когда голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, то время, когда этот маленький человечек в сереньком сюртучке и треугольной шляпе, с орлиным носом и умными глазами ^{299*} представлялся чем-то ^{300*} непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности.

То время ^{301*}, когда у нас в России этого человека звали Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиниц, и когда в дипломатических актах называли его «cet homme» ^{302*}. То время ^{303*}, когда le duc d'Enghien et la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim ^{304*} был на устах каждой чувствительной особы нашего высшего круга, в то время, когда молодой, любезный и красивый монарх Александр I, взойдя на престол после Павла, соединил на себя все те надежды, любовь и преданность, которые подданные так счастливы законно отдавать своим владыкам. То время, когда этот рыцарский ^{305*} юноша-царь ^{306*} искренно желал только устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme ^{307*} и после победы (в которой никто не сомневался) ^{308*} предоставить самим французам свободу избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, так ничего не могло быть лучше и справедливее этого ^{309*}.

^{298*} *Далее было: а. то самое время ~ казалось людям того времени <копия соотв. строк вар. 13>; б. то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей. Было еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже [перешел] превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться.*

Роялисты и монархисты доказывали очень хорошо и победительно, что революция и военная диктатура хуже королевской власти. Все это было очень справедливо, а Наполеон, представитель превращенной идеи революции, в ответ на это [набрал] [брал] взял всех годных французов в солдаты и публично расстреливал принца королевской крови [и говорил всей Европе, обратив 100 000 штыков из-за своих штыков и пушек] надел на себя императорскую корону и, выставив сотни тысяч штыков, сказал: ну-ка попробуйте! [То время когда матери наши при освещении восковых свеч]

^{299*} *Далее идет текст: воображал ~ ступайте, будет (см. вар. 13, с. 376), частично исправленный и затем отчеркнутый на полях чертой, что означало, что текст выпущен из данной рукописи, но не зачеркнут как ненужный вообще. На полях пометка: «АВ Вычеркн.».*

^{300*} *Далее было: волшебным*

^{301*} *Вместо То время было: а. То самое время; б. Пишу о том времени*

^{302*} *этот человек (франц.).*

^{303*} *Далее было: а. когда отвращение ~ родня королю мученику (копия вар. 13); б. когда негодование к святотатцу ~ соединялось с страхом, презрением и отвращением к тому, кто убил невинного счастливого, влюбленного юношу за то только, что юноша этот был родня королю мученику.*

^{304*} *герцог Энгийенский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме (франц.).*

^{305*} *Первоначально: бескорыстный*

^{306*} *Далее начато: горел одним желанием славы для себя и своего народа и презирал еще все дипломатические увертки, руководящие большей частью правительства*

^{307*} *завоевания этого человека (франц.).*

^{308*} *Вместо (в которой никто не сомневался) было: (сомневаться в победе нельзя было)*

^{309*} *Далее было: а. и купленные ~ на страницах летописи (копия вар. 13); б. Но не Наполеон, не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями, я буду*

Следующий дипломатический акт был уже несколько месяцев тому назад сообщен французскому правительству нашим посланником д'Убриль перед оставлением Тюлерийского дворца.

Около года шли переговоры между Россией, Австрией, Пруссией и Англией о составлении коалиции против Франции. Наконец, Наполеон предложил сам переговоры о мире и вызвал Россию быть посредницею. В Париж послан был Новосильцев^{310*}.

В начале 1805-го года первая европейская коалиция против Буонапарте была уже составлена.

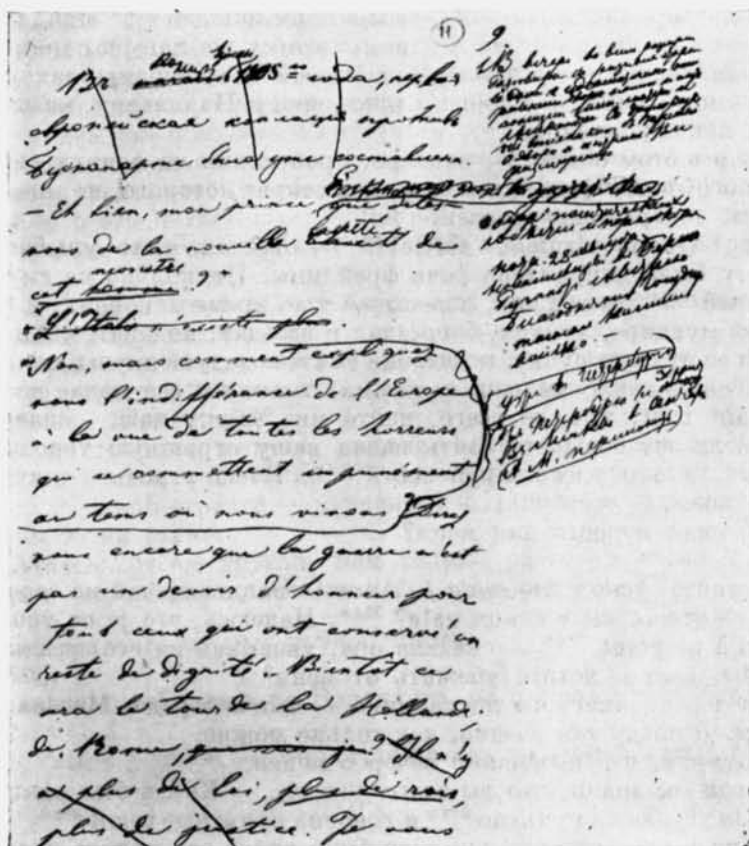
— Eh bien, mon prince, que dites vous de la nouvelle atrocité de cet homme? Italie n'existe plus. Non, mais comment expliquez vous l'indifference de l'Europe a la vue de toutes les horreurs qui se commettent impunément au temps ou nous vivons. Ditez vous encore que la guerre n'est pas un devoir d'honneur pour tous ceux qui ont conservé un reste de dignité. Bientôt ce sera le tour de la Hollande, de Rome, que sais-je. Il n'y a plus de foi, plus de rois, plus de justice, [il n'y a plus de Dieu]. Je vous prévienс que si vous ne me dites pas que nous avons de bonnes nouvelles de Haugwitz et que <nous> aurons la guerre et la guerre à outrance avec ce monstre, cet antichrist — ma parole d'honneur j'y crois — si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies de cet homme, ce n'est pas un homme, que Dieu me pardonne, c'est pire — je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, мой верный раб, comme vous dites. Ah, si j'étais homme!!^{311*}

писать историю людей, живших в более выгодных условиях жизни для человеческой борьбы между добром и злом, людей свободных от бедности, от невежества, но зато свободных и от обязанности власти, историю людей, не имевших тех недостатков <далее как в варианте а>; в. начало: То время, когда Потемкин, Екатерина, Фридрих были еще свежими воспоминаниями, [как теперь Наполеон и Александр, время когда царов не было, прогресс был еще в государственном устройстве, в идеях, когда исторической школы не было, наивно думали, что классики языка и математики были лучше ист<ории>?], когда поэтами были Расин, Корнель, Гёте, в книгах Руссо, Вольтер, Дидерот, романы Staël, Suza. Когда носили робы с короткими талиями, когда мечты о свободе крестьян то же, что коммунизм, когда восковые свечи, когда]; последний незаконченный набросок зачеркнут и отмечен: М; г. В то время был в Петербурге знаменитый дом Натальи Львовны Нарышкиной. Дом этот был знаменит не красотой здания, не роскошью убранства, не обедами и ужинами и балами, хотя домик был недурной, между двором и садом, и хотя бывали в нем и обеды, и ужины, и балы, удостоенные часто посещениями высочайших особ, но скромные балы, — дом этот был знаменит своей хозяйкой, высокой, красивой старухой, с умными, проницательными глазами, тонкой улыбкой и строгой осанкой. — Старуха эта ничего не делала для того, чтобы быть знаменитой, кроме того, что говорила. Она говорила уже более 50 лет, говорила с Екатериной, с Павлом, с Потемкиным, с Ломоносовым и Державиным, говорила и по-русски, но охотнее по-французски. Нельзя сказать, что именно говорила эта старуха, в ее речах не было ничего необыкновенного, но она знала, что и когда и как надо сказать, знала, что важнее всего, чего не надо сказать, и перед старухой благоговело все, что ее знало, а еще более те, которые не знали, но только слышали про нее. И все это заслужила она одним разговором «Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица». Всякий говорит, да не так, как говорила эта старуха.

^{310*} Вместо Наконец ~ Новосильцев было: Австрия обещала, медлила и требовала от нас большого количества войск. Пруссия прямо объявила, что нет надежды для Европы в войне с Наполеоном остаться победительницею. Англия обещала денег и в число 600 тысяч своя 7 тысяч войска. [Англия <1 руб.>] и не могла понять задней мысли русского правительства.]

^{311*} Ну, князь, что вы скажете об этом новом ужасном поступке этого человека? Италия больше не существует. Нет, как вы объясняете себе равнодушие Европы при виде тех безобразий, которые в наше время творятся безнаказанно? И будете ли вы по-прежнему утверждать, что война не долг чести для всех тех, у кого сохранилась еще хоть капля достоинства? Скоро наступит очередь Голландии, Рима, почем знать. Нет больше ни веры, ни королей, ни справедливости [ни бога]. Предупреждаю вас, что ежели я не услышу от вас хороших вестей о Гаугвице и что война будет, и война беспощадная против этого чудовища, антихриста, — даю вам слово, что я так думаю — ежели вы не скажете мне, что будет война и решитесь по-прежнему извинять все гнус-

— Ну здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur ^{312*}. Хотите чаю? — Так говорила фрейлина и приближенная императрицы Марьи Федоровны, отпросившаяся от службы на один вечер для того, чтобы ^{313*} сделать у себя в этот вечер un thé, на который, разосланными накануне записочками с красным лакеем ^{314*}, приглашены были,

НАЧАЛО РОМАНА «ВОЙНА И МИР». КОПИЯ С. А. ТОЛСТОЙ С ПРАВКОЙ
ТОЛСТОГО, 1864 г.

Вариант пятнадцатый
Архив Толстого, Москва

по мнению фрейлины, самые замечательные люди Петербурга, цвет общества, la crème de la société ^{315*}. В записочках было написано: Si vous n'avez rien de meilleur à faire, Monsieur le comte или mon Prince, je serais bien charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures ^{316*}.

Annette D. ^{317*}.

ности, совершаемые этим человеком, да это не человек, прости меня, господи! а хуже, то я больше вас знать не хочу, вы больше мне не друг, не верный раб, как вы себя зовете. Ах, если бы я была мужчиной!! (франц.).

^{312*} Я вижу, что я вас пугаю (франц.).

^{313*} Далее начато: соединить у себя в этот вечер

^{314*} Первоначально: с камер-фурьером

^{315*} сливки общества (франц.).

^{316*} Если у вас, граф или князь, нет в виду ничего лучшего, то буду очень рада видеть вас нынче у себя, между 7 и 10 часами (франц.).

^{317*} Далее начато: Записочки были посланы к

Кроме желания воспользоваться свободным вечером, Annette D. ^{318*}, может быть и не без основания, считала себя государственным ^{319*} лицом, на котором лежали политические обязанности. Она желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Бонапарта в Италии, вчера только полученные при дворе императрицы) М(арьи) Ф(едоровны). Некоторые из гостей, должностовавших приехать в этот вечер, принадлежали к самым влиятельным ^{320*} придворным и государственным людям и все к одному и тому же лагерю, знаменем которого было убеждение в призвании России восстановить законность и святость самодержавия в Европе и презрение к Наполеону, называемому не иначе, как Буонапарте.

Разговор в этом обществе, конечно, происходил на французском и даже на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен.

— Dieu! Quelle virulente sortie! ^{321*} — отвечал, тихо улыбаясь, тот, к которому была направлена речь фрейлины. Нисколько не смутясь такой встречей ^{322*}, вошедший, известный в то время сановник, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах, подошел к Annette D., поцеловал ее пухлую ручку, подставив ей свою надушенную и сияющую ^{323*} белизной, даже между седыми волосами, лысину и сел подле нее.

— Avant tout, прежде всего, дайте мне чашку чаю, — сказал он, — потом, ежели вы обещаете взять назад вашу страшную угрозу — прогнать меня, я вам расскажу новость ^{324*}. Из-за угрозы — ничего. Без угрозы — все.

— Хорошая новость для меня?

— Да.

— Постойте, успокойте меня, — Annette наливала чай из серебряного самовара — отчего вы в таком gala? ^{325*}. Надеюсь, что je ne vous en impose jusqu'à ce point ^{326*}, — сказала она, указывая на его звезды и башмаки. — Вы, верно, хотите убежать от меня?

— А вечер английского посланника — нынче среда. Мне надо показаться там. Я поеду так поздно, как только можно.

— Я думала, что нынешний вечер отменен.

— Ежели бы знали, что вы этого хотите... — Князь был один с Annette D. Он улыбался приятно ^{327*} и говорил приятные вещи ^{328*}, но из-за этой улыбки и слов совершенно ясно было видно его полное презрение к своей собеседнице, которое он не только не старался скрывать, но старался как будто выказать, говоря такие вещи, как то, что вечер посланника был бы отложен, ежели бы знали, что Annette D. этого не хочет ^{329*}. «Я государственный человек. Я дело делаю, а ты болтушка», казалось говорили все его приемы и, несмотря на то, он с почтительностью обращался к фрейлине и, перемешивая шуточками и глотками чаю, рассказал Annette D. все, что он знал о содержании депеши из Берлина, привезенной в тот день утром.

^{318*} Вместо: Annette D. было: фрейлина

^{319*} Вместо государственным было: политическим и государственным

^{320*} Вместо: Она желала ~ к самым влиятельным было: Особы, которые должны были собраться в этот вечер, все, исключая двух родных, которых нельзя было исключать, принадлежали посредственно и непосредственно к самым влиятельным

^{321*} Господи! Какое горячее нападение (франц.).

^{322*} Далее начато: а. он; б. сановник

^{323*} Далее начато: чис(тотой)

^{324*} Далее начато: и хо(рошую?)

^{325*} парадном наряде (франц.).

^{326*} я не в такой мере внушаю вам почтение к себе (франц.).

^{327*} Далее было: как придворный

^{328*} Далее было: как придворный

^{329*} Далее начато: И несмотря на то, он был почтителен

— Buonaparté a brûlé ses vaisseaux depuis l'affligente événement d'Ettenheim ^{330*}, — сказал князь. — Больше ждать нечего, кроме насилия во всех отношениях. Нынче утром на выходе я сказал это ^{331*} Н., а он видит еще возможность мира.

— Совершенно справедливо. Il a brûlé ses vaisseaux, il faut que nous brûlions les nôtres. A propos ^{332*}. Нынче у меня будет очень интересный человек, le comte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohans ^{333*}, одна из лучших фамилий Франции. Он был при Monseigneur le duc d'Enghien ^{334*} во время его плена ^{335*}. Он dit qu'il est très bien, ce jeune homme. J'ai prié S. de me l'amener. Toutes nos dames en raffolent ^{336*}.

— Кроме вас, разумеется. Я его видал в свете. Скажите, правда это, — продолжал князь уже с видимым интересом, не так, как прежде, когда он, видимо, исполнял только тяжелую для него обязанность взаимности, рассказывая, правда, что l'impératrice mère ^{337*} говорила его величеству о бароне З. и о его назначении? — Вопрос этот, видимо, был личный и живой для князя. — C'est un pauvre sire ^{338*}, все что я могу сказать. Как вы думаете?

Annette D. строго ответила, что барон этот был рекомендован ее величеству à l'impératrice mère. Лицо Annette выразило глубокое, искреннее выражение преданности и уважения, соединенные с грустью, когда она назвала императрицу. Она сказала, что ее вел<ичество> оказала барону ^{339*} beaucoup d'estime ^{340*}.

Вопросы внутренних интриг, видимо, мало интересовали Annette. Она потухла и делалась достойно ^{341*} печальна. Она искренно вся была предана только одной страсти — ненависти к Наполеону и желанию войны во что бы то ни стало.

Она делалась совсем другая, как только разговор касался войны. Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна ^{342*}.

На полях рукописи конспективные записи:

л. 6 (стр. 382):

Взгляд высшего общества на Бонапарта, на причину и необходимость войны.

dans ses vastes pensées, se rapportant à des territoires vastes ^{343*}.

<15>

1

^{344*} Eh bien, mon prince, que dites-vous de la nouvelle lâcheté de ce monstre? Non mais comment expliquez-vous l'indifférence de l'Europe

^{330*} Буонапарте сжег свои корабли после прискорбного события в Эттенгейме (франц.).

^{331*} Далее начато: гр<афу>

^{332*} Он сжег свои корабли, мы должны сжечь наши. Кстати (франц.).

^{333*} граф Мортемар, он в свойстве с Монморанси через Роганов (франц.).

^{334*} его высочестве герцоге Энгьенском (франц.).

^{335*} Первоначально: во время его убийства

^{336*} Говорят, что этот молодой человек очень мил. Я просила С. мне его привести
Все наши дамы без ума от него (франц.).

^{337*} вдовствующая императрица. Далее начато: а parlée <говорила>

^{338*} ничтожный человек (франц.).

^{339*} Вместо à l'impératrice ~ барону было: и что она показала ему

^{340*} много уважения (франц.).

^{341*} Далее начато: спокой<ной>

^{342*} Вместо Она делалась совсем ~ увлекательна было: Никто никогда так всей душой не скорбит о ужасах войны, когда война начата, как женщины. Никто так сильно не желает войны, как женщины, до тех пор, пока война еще не начиналась

^{343*} в его обширных мыслях, относящихся к обширным областям (франц.).

^{344*} Перед этим было: а. В начале; б. В конце зимы 1805 года первая европейская коалиция против Буонапарте была уже составлена.

à la vue de toutes les horreurs qui se commettent impunément au temps où nous vivons. Direz-vous encore que la guerre n'est pas un devoir d'honneur pour tous ceux qui ont conservé un reste de dignité. Bientôt ce sera le tour de la Hollande, de Rome. Je vous préviens que si vous ne me dites pas que nous avons de bonnes nouvelles de Novosilzoff et si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies de cet antichrist, — ma parole, j'y crois — je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой верный раб, comme vous dites ^{345*}.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur ^{346*}. Садитесь и рассказывайте. — Так говорила известная Annette D., фрейлина и приближенная императрицы Марии Федоровны, обращаясь к члену совета и министру в звездах и орденах, только что после обеда у ее величества зашедшему к своему другу фрейлине в кавалерском домике.

Фрейлина кашляла несколько дней, у ней был грипп, как она говорила, и потому она не выходила из дому. Так как князь Василий сам назвался зайти к ней пить чай после обеда императрицы, фрейлина пригласила в этот вечер к себе кое-кого из близких людей, живших в окрестностях П(етергофа). В записочках, развозимых утром красным лакеем, было написано, во всех без различия: Si vous n'avez rien de meilleur à faire, M. le comte или mon prince, et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas, je serais bien charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures ^{347*}.

Annette D.

Кроме желания воспользоваться свободным вечером и доставить князю Василию ^{348*} достойное его общество, фрейлина Annette D., считавшая себя государственным лицом, на котором лежали политические обязанности, желала сообщить кое-кому из друзей и из дипломатов впечатление, произведенное при дворе императрицы М(арии) Ф(едоровны) известием о присоединении Бонапартом Генуэзской республики к Французской империи, составлявшем в это время новость дня.

— Dieu! Quelle virulente sortie! ^{349*} — несколько не смутясь такой встречей, отвечал, чуть улыбаясь, вошедший князь в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах с теми тихими приемами и интонациями, которые свойственны человеку случайному. Он подошел к Annette D., поцеловал ее руку, подставив ей свою надушенную и сияющую лысину и сел подле.

— Avant tout, dites moi comment vous allez ^{350*}, успокойте друга, — сказал он тоном, в котором из-за участия и приличия просвечивало равнодушие и даже насмешка. — Потом, ежели вы обещаете взять назад вашу страшную угрозу прогнать меня, я вам расскажу новость. Из-за угро-

^{345*} Ну, князь, что вы скажете о новой ужасной подлости этого чудовища? Но как вы объясните себе равнодушие Европы при виде тех безобразий, которые безнаказанно творятся в наше время. Вы будете по-прежнему утверждать, что война не долг чести для всех тех, у кого сохранилась еще хоть капля достоинства? Скоро наступит очередь Голландии, Рима. Предупреждаю вас, что если вы не сообщите мне о том, что у нас имеются хорошие вести о Новосильцеве и если вы позволите себе по-прежнему извинять все гнусности этого антихриста, — даю вам слово, что я больше вас знать не хочу, вы больше не мой друг, вы больше не мой верный раб, как вы себя называете (франц.).

^{346*} Я вижу, что я вас пугаю (франц.).

^{347*} Если у вас, графини князь, нет в виду ничего лучшего, и если перспектива провести вечер у бедной больной не пугает вас, я буду очень рада видеть вас у себя между 7 и 10 часами (франц.).

^{348*} Далее было: назвавшемуся к ней

^{349*} Боже! Какое жестокое нападение! (франц.).

^{350*} Прежде всего скажите, как ваше здоровье (франц.).

зы — ничего. Без угрозы — все. Он сказал все это ^{351*}, совсем не изменяя интонаций голоса.

— Как вы хотите, чтоб я была здоровой, когда нравственно страдаешь. Разве можно оставаться спокойной в наше время, когда есть чувство, — сказала Annette D. — Вы весь вечер у меня, надеюсь?

— А праздник английского посланника, нынче среда. Мне надо показаться там. Я поеду так поздно, как только можно.

НАТАША, ПЬЕР И АНДРЕЙ НА БАЛУ

Акварель Д. А. Шмаринова, 1954—1955 гг.

Третьяковская галерея, Москва

— Я думала, что нынешний праздник отменен. Je vous avoue que tous ces feux d'artifice commencent à devenir insipides ^{352*}.

— Ежели бы знали, что вы этого не хотите, праздник бы отменили, — сказал князь по привычке, как заведенные часы, говоря приятную и льстивую ложь, видимо, вовсе не заботясь о том, как эти слова будут приняты.

— Ne me tourmentez pas! Eh bien, la nouvelle? ^{353*}

— La nouvelle? — сказал князь холодным скучающим тоном, как будто он повторял слова, говоренные им так часто, что слова эти давно

^{351*} Далее начато: а. вяло; б. холодно

^{352*} Признаюсь, что все эти фейерверки становятся несносны (франц.).

^{353*} Не мучьте меня. Ну, а новость? (франц.).

наскучили ему. — La nouvelle? C'est que Buonaparté a brûlé ses vaisseaux et je crois que nous sommes en train de brûler les nôtres. Et vogue la galère!..^{354*}

И перемешивая разговор шуточками, комплиментами, которым он и не хотел, чтоб верили, он рассказал Annette D. все, что он знал о содержании последней депеши Новосильцева из Берлина, привезенной в тот день утром. Содержание депеши позволяло надеяться на участие Пруссии в коалиции против Бонапарта.

Князь Василий, говорил ли он умные или глупые^{355*}, одушевленные или равнодушные слова, говорил их таким тоном, как будто он говорит их 1000-ный раз и как актер роль старой пьесы, как будто слова эти выходят не из его соображений, и говорит он их не умом, не сердцем, а по памяти и одними губами^{356*}. Этот тон ничем не возмущимого спокойствия в соединении с [всегда] сухим, холодным и свежим лицом и [всегда] методически отчетливой одеждой, — как будто редкие пучки его седых волос и воротники его жабо также мало могли изменить свое положение, как бы они могли изменить его на его будущей бронзовой статуе круглые яркие всегда золоченые эполеты.

Все это внушало невольно уважение к нему. Чувствовалось, что сколько бы ни сказал он, все-таки не сказал всего, что думает и что главные и важнейшие пружины его деятельности и его тайны останутся навсегда его тайнами.

Annette D., напротив, была вся преисполнена оживления и порывов, которые она, видимо, долгим опытом едва приучила сдерживать в рамках придворной обдуманности приличия и discrétion^{357*}. Annette D., уже, видимо, прошла тот возраст, когда естественные интересы молодой женщины — желание выдти замуж^{358*} — невольно стоят на первом плане и поглощают все остальное, и пылкость ее характера, видимо, вся перенесена была на интересы придворные и политические. Всякую минуту она, видимо, готова была сказать лишнее, но, хотя она и на волоске была от того, это лишнее не прорывалось, и вследствие этого [только] разговор ее, постоянно угрожая крайностью, приобретал больше оживления. Она была нехороша, но приятный огонь глаз и оживление улыбки, выражавшей тонкую насмешку как будто над своей пылкостью^{359*}, придавали особенную привлекательность ее умному лицу.

По словам и выражению князя Василья видно было, что в том кругу, в котором они оба обращались, давно установилось всеми признанное мнение об Annette D., как о милой и доброй энтузиастке и патриотке, которая берется немножко не за свое дело, но которая, хотя и часто вдаётся в крайность, мила искренностью и пылкостью своих чувств. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Annette, выражала, как у избалованных детей, постоянно [это] сознание своего любезного и милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

Содержание депеши от Новосильцева, поехавшего в Париж для переговоров о мире, было следующее: приехав в Берлин, Новосильцев узнал, что Бонапарт издал декрет о присоединении Генуэзской республики к Французской империи в то самое время, как он изъявлял желание мириться с Англией при посредничестве России, Новосильцев, остановив-

^{354*} Новость? Буонапарте сжег свои корабли, и я боюсь, что мы должны будем сжечь наши... (франц.).

^{355*} Далее начато: пустые

^{356*} Вместо не умом ~ губами было: по памяти и как будто слова эти ему уже давно, давно надоели

^{357*} сдержанности (франц.).

^{358*} Вместо естественные ~ замуж было: природные интересы женщины — любовь.

^{359*} Вместо насмешку ~ пылкостью было: насмешку над холодностью других и над своей горячностью

пись в Берлине и предполагая, что такое насилие Буонапарте может изменить намерение императора, спрашивал разрешение его величества ехать ли в Париж, или возвратиться. Ответ Новосильцеву был составлен и должен быть отослан завтра. В ответе сказано: «*Nous ne voulons plus traiter avec un homme qui, tout en protestant de son désir pour la paix, continue ses envahissements*»^{360*}.

— Ну к чему все эти переговоры, — сказала Annette D. по-французски, как и весь разговор происходил. — Разве не ясно, что этот злодей только хочет выиграть время? Разве можно договариваться с убийцей и изменником, — перебила Annette D., краснея и дрожа от одушевления. — Все равно, война и война. Война неизбежна. Не переговоры, а смерть за смерть нужна злодею, — сказала она раздувая ноздри и^{361*} поворачиваясь на диване^{362*}.

— Вы слишком кровожадны, *ma chère*, в политике не делается все, как в гостиной. *Il y a des ménagements...*^{363*}

— Но к чему они нас повели?

— А к тому, что Австрия теперь должна принять неизбежность войны. Все другие пути истощены.

— Не говорите мне про Австрию. Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны, и она предаст нас. Россия одна должна быть спасительницей Европы. И наш благодетель знает свое высокое призвание и будет верен ему. Вот одно, во что я верю. Государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что бог не оставит его, и он исполнит свое призвание, задавит гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея. Мы одни должны испить кровь праведника. На кого нам надеяться? Я вас спрашиваю. Англия с своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра. Она хочет видеть, ищет *arrière-pensée*^{364*} наших действий. Что они сказали Новосильцеву? Ничего. Они не поняли. Они не могут понять самоотвержения императора. И что она обещала? Ничего, и что обещали, и того не будет. Пруссия прямо объявила, что Буонапарте непобедим, и что вся Европа ничего не может против него... Но я верю в бога и в высокую судьбу императора. Он спасет Европу... — Она вдруг остановилась с своей улыбкой насмешки над своей горячностью. — Что пишет Новосильцев про прусский двор? — спросила она.

— Есть надежда, — сказал князь, улыбаясь тоже. — Я думаю, что ежели бы вас послали вместо Винценгероде, вы бы взяли приступом согласие короля. Нет, без шуток, *entre nous*^{365*}, ежели государь сам будет видеться с королем, то он не устоит. Последнее известие, говорят, очень подействовало и на прусский двор. Но вы не признаете трактатов, а пруссаки еще держатся суеверия, они связаны договорами с Наполеоном.

— *Que me parlez-vous de traites avec un homme qui ne connaît que son ambition, après l'assassinat du duc il n'y a plus de traité*, — вспыхнув проговорила Annette. — *A propos*^{366*}, — прибавила она; опять успокоившись. — Нынче у меня будет очень интересный человек, — сказала

^{360*} Мы не хотели более вести переговоры с человеком, который, изъявляя желание мириться, продолжает свои вторжения (франц.).

^{361*} Далее было: блестя глазами

^{362*} Далее было: но вслед за тем улыбаясь над своим одушевлением

^{363*} Есть более мягкие способы (франц.).

^{364*} заднюю мысль (франц.).

^{365*} между нами (франц.).

^{366*} Зачем вы упоминаете о договорах с человеком, который ничего не признает кроме своего собственного честолюбия; после убийства герцога договора больше не существует... Кстати (франц.).

Annette, — le vicomte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohan ^{367*}, одна из лучших фамилий Франции. Он был при Monseigneur le duc d'Enghien, при несчастном святом мученике, во время его пребывания в Ettenheim. On dit qu'il est très bien ce jeune homme. Votre charmant fils Hyppolite m'a promis de me l'amener ce soir. Toutes nos dames en raffolent ^{368*}.

— Кроме вас, разумеется. Я его видал в свете, — отвечал князь, видимо, мало заинтересованный надеждой видеть хоть бы и Mortemart'a.

— Скажите, — прибавил князь по случаю упоминания о своем сыне, вспомнив, что он хотел назначить его секретарем в Вену. — Правда, что Impératrice mère ^{369*} желает назначения барона Ф. первым секретарем в Вену ^{370*}. C'est un pauvre sire ^{371*}, все, что я могу сказать.

Annette D. почти закрыла глаза в знак того, что она и никто не может судить про это. Барон был рекомендован ее величеству, à l'Impératrice mère, — только сказала она сухо (?). Лицо Annette выразило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, когда она назвала императрицу, что с ней бывало всякий раз, как она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволило оказать барону Ф. beaucoup d'estime ^{372*}, и опять взгляд ее подернулся грустью. Князь равнодушно замолк.

— Mais à propos de votre famille ^{373*}, — прибавила Annette D. ^{374*} после вздоха и вновь оживая. — Знаете ли вы, что ваша дочь fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour ^{375*}. Государыня очень часто спрашивает про нее: «Que fait la belle Hélène?» ^{376*}. Князь наклонился в знак уважения и признательности.

— Я часто думаю, — продолжала Annette D., — как иногда несправедливо распределяется счастье жизни. За что вам дала судьба таких двух ^{377*} славных детей. Я исключаю Анатоля вашего меньшого. Вы, право, ^{378*} менее всех других цените их и потому их не стоите, — сказала она, улыбаясь своей восторженной улыбкой.

— Que voulez-vous, Lafater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paternité ^{379*}, — сказал князь вяло ^{380*}.

^{367*} виконт де Мортемар, который в родстве с де Монморанси через Роганов (франц.).

^{368*} Говорят, что этот молодой человек очень хорошо воспитан. Ваш милый сын Ипполит обещал привести его ко мне. Все наши дамы от него без ума (франц.).

^{369*} вдовствующая императрица (франц.).

^{370*} Вместо желает ~ в Вену было начато: желает назначения Кутузова

^{371*} ничтожный человек (франц.).

^{372*} большое уважение (франц.).

^{373*} Но кстати о вашем семействе (франц.).

^{374*} Вместо de votre ~ Annette D. было: de votre fils (о вашем сыне), прибавила она.

^{375*} доставляет удовольствие всему свету. Ее находят прекрасной, как день (франц.).

^{376*} Что делает прекрасная Элен? (франц.).

^{377*} Далее начато: прек(расных)

^{378*} Далее начато: не стоите

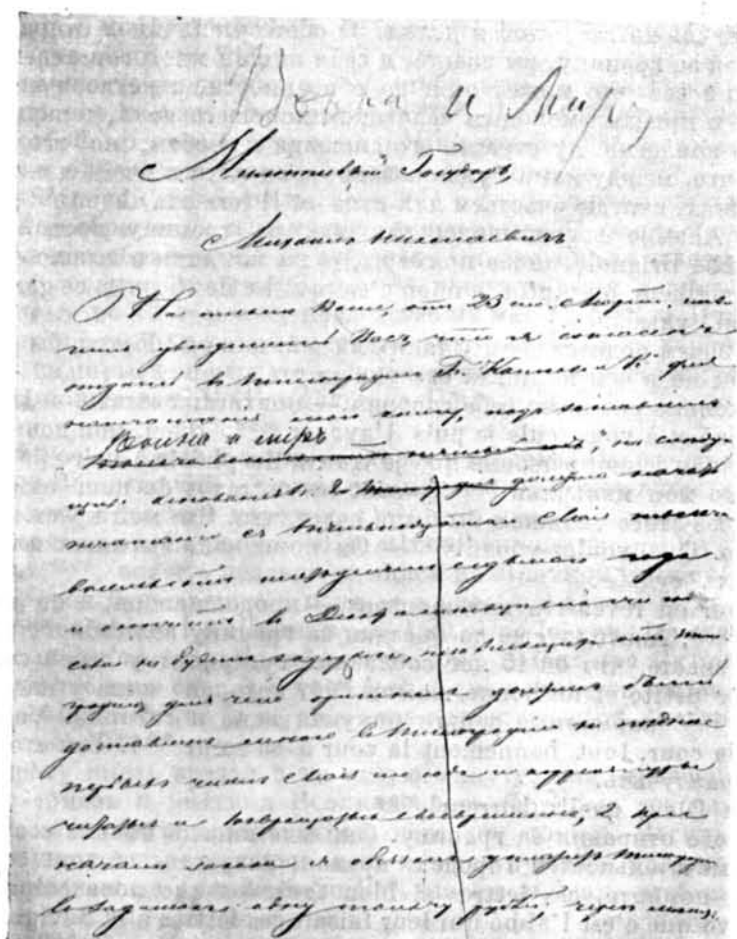
^{379*} Что вы хотите, Лафатер сказал бы, что у меня нет отцовской шишки (франц.).

^{380*} Вместо Mais à propos ~ вяло было: А ваши приедут ко мне? — спросила Annette D. [Я люблю вашего старшего Ипполита, il est très bien (он очень хорош). Анатолий — тот принадлежит к тому роду молодежи вивёров, к которым я никогда не имела вкуса. И потом он решительно не хочет знать меня. А Элен делается совершенной античной Психеей... Я бы очень желала видеть ее нынче у себя. Приедет она?]

Князь Василий улыбнулся вместо ответа. [Князь Василий был давнишний поклонник Annette D., еще тогда, когда она была очень хороша лет 15 тому назад. (Никто не знал, отчего он, тогда бывший вдовцом, не женился на ней. Полагали, что это произошло оттого, что у нее не было состояния и сам он [знал роскошь], никогда не имел почти ничего кроме службы). Привычка князя Василия была попятна для Annette D. Он всякий раз улыбался так, когда [она при нем] женщина хвалила красоту какой-нибудь другой женщины, хотя бы это была его дочь. Улыбка эта означала: vous êtes trop

— Я всегда удивлялась, как вы с вашим хорошим сердцем, потому что vous avez beau vous faire pire que vous ne l'êtes ^{381*}, у вас сердце хорошее, как вы можете быть дурным отцом ^{382*}.

— Сердце-то это занято ^{383*}... и вы знаете, кто в этом виноват...

ПРОЕКТ ДОГОВОРА НА ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
РОМАНА «ВОЙНА И МИР» С ЗАГЛАВИЕМ И ИСПРАВЛЕНИЯМИ
РУКОЙ ТОЛСТОГО (МАРТ 1867 г.)

Договор составлен в форме письма к М. Н. Лаврову, сотруднику типографии
М. Н. Каткова

Архив Толстого, Москва

— Перестаньте шутить. Я серьезно недовольна вашим меньшим сыном. Я его совсем не знаю, но он, кажется, il a pris à tâche de se faire une

indulgent. Quand on est belle comme vous <вы слишком снисходительны. Когда прекрасна как вы...>

— Не знаю, — сказал он, — Ипполит, кажется, едет к посланнику, а [Sophie] Hélène хотела приехать. Вы знаете, j'ai beau faire <как я ни стараюсь>, все что касается моих детей меня мало интересует.

^{381*} вы напрасно стараетесь казаться хуже, чем вы на самом деле (франц.).

^{382*} Вместо как вы ~ отцом было: как вы с вашим хорошим сердцем можете быть дурным отцом?

^{383*} Первоначально: всегда занято

réputation scandaleuse ^{384*}. Между нами будь сказано, — лицо ее приняло грустное выражение, — об нем говорили у ее величества и жалели вас.

Князь В(асилий) поморщился и с живостью и волнением стал рассказывать ^{385*}:

— Что вы хотите, чтоб я делал? Я обоих мальчиков отправил 3 года тому назад за границу, вы знаете, я себя лишил многого; я сделал для их воспитания все, что может отец по обязанности, а не по чувству. Старший был и приехал молодым человеком хорошего дома, теперь он в иностранной коллегии, ну страсть его смешная к гербам, но все он хорош. Правда, что, между нами будь сказано, — он глуп и очень даже глуп, что я, в скобках, считаю счастьем для отца *et il fera son chemin* ^{386*}, вы увидите; но Anatole воспитывался так же, за границу поехал так же, с тем же abbé Brignole, те же примеры, те же влияния и вышло совсем другое. *Son malheur ou plutôt le mien c'est qu'il a de l'esprit, ce garçon* ^{387*}, — сказал он, улыбаясь.

— И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла вас упрекнуть.

— Сколько раз я это себе говорил, — подхватил князь. — *Je suis votre верный раб et à vous seule je puis l'avouer* ^{388*}. Элен, моя дочь, для меня хорошенькая *jeune personne que je trouve du plaisir à voir* ^{389*}, и больше ничего; но мои мальчики ^{390*} *ce sont les entraves de mon existence* ^{391*}, которая без этого слишком бы была счастлива. Это мой крест. Я так себе объясняю. *Que voulez-vous...* ^{392*} — Он помолчал, выражая жестом свою покорность судьбе.

— *Pour en revenir à mes moutons*, — продолжал он, — *ou plutôt à ce mouton* ^{393*}, Анатоль еще до поездки за границу вел себя ^{394*} бог знает как. Вы знаете, что он 15 лет соблазнил гувернантку своей сестры, *une charmante petite et de bonne maison* ^{395*}, которая жила у нас ^{396*}, и на все свои ^{397*} карманные деньги покупал вино и сигарки. *Voilà*. Потом *il a fait la cour, tout bonnement la cour à sa sœur* ^{398*}. Так что я должен был их разлучить.

— Ah Dieu, quelle horreur! ^{399*}

— Я его отправил за границу. Они мне писали письма с описаниями достопримечательностей городов, нравов, искусства *et tout ce qui s'en suit* ^{400*}, помните, ces lettres si bien tournées que nous colportions ici, il se trouve que c'est l'abbé qui leur faisait ces lettres à la Sévigné que nous admirions et lui ne sait pas écrire deux mots en français ^{401*}. И что ж?

^{384*} он старательно устанавливает о себе скандальную репутацию (франц.).

^{385*} Вместо Князь Василий ~ рассказывать было: Князь Василий оживился

^{386*} и он пойдет своей дорогой (франц.).

^{387*} Несчастье его, или скорей мое, в том, что он умен, этот малый (франц.).

^{388*} Я ваш верный раб и одной вам могу в этом признаться (франц.).

^{389*} молодая особа, которую мне приятно видеть (франц.).

^{390*} Далее начато: это как-то

^{391*} они обуза моего существования (франц.).

^{392*} Что делать? (франц.).

^{393*} Чтобы возвратиться к прежнему разговору... или именно к нему (франц.).

^{394*} Далее было: [как] comme un raupen <как язычник>

^{395*} прелестную девочку и из приличной семьи (франц.).

^{396*} Далее начато: и уносил вино

^{397*} Далее начато: argent de poche <карманные деньги>

^{398*} Вот... Потом он стал ухаживать, настоящим образом ухаживать, за сестрой (франц.).

^{399*} Боже, какой ужас! (франц.).

^{400*} и так далее (франц.).

^{401*} прекрасно написанные письма, которые мы распространяли здесь, а оказалось, что это аббат писал в стиле Севинье те письма, которыми мы так восхищались, сам он не может написать двух слов по-французски (франц.).

сам l'abbé был совершенно развращен Анатолем. Оказывается, что там они с l'abbé пили, ездили по балам, играли и le cher Anatole завел интригу с какой-то une de ces princesses italiennes et s'est trouvé être en concurrence avec un cardinal ^{402*}. И был посажен au château de St. Ange. Voilà. Tout cela est très triste, mais que voulez-vous, c'est un très beau garçon et qui malheureusement ne manque pas d'esprit. Très beau garçon! ^{403*} — прибавил он ^{404*}.

— Вы никогда не думали о том, чтобы женить его? Говорят, что старые девицы ont la manie des mariages ^{405*}. Я еще не чувствую этой слабости за собой, но у меня есть одна petite personne ^{406*}, которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse В. ^{407*}.

Князь Василий не отвечал, хотя ^{408*} с свойственной светским людям быстротой соображения и памятью движением ^{409*} головы показал, что он принял к соображению это сведение. Он продолжал о меньшем сыне.

— Нет послушайте, теперь он ^{410*} живет у меня в доме, я им ^{411*} даю каждому по 10 т(ысяч), наследство их матери ^{412*}: у Ипполита все это выходит на гербы и разные странности, у Анатоля на танцовщицу, на скакунов, на пиры, и он играет. — Он помолчал. — Что будет через 5 лет ^{413*}, ежели это пойдет так? Voilà l'avantage d'être père ^{414*}. Она богата, ваша княжна?

— Отец очень богат и скуп, он живет в деревне. Знаете, этот знаменитый князь В(олконский), отставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но с странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse comme les pierres ^{415*}. У нее брат ^{416*}, вот что недавно женился на Ляниной, бывший адъютант Кутузова, — он будет нынче у меня — и она одна дочь ^{417*}.

— Oui, ma chère, les affaires avant tout. Une fois que les choses en sont à ce point et qu'on en parle même à la cour, il faut que j'y mette ordre. Je sais bien que vous avez été, vous êtes et que vous serez toujours mon bon ange. La seule chose que je ne puis vous pardonner c'est de n'avoir jamais voulu de moi ^{418*}.

Эту фразу князь сказал в ту самую минуту, как придворный лакей доложил: «князь и княгиня В(олконск)ие». (Это был тот самый князь В(олконский), брат предлагаемой невестки князю Василью). Князь Василий чувствовал, что ничем он не мог так душевно польстить Annette D., как намеком на супружество ^{419*}, но он выбрал, чтоб сказать это,

^{402*} с одной из итальянских княгинь и оказался в соперничестве с кардиналом (франц.).

^{403*} в тюрьму Св. ангела. Вот. Все это весьма грустно, но что поделаешь, он очень красив и, к сожалению, не лишен ума. Весьма красивый малый (франц.).

^{404*} Далее было: а. начато: неволью; б. радостно

^{405*} имеют магию женить (франц.).

^{406*} девушка (франц.).

^{407*} наша родственница, княжна Б. (франц.).

^{408*} Далее начато: видимо, он

^{409*} Вместо движением было: знаком

^{410*} Вместо Нет ~ он было: Теперь он

^{411*} Далее начато: отдал состоян(ие)

^{412*} Вместо даю ~ матери было: даю по 10 т(ысяч) каждому

^{413*} Вместо и он играет ~ 5 лет было: так что мне страшно подумать о том, что у него будет долгу через 5 лет.

^{414*} Вот выгода быть отцом (франц.).

^{415*} Бедняжка несчастлива, как камни (франц.).

^{416*} Вместо У нее брат было: У него один сын

^{417*} Далее было: про которую я и говорю.

^{418*} Конечно, милая моя, дела прежде всего. Раз положение таково, что о нем говорят даже при дворе, я должен навести порядок. Знаю хорошо, что вы были, есть и всегда будете моим добрым ангелом. Единственное, чего простить я вам не могу, это, что вы никогда не хотели принять моего поклонения (франц.).

^{419*} Далее начато: и вместе с тем он во всякое другое время

такую минуту, когда входили гости, и потому дальнейшие объяснения, могущие быть неприятными для него, были невозможны.

Князь Василий был государственный человек, человек сильный в Совете и при дворе, человек, одаренный великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности. Он был короткий приятель *всех*. Так по крайней мере казалось всем сильным мира того времени. Каждый из министров, придворных, вельмож, влиятельных женщин, даже великих князей был уверен, что князь В(асилий) со всеми остальными, исключая самого его, в самых коротких отношениях и что права на эту короткость даны князю на основании его серьезных и прекрасных качеств и достоинств. Ежели я и не нахожу в нем особенных достоинств ^{420*}, думал тот, который рассуждал таким образом, то это происходит, должно быть, оттого, что я мало знаю его; но, судя по близости его ко всем и по простоте и фамильярности его обращения и со мной, он должен быть очень нужный и важный человек и им нельзя пренебрегать. Точно так, хотя и не отдавая себе в том отчета, думал каждый из людей, короткость с которыми нужна была князю. Дар фамильярности князя состоял в том, что он имел искусство ^{421*} быть с каждым настолько и в такие минуты фамильярным ^{422*}, что показать ему удивление в этой, ничем не оправдываемой короткости, которую он позволял себе, было невозможно, и что, вместе с тем, вид этой короткости действовал на других. На выходе он подходил к высшему сановнику государства, к удивлению его, брал его под руку и увлекал его ходить по зале, близко наклоня к нему голову и конфиденциально что-то сообщая ему. Старичок-сановник только сбирался выразить неудовольствие за такие приемы непривычной короткости, как князь умел в ту же минуту сказать старичку такие вещи, которые заставляли его слушать с интересом и прощать неловкости короткости. От старичка он подходил к великому князю и без вызова со стороны его высочества начинал, опять низко наклоня лицо, говорить смешное и заставлял смеяться его высочество. Сановник ^{423*} говорил себе: *il doit être très bien en cour* ^{424*}, глядя на его отношения с его высочеством, а его высочество, заметив его прогулку под руку с старичком, думал себе: он, видимо, в больших связях с этим сановником. Потом князь подходил к новому лицу, молодому человеку, только что начинающему выплывать при дворе, и князь, совсем незнакомый с ним, на всякий случай трепал ^{425*} по плечу и ласкал удивленного, но благодарного новичка.

Князь Василий совершенно справедливо говорил, что, ежели бы не дети, он бы был совершенно счастлив. Счастлив он был оттого, что дело его жизни совпадало с его вкусами, с его страстью к свету, к новым знакомствам, к изящной и разнообразной болтовне и ненасытному любопытству, равнявшемуся только его памяти. Annette D., с которой он пятнадцать лет в разговорах и переписках играл умной чувствительностью и надеждой на супружество, была одним из ^{426*} самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Федоровны. Он знал, что Annette D. была одна из тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе и долгой, одинокой, т. е. холостой или девической жизни ^{427*}, делаются

^{420*} Вместо Ежели ~ достоинств было: Ежели я короток с ним

^{421*} Первоначально: чутье

^{422*} Первоначально: за панибрата

^{423*} Далее было: глядя на него

^{424*} его положение при дворе должно быть хорошо (франц.).

^{425*} Вместо и князь ~ трепал было: и князь, почти незнакомый с ним, трепал его

^{426*} Вместо Annette D. ~ одним из было: Annette D., кроме того, что была его другом женщиной, таким полу-другом, полу-любовницей в хорошем смысле, которые бывали у всех образованных людей того времени, с которой он в разговорах и переписках играл умом и чувствительностью, кроме того, она была, как он сам говорил, *la cheville ouvrière* <главной пружиной>

^{427*} Далее начато: утратают

нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают все дурное придворной жизни — зависть, интригу, страсть к повышениям, и приобретают полное доверие своих господ.

Annette D. была верным слугою, как старая собака, старый дворовой, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже ^{428*}.

Притворяться и выказывать то, что она не думала или не чувствовала, она не могла. Она была слишком честная и хорошая натура; и потому с свойственной женщинам гибкостью она раз навсегда отреклась от себя, от всей своей жизни и полюбила всеми силами души одну свою госпожу и потому уже искренно думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница. Искренность ее, отсутствие всякого искуательства так редки везде и особенно в том мире, в котором она жила, что эти качества были оценяемы, и чем меньше она желала делать для себя и для других, тем больше она могла сделать, и чем реже она высказывала свое особенное мнение ^{429*}, тем оно более уважалось. Князь Василий ^{430*}, не упускавший молодого флигель-адъютанта, не приобретая на всякий случай его поддержку, не мог не ценить своих отношений с нею.

Но и в этом случае, как и в других, он действовал не вследствие обдуманного мажорельефического плана, но по какому-то ему самому необъяснимому влечению, которое инстинктивно тянуло его в короткость к тем, которые более всего ему были нужны. Как образуется механик, музыкант, воин, так точно образуется человек придворный и государственный. Успех в этом свете есть следствие характера, а не искусства ^{431*}.

На полях рукописи конспективные записи:

л. 1 (стр. 385—386):

В Вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме императрицы матери и Александра. С другой рассказ об Енгигенском. С третьей о дворе и интригах. Все размеренно.

Обзор политических событий и переговоры.

Нота 28 августа.

Новосильцев в Париже.

Ругают Австрию.

Благодеяния государя.

Тайная коалиция войска.

(Уже в Петербурге)

В Петербурге в [августе] июне.

В Москве в сентябре.

А. М. переменить.

л. 4 об. (стр. 388):

Винценгероде в Австрии.

Не так делается его дипломатия.

Зачем переговоры?

^{428*} Далее было: а. Ей было легко жить, не думая, не чувствуя от себя, а думая и чувствуя только то, что внушала ей ее глубокая не только преданность, но страсть к своей высокой покровительнице; б. Вследствие этого ей было легко жить, во-первых, потому, что не нужно было ни думать, ни чувствовать от себя, а делать только то, что внушала ей ее глубокая не только преданность, но страсть к своей высокой покровительнице, во-вторых, потому что искренняя любовь и преданность ее была оценена и все знали, что Annette D. всегда искренна.

^{429*} Вместо чем реже ~ мнение было: чем реже мнение ее было противоположно мнению царствовавшему

^{430*} Далее было: на всякий случай

^{431*} Вместо Успех ~ искусства было: Это характер, более, чем искусство.

Затем чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть.

Австрия подличает.

На Англию надежды нет.

J'ai vu Novosilzoff ^{432*}.

Они не понимают самоотвер<жен>ности государя, но добродетель должна быть награждена.

Пруссия говорит, что ее побьют.

л. 5 (стр. 390):

Кутузова. Моро выписали, послали Палена. Я бы предложил D. Приятная поездка (во время разговора с Piere'ом).

л. 8 об. (стр. 390):

К<нязь> В<асилий> без убеждений, фамильярный и умный, дети тягость.

Annette D., обожающая государыню.

— L'impératrice [désire voir] m'a dit des contes de votre fille. Elle l'a vue au bal. On la dit si belle.

— Elle viendra ^{433*}.

^{432*} Я видел Новосильцева (франц.).

^{433*} — Императрица [желает видеть] говорила мне чудеса о вашей дочери. Она видела ее на бале. Она так прекрасна.

— Она придет (франц.).